

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО ШЕКСПИРА

ДОЛГОЕ ДЕТСТВО КРЫЛОВА

ЛЕТАЮЩИЙ ГОГОЛЬ

ШПАГА АЛЕКСАНДРА ДЮМА

маленькие повести о великих

Москва

Издательство «БПП»

2009

ЧУПРИНСКИЙ
АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 234.

Просто и доступно, с театральным блеском и подкупающим добродушием автор рассказывает о невероятно сложных, бытовых и творческих, моментах в жизни великих писателей.

ISBN 978-5-901746-11-0

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО ШЕКСПИРА

«Есть документы парадные, и они врут, как люди»
«...там, где кончается документ, там я начинаю...»

Юрий Тынянов

Все началось с шутки.

— Хочу родить ребенка. Мальчика, — заявил как-то вечером, сидя в таверне «Лисий хвост», Джон Андервуд. Это был добродушный молодой человек внушительного роста, с неизбежными усами и бородкой. Он мечтательно устремил голубые глаза куда-то вдаль, и на его круглой, как луна, физиономии застыла странная улыбка.

Уильям Уайт и Роберт Шеллоу с любопытством уставились на Джона, ожидая продолжения, но его не последовало.

Трое друзей часто коротали время в этой, самой захудалой таверне на северной окраине старого Лондона. Все трое получили блестящее образование в кембриджском университете и принадлежали к высшему слою общества. Молодость и здоровье били в них ключом, и еженедельное, хотя и инкогнито, посещение таверны с самой дурной репутацией, было для них своего рода ритуалом.

Ночная стража с барабанным боем, алебардами и факелами сюда никогда не заглядывала, и частенько, после изрядной потасовки с подвыпившими

посетителями, друзья выходили на улицу с особым ощущением полноты и радости жизни.

Джон Андервуд продолжал хранить молчание, и тогда Шеллоу, самый рассудительный из друзей, сделав внушительный глоток из кружки, выразительно кашлянул.

— Согласитесь, дорогой мой, — начал, как всегда очень издали, Шеллоу, — Без женщины, в данном случае, обойтись трудно... А вы, насколько нам известно, даже не...

— Что за чушь! — возразил Андервуд и глаза его весело заискрились. — Можно обойтись и без женщины. Кроме того, мне нужен сразу взрослый ребенок. Юноша.

— Собираетесь кого-либо усыновить? — поинтересовался Уайт.

— Именно родить. Взрослого. И гениального! — без запинки ответил Джон. — Приглашаю вас в компаньоны.

Уайт и Шеллоу переглянулись. Андервуд невозмутимо продолжал:

— Родить обычного ребенка может любая женщина, любая курица. Родить гения! — произнес он загадочно, — На это способны только мы, мужчины в полном расцвете сил.

Джон нахмурился и потер ладонью лоб.

— Имя. Меня беспокоит имя. Имя... это судьба!

Оглянувшись по сторонам, Андервуд сделал друзьям жест рукой и все трое, навалившись на стол, сдвинули головы и понизили голоса. Впрочем, они

вполне могли этого и не делать. В тот морозный зимний вечер в таверне было на редкость мало посетителей.

За стойкой у бочки скучал хозяин. Маленький, чернявый человечек с бегающими, как у мышонка глазками. Звали его Вилли, а фамилия была совсем уж убийственной — Рипкеш. Его предки были выходцами откуда-то с востока, отсюда такая странная фамилия. Она не раз давала повод друзьям для самых разнообразных, но всегда остроумных шуток. Завсегдатаи звали его просто Рипс.

Таверна недаром имела дурную репутацию. Низкие, прокопченные потолки, скрипучие, неровные половицы пола, да единственное маленькое окно. Здесь невольно хотелось замыслить крупную авантюру. Или, на худой конец, мелкое злодейство. Качество хереса, который подавал в глиняных кружках услужливый Рипс, вопрос особый. Сделав пару глотков этого пойла, любой, самый добродетельный островитянин, тут же жаждал сотворить что-нибудь эдакое, из ряда вон.

Спор за столом наших знакомых между тем нарастал. Друзья уже начали размахивать руками, что не очень свойственно людям их круга.

Более других горячился Уайт. Уильям Уайт. Его худое лицо с тонким, прямым носом и близко посаженными глазами, казалось, было создано для сдержанности. Но именно этого качества ему всегда и недоставало. За глаза друзья называли его «Уиф-Я-Протиф».

— Я против! — скороговоркой заявил он. И добавил. — Ваша затея представляется мне наглой по форме и абсолютно безнравственной по содержанию.

— Но чрезвычайно увлекательной! — вставил Шеллоу.

— Не спорьте, друзья мои! — слегка раздраженно подытожил Джон Андервуд. — Юноша должен быть, как минимум, гениальным. Иначе и затеваться не стоит. Где он проявит свои таланты...

Андервуд на секунду задумался, потом продолжил:

— Мы можем сделать его, скажем, великим путешественником. Или великим любовником.

— Одно другому не мешает, — заметил Шеллоу.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Уайт.

— Сделаем его великим писателем. И заодно пылким любовником. Охватим сразу всех знакомых дам, — увлеченно говорил Шеллоу. И глаза его при этом победительно сверкали.

— Это возможно... — впервые за весь вечер, задумчивым тоном протянул Андервуд. — Скажем, пятьдесят-шестьдесят женщин в год...

— Сколько-сколько!? — ахнул Уайт.

— Почему бы и нет! — пожал плечами Андервуд. — Если для дела.

— Я против! — настаивал Уайт.

— Главное, имя... — вдохновенно продолжал Андервуд. — Оно должно быть хлестким, запоминающимся, как... удар хлыста! Шипение... свист... и бац! Точно в цель! Что бы нам такое придумать?

Он на мгновение закрыл глаза и наморщил лоб. Но вот голубые глаза широко распахнулись и лицо его просияло.

— Нашел! Оно... Эй, любезный! — повернулся Андервуд к хозяину, стоящему за стойкой, — Как правильно пишется твое имя? По буквам!

Чернявый хозяин восторженно вскрикнул и, как обычно, заулыбался.

— Рипскеш, сэ! Вилли Рипскеш... Мои родители были...

— погоди! — прервал его Андервуд, — Скажи еще раз! По буквам!

— Р и п с к е ш... Вилли... — растерявшись, медленно произнес он и слегка наклонил голову, ожидая дальнейших вопросов.

Андервуд только махнул рукой. Он порывисто встал и стремительно подошел к окну, все стекло которого было покрыто ровным и почти прозрачным слоем тонкого инея. Андервуд подышал на палец и начал что-то царапать на стекле. Шеллоу и Уайт с любопытством наблюдали за его манипуляциями. Закончив царапать стекло, Андервуд, с довольным видом, повернулся к столу и широким жестом указал друзьям на дверь.

— Прошу! На улицу! Прошу, прошу!

— Может быть, летом... — наивно поинтересовался Шеллоу.

— Немедленно! Сейчас же! — зарычал Андервуд и почти силой увлек обоих под руки на улицу.

Через стекло таверны хозяин с неудовольствием наблюдал, как веселая троица заглядывала в окно, во

все глаза пялилась на начертанные на стекле буквы и что-то темпераментно обсуждала.

«Как бы стекло не попортили!» — только и успел подумать Вилли, как друзья вернулись.

Усевшись на прежние места, троица долгое время хранила глубокомысленное молчание. Было видно, они сильно взволнованы.

«Грандиозные перспективы! Дух захватывает!» — думал Андервуд.

«Зря ввязался в эту авантюру!» — думал Уайт.

«Лондон встанет на уши! Да что там, Лондон...» — думал Шеллоу.

Тут уместно уточнить, что все трое были безусловно, творческими натурами. Шеллоу сочинял баллады и сонеты, Уайт увлекался историческими хрониками и сам подумывал написать роман, а перу Андервуда уже принадлежали несколько пьес. Правда, ни одно из их произведений не было напечатано и не виделось свечей рампы. В кругу наших героев считалось дурным тоном публиковать что-либо под своим именем и вообще увлекаться сочинительством.

Наши знакомые были заядлыми театральщиками. Не пропускали ни одного представления, даже самой захудалой провинциальной труппы. Впрочем, какие еще развлечения, кроме театра, могли себе позволить образованные молодые люди в шестнадцатом-то веке.

Первым нарушил молчание Уайт.

— Имя звучное, — задумчиво протянул он, — но где гарантия, что в каком-нибудь городишке, вроде Стратфорда, не проживает тип с подобной фамилией?

— Если свечи зажигают, значит, это кому-то нужно!
— отрезал Джон Андервуд. — «Пот-ря-са-тель!». То, что нам нужно!

Друзья еще некоторое время посидели в таверне, перекидываясь незначительными фразами. Потом, щедро расплатившись, вышли на улицу и скрылись в морозной дымке вечернего Лондона.

Если бы хозяин таверны вышел вслед за ними и заглянул бы в окно собственного заведения, он прочел бы, нацарапанную на стекле, четкую, как удар хлыста, надпись... Ш... Е... К... С... П... И... Р...

Но Вилли Рипскеш был ленив и нелюбопытен, да и на улице в тот вечер было на редкость холодно. Он поежился, задул одну из двух сальных свечей и погрузился в подсчеты дневной выручки, которой, как известно, всегда недостаточно.

2

Во второй половине шестнадцатого века время на британских островах имело странную особенность — оно вело себя как ему вздумается. Чем медленнее двигались почтовые кареты, тем быстрее оно летело. Не успел английский обыватель перевести дыхание, как зима кончилась и началась стремительная, сумасшедшая весна.

Тот год был отмечен самым знаменательным театральным сезоном. Такого бешеного интереса к театру Англия еще не знала.

Десятки бродячих трупп, как по команде, бросились на штурм театрального Лондона. Под

сценические подмости спешно оборудовались даже заброшенные конюшни и портовые склады. Само собой, все гостиницы и постоялые дворы, для тех же целей, были забронированы задолго до конца апреля.

Возникало ощущение, будто добрая половина страны сорвалась с мест и, забросив дела, с головой кинулась насыщаться театральными впечатлениями. Купцы, матросы, трактирные девки, мясники, клерки из ратуши, аптекари, школяры, конюхи... Почти поголовно все население Лондона превратилось в публику. Искреннюю, наивную и бесконечно жадную до впечатлений. Все новых и новых.

В полутора километрах от моста через Темзу, если двигаться строго на юг, находился постоялый двор «У Сьюзен». Почему он так назывался, никто не знал. Ни о какой Сьюзен никто не слыхивал. В том апреле постоялый двор оккупировала одна из бродячих трупп. Репертуар ее состоял в основном из фарсов и пустых комедий.

Ведущим актером у них был молодой Вильям Портер. Каждый день, после полудня, он заходил в свою крошечную каморку, которая служила и жилищем, и гримерной одновременно, переодевался и садился за гримерный столик. Раскладывал коробки с гримом, парики, баночки с кремом, зажигал справа и слева от зеркала сальные свечи, и только потом, нахмурившись, начинал рассматривать свое отражение. Он хмурился, потому что сам себе нравился.

Портер был молод. Бесконечно молод. Как и каждый одаренный актер, в душе он был ребенком. Он только начинал карьеру и еще не сыграл ни одной

значительной роли, но уже все мужчины, знатоки театра, симпатизировали ему, а женщины поголовно в него влюблены.

Разумеется, Вильям не был негром преклонных годов и потому английским владел отменно. Правда, латынь он знал плохо, а греческий еще хуже. Его коньком была риторика. Где, когда, у кого он всему этому выучился? Сие тайна покрытая мраком. Во всяком случае, объявившись в Лондоне в составе бродячей труппы, он сходу поразил всех театралов умением сочинять сонеты, которые сыпались из него, словно горох из прохудившегося мешка.

Ходили слухи, одно время он учительствовал в каком-то сельском захолустье. Якобы, там и произошло его знакомство с будущей женой. Сошлись они на сеновале местного кузнеца и через три-четыре месяца вопрос, «жениться — не жениться», встал со всей остротой.

«Покрыть грех», в те времена для истинного британца считалось вопросом принципа. Простолюдины, каковым по происхождению был Вильям, отнюдь не являлись исключением из этого правила.

Буквально через неделю после свадьбы наш доблестный Вильям исчез, будто сквозь землю провалился. Поговаривали, отправился вслед за этой самой бродячей труппой, дававшей в то время представления в соседнем городе. Невеста, то бишь, уже законная жена, разумеется, горько плакала. Потом отвлеклась на родившегося ребенка. Домашние были счастливы, родилась девочка. Мальчик мог

унаследовать от своего родителя дух бродяжничества, каковым страдали многие из рода Вильяма. Девочка, она как-то спокойнее, надежнее.

Портер уже наносил грим на лицо, когда в дверь требовательно постучали. В каморку решительно вошли три джентльмена. То, что они джентльмены, было ясно с первого взгляда. Хотя ни один из них даже не кивнул.

Все трое уставились на Портера, как на диковинное животное.

«Бить будут!» — почему-то мелькнуло в голове у Портера, но он не подал и вида. Продолжая гримироваться, он мысленно перебрал все свои карточные долги, всех любовниц за последнюю неделю, но не нашел ничего замечательного.

Вперед выступил один из джентльменов. Разумеется, это был Андервуд. Он сразу взял быка за рога.

— Хотите стать гением? — напрямик спросил он Портера.

Портер был прирожденным актером. Его не могла смутить любая неожиданность. Даже если бы потолок внезапно обрушился, он бы и бровью не повел, продолжая гримироваться.

— Сколько заплатите, сэр? — вежливо поинтересовался он.

Трое друзей переглянулись и дружно захохотали.

— Вижу, мы договоримся. — отсмеявшись, продолжил Андервуд.

В этот момент распахнулась дверь и на пороге появился совсем молоденький юноша, почти мальчик. В

женском платье. Его редкой красоты лицо было еще без грима.

— Вильям! Ты обещал повторить нашу сцену! — напряженным тоном произнес юноша.

— Я всегда держу слово, Томми! — кивнул Портер.

Юноша быстрым и настороженным взглядом окинул трех джентльменов и, так же бесшумно как появился, исчез за дверью.

Шеллоу взял в руки стул, попробовал его на прочность, и только после этого уселся поближе к Портеру.

— Друг мой! — начал, как всегда издали, Шеллоу. — Любите ли вы театр, как я люблю его? То есть, всеми силами души вашей... Со всем испуганием, на которое способна только молодость...

— Больше жизни! — в тон ему, не моргнув глазом, ответил актер.

Андервуд незаметно одобряюще кивнул, но Шеллоу почему-то уже не хотелось продолжать в столь патетическом духе. Он на секунду замолчал и внимательно осмотрелся вокруг.

Каморка производила удручающее впечатление. Облупившаяся краска по стенам, паутина в углу и какой-то громоздкий сундук, вместо кровати — все свидетельствовало о крайней нищете бродячей труппы.

Шеллоу решил зайти с другой стороны.

Глядя на костюм Портера, висевший на стенке, он тихо спросил:

— Что вы скажете о современных драматургах?

Ответ был мгновенным.

— Все они дураки!

Портер произнес это тоном человека, утверждающего, что земля вертится вокруг солнца. И никак иначе.

— Почему вы так считаете? — вкрадчиво спросил Шеллоу.

— Их пьесы не то что играть, даже читать невозможно! — пожав плечами, как нечто само собой разумеющееся, произнес Портер. И добавил. — Один этот... Кристофер Марло чего стоит!

— Вы знакомы с Марло? — сдержанно спросил Андервуд.

— Еще бы, сэр! Он мне глаз выбил!

— Глаз выбил?! — ошарашено переспросил Уайт.

Все трое слегка напряглись и начали более внимательно присматриваться к лицу Портера. Но тот лишь помотал головой.

— Не-е... не глаз. Зуб выбил!

— Вы сказали... глаз! — упорствовал Андервуд.

— Говорю же, зуб! Во-о... видите, дырка! Кулаком ка-ак двинет! И все потому, что мне его пьеса не понравилась. Я ему так и сказал. Пьеса ваша, сэр, дерьмо собачье, и вы сами, сэр, не лучше. Он и кинулся. А еще Кембридж кончил.

Сзади скрипнула дверь. Какая-то накрашенная девица заглянула в каморку и коротко хохотнула.

— Чего тебе? — спросил ее Портер.

Девица опять хохотнула и исчезла. Портер извинился и быстро вышел из каморки. Друзья приготовились ждать.

Им немного удалось разузнать о его прошлом. Говорили, что он бросил богатую жену с ребенком где-

то в глухой провинции. Говорили, что она намного старше его и вдобавок хромая на правую ногу. Говорили, что он член какого-то тайного ордена, итальянского или французского. Но толком никто ничего не знал.

Еще говорили о женщинах. Молва приписывала их ему несметное количество. Но это было только на руку нашим знакомым.

Портер вернулся так же стремительно. Он быстро сел, взглянул в зеркало и нахмурился.

Андервуд остановился за его спиной.

— Для начала вам придется сменить фамилию.

— Охотно, сэр! — с готовностью согласился Портер.

— Если по совести, мне моя порядком осточертела. Одни неприятности.

— Что вы скажите о фамилии... Шекспир? — осторожно спросил Уайт.

Портер как-то странно среагировал. Впервые за всю беседу, он неожиданно вздрогнул и побледнел, но быстро взял себя в руки. Вымученно усмехнулся.

— Фамилия как фамилия, — пожал плечами он, — Бывает и хуже. Почему именно она?

— Судьба, провидение... — заговорчески шепнул Шеллоу.

— У нас в Стратфорде этих шекспиров... Плюнешь из окна в воскресенье, попадешь в какого-нибудь шекспира.

— Прекрасно! С этой минуты, вы... Вильям Шекспир! — решительным тоном заявил Андервуд.

— Если заплатите все мои долги, буду менять фамилию хоть каждую неделю. — заверил Портер.

Со двора уже доносились веселые выкрики, возгласы, смех... Наиболее нетерпеливые из публики проникли во двор и толкались уже возле самого помоста.

Друзья, договорившись о встрече в самом скором времени, выбрались из каморки. Не успела дверь за ними до конца закрыться, как в каморку вошел, уже знакомый нам, красивый юноша в женском платье. Теперь его лицо было густо намазано краской, глаза подведены, губы ярко накрашены.

— Чего хотят от тебя эти джентльмены? — настороженно спросил Томми, — Мне они не нравятся.

— Хотят дать кучу денег. — усмехнулся Портер. — Взамен просят, чтоб я сменил фамилию и сыграл роль. Не совсем обычную... И играть ее придется в жизни. — вздохнув, закончил он.

— Я боюсь за тебя, Вильям! — строго сказал юноша. — Я знаю, ведь ты... не тот, за кого себя выдаешь.

Наступила довольно долгая и мучительная пауза.

— Томми, мальчик мой! Подойди ко мне. — произнес Портер.

Томми медленно подошел и поднял на него свои красивые глаза. Портер положил ему руки на плечи.

— Ты тоже... не тот, за кого себя выдаешь! — произнес он.

Юноша резким движением стряхнул руки Портера со своих плеч и стремительно вышел из каморки. Портер засмеялся и, покачав головой, опять уселся за гримерный столик.

Покинув первым постоялый двор, Андервуд на улице сделал жест своему кучеру, чтоб следовал за ним, и решительно зашагал по дороге к центру города. Уайт поспешил за ним, а Шеллоу, после короткого раздумья, вскочил в карету, как раз проезжавшую мимо.

Так они и двигались к большому лондонскому мосту: впереди вышагивал Андервуд, за ним, тщательно обходя лужи и колдобины, семенил Уайт, пытаясь пристроиться к Джону, то справа, то слева, а замыкала шествие карета, в которой восседал всем очень довольный, улыбающийся Шеллоу.

«Начало положено! Вперед! Только вперед!» — думал Андервуд.

«Этот малый... Портер, не прост. Совсем не прост!» — думал Уайт.

А Шеллоу ни о чем не думал. Удобно устроившись в карете, прикрыв глаза под лучами весеннего солнца, он бубнил себе под нос какую-то незатейливую мелодию и был чрезвычайно доволен.

3

Спустя полторы недели продавцы городских баллад известили читателей о дебюте молодого автора, неизвестного Шекспира. Из листков, мгновенно раскупаемых из-за своей дешевизны, было ясно: Во-первых, название пьесы невозможно запомнить — «Правдивая история вражды между двумя славными домами Хейвуда и Хотсона, с изображением смерти доброго герцога Ричардсона, и трагическим концом гордого графа Семптона...», и так далее, еще пять-шесть

фраз; Во-вторых, исполнять главную роль герцога Ричардсона будет непосредственно сам автор.

Название публике понравилось, хотя мало кто дочитывал его до конца. Историческая основа и намеки на день сегодняшней всех волновали. Настораживала и даже возмущала наглость какого-то провинциального выскочки. Быть автором пьесы и исполнителем главной роли одновременно? Назревал крупный скандал.

Впрочем, кто не рискует, тот эля не пробует.

Разумеется, под именем «Шекспир» выступили наши знакомые. Отсюда столь длинное название. Ни один из соавторов не хотел уступать, (ну, просто ни в какую!), и три названия соединили вместе.

По распоряжению Андервуда на постоянный двор доставили целую дюжину новых дубовых бочек, взамен старых. Их поставили от стены до середины и покрыли досками. Стена была готова. Колонны, справа и слева, украсили зелеными ветками, а пространство между дверьми занавесили полотном, на котором изобразили гербы славных домов Хейвуда и Хотсона. Старый двор преобразился. Правда, флаг на башне в честь представления не поднимали. Просто самой башни не было.

Андервуд стремительно ходил по всему зданию, появляясь в самых неожиданных местах, и давал распоряжения всем, кто попадался на его пути. Уайт, уединившись с хранителем книги и суфлером Томасом Хартом, что-то правил в рукописи. И лишь Шеллоу, поставив в самом центре двора кресло, восседал на

нем, как на троне, покуривал трубку и, с видимым удовольствием, обозревал суматоху вокруг.

Проходя по коридору первого этажа, Андервуд услышал за одной из дверей женский плач. В другой ситуации он не придавал бы этому значения, но сегодня...

Джон осторожно подошел к двери и прислушался. За дверью плакала девушка. Горько, навзрыд.

Джон решительно постучал в дверь набалдашником трости. Плач мгновенно прекратился. Он постучал еще раз.

Дверь открылась, на пороге стоял Томми в мужском костюме.

— Что вам угодно, сэръ? — сухо спросил он.

— Могу чем-нибудь помочь?

— Нет, сэръ! — ответил юноша и захлопнул дверь.

Прямо перед носом потрясенного Андервуда.

Андервуд несколько мгновений стоял неподвижно перед закрытой дверью. Какая-то неясная догадка, нелепая и ужасная, мелькнула у него в голове, но он отогнал ее.

«От себя не убежишь!» — думал Вильям, сидя в своей каморке и лихорадочно накладывая грим на лицо. «Если родился Шекспиром, ты и в Африке будешь Шекспиром! Сколько не меняй фамилию, она все равно тебя достанет!».

Кстати, о самой фамилии «Шекспир». Поговаривали, еще прапрадед Вильяма, обладая диким нравом, имел привычку, упившись до озверения, загонять своих домочадцев на высокое, ветвистое дерево, растущее во дворе. Всю ночь он мощно тряс огромное дерево своими лапищами. Мечта у него,

видите ли, такая была. Чтоб домочадцы посыпались с веток, как спелые яблоки.

Как правило, раз в неделю прапрадед тряс ветвистое дерево во дворе своего дома. И распевал во все горло воинственные гимны. Ходили слухи, отсюда и пошла фамилия «Шекспир», что всего-навсего означает «Потрясатель».

Хотя, возможно, это только легенда.

Сегодня, сидя перед зеркалом, Вильям уже не хмурился. Не до того было. Никогда еще он так не волновался. На молодого актера волнами накатывал панический страх. Совсем не так представлял он себе свое будущее, когда, сменив фамилию на «Портер», бежал без оглядки из Стратфорда. Совсем не так.

Вильям вовсе не был глупцом. Он не позволил бы себе слепо ринуться в столь дикую авантюру. Но, увы, положение его...

Карточные игры приносили одни долги, а жалование актера, о нем и вспоминать не хотелось. Проще говоря, Вильям был на содержании сразу у нескольких любовниц.

Андервуд сдержал слово, заплатил все его долги. И даже подарил ему прекрасный костюм. Со своего плеча. Правда, никаких бумаг с обязательствами Вильям не подписывал. Это внушало легкую, призрачную надежду на свободу. Но все же, все же...

Тем временем во дворе кто-то надумал навести чистоту с помощью новой метлы. Поднялась ужасающая пыль. И Шеллоу, вместе со своим тронem, вынужден был с позором бежать во внутренние коридоры здания.

За маленьким столиком у выхода на помост сидел Уайт. Он сосредоточенно вычеркивал и что-то дописывал в рукопись. Вычеркивал и дописывал. Рядом стоял Томас Харт. Медленно жуя бутерброд из яичницы с бычьим салом, он поглядывал через плечо Уайта и рукопись и изредка одобрительно кивал головой.

— Успех будет? — неожиданно спросил Уайт.

— Хорошо бы скандал какой-нибудь случился... — неопределенно ответил старый суфлер. — Публика любит скандалы.

Томас отряхнулся и, открыв дверь во двор, посмотрел на небо.

«Как бы дождя не было!» — подумал он и задернул занавеску.

Представление чуть было не началось раньше времени. Кто-то решил опробовать новый гонг и, что есть силы, ударил в него палкой.

Публика, в нетерпении ожидавшая у запертых ворот, заволновалась. Двое подвыпивших подмастерьев и какой-то иностранный матрос принялись дубасить кулаками и ногами в ворота, требуя, чтоб их немедленно впустили. У них присоединились вездесущие школяры. Этим только дай повод побузить. Раздались угрожающие возгласы. И Томасу Харту не оставалось ничего другого, он дал сигнал — открыть ворота.

Публика хлынула во двор настолько стремительным бурным потоком, что чуть не снесла сами створы ворот. Помощники суфлера едва успевали собирать плату за вход, по пенни с носа.

Зрители, с трех сторон окружившие помост, бесконечно вертели головами, пытаясь прочесть плакат вокруг двора, на котором было написано название пьесы... Конюхи, мясники, купцы и аптекари, мужчины и женщины... все одновременно двигались, разговаривали, здоровались и шептались, перекликались и смеялись...

Тут и там сновали торговки яблоками, элем и пудингом. Смех, восклицания...

Словом, атмосфера взвинченности и ожидания праздника.

В галерее второго этажа появилась знатная дама в полумаске. Ее сопровождал кавалер при шпаге. Добрая половина двора тут же принялась разглядывать гостей и вслух обсуждать их скрытые достоинства и явные недостатки.

Вильям несколько раз сильно выдохнул и, прислонившись спиной к стене, стал ждать. Выход на помост ему загораживали спины Уайта, Шеллоу и Андервуда. Все трое, согнувшись в три погибели, сквозь дырки в занавеске разглядывали публику.

Ударили в гонг. Публика постепенно успокоилась, шум стих. На сцену вышел музыкант с флейтой и заиграл грустную мелодию. Доиграв до конца, музыкант поклонился. Вильяму было пора выходить. Спектакль начинался его монологом, но...

Но Вильям и не думал выходить на сцену. С ним случилось то, о чем со страхом рассказывают старые актеры. В эту минуту он почувствовал, что карьера драматурга его больше не прельщает. Ему неудержимо

захотелось только одного — бежать куда глаза глядят! И как можно быстрее! Но ноги отказывались подчиняться.

Музыкант на помосте, скосив глаза в сторону двери, увидел, что никто не выходит и заиграл мелодию еще раз. Закончив второй раз играть, он второй раз поклонился. Наступила томительная пауза.

Публика начала смеяться. Сначала раздались отдельные смешки, глухой ропот. Потом смех начал волнами гулять по всему двору.

Вильям стоял в коридоре у стены, как Прометей прикованный. Широко раскинув руки, он будто пытался втиснуться в стену. Ноги его приросли к полу. На лбу выступил холодный пот. Еще мгновение и он просто убежал бы с постоянного двора.

Андервуд, предвидя такой поворот событий, преградил ему путь. Цепко схватив Вильяма за руку, он щелкнул пальцами музыканту. Музыкант понял. Вздохнул и принялся играть в третий раз. Закончив, он уже не стал кланяться. Повернулся и ушел за занавеску.

Андервуд и Уайт подвели за руки Вильяма к занавеске.

Какой-то писклявый голос с галереи пронзительно выкрикнул:

— Ричардсо-он... погрузился в со-он!!!

Публика встретила эту остроту взрывом смеха.

Вильям вздрогнул и попытался освободиться.

Но тут над самым его ухом раздался повелительный окрик:

— Ну! Впере-е-ед!!! — зарычал Андервуд.

На плечо Вильяма опустилась могучая рука Джона и вытолкнула его на помост. Вдобавок кто-то,

(наверняка, это был Шеллоу, кто же еще!), дал ему легкого пинка под зад.

Вильям вылетел на самую середину помоста. Двор просто загрохотал от немыслимого восторга...

Вильяму показалось, что он впервые в жизни ступил на сцену. Он не знал, куда повернуться, когда начать. Встав в неестественную позу, он напряженно ждал, когда, наконец, публика успокоится.

Но двор начал бесноваться. Рев голосов и топот ног были способны заглушить рев морского прибоя! Столичная публика всегда прибегала к этому несложному приему, чтобы смущать молодых актеров. А тут как раз подходящий случай! Какой-то молоденький провинциал осмелился выступить еще и в роли автора!

Двор бесновался и орал дурными голосами...

... Но к Вильяму вдруг вернулось присутствие духа. В нем вскипела горячая актерская кровь. Не произнося ни звука, он начал шевелить губами, широко открывать рот, корчить страшные рожи, простирать к зрителям руки, шагать по помосту взад-вперед, делая вид, будто произносит страстный монолог...

Наконец публике наскучило и ей захотелось послушать. Постепенно шум стих. Тут-то и обнаружилось... Вильям просто одурачил всех. Когда зрители это поняли, они опять словно с цепи сорвались. Но на сей раз они неистово аплодировали самому Вильяму Шекспиру!

В воздух полетели головные уборы!

Но самое удивительное случилось минутой позже. Вильям поднял вверх руки, чтоб все-таки произнести

монолог. Наступила оглушительная тишина. Не успел он и рта раскрыть, как прогремел гром.

Самый настоящий. С небес!

Какая-то торговка дико вскрикнула. В ответ ей раздался дружный смех подвыпивших подмастерьев. Публика заволновалась. И в ту же секунду на двор обрушился ливень...

Визги, крики, стоны...

Знатная публика из-под навеса второго этажа с удовольствием наблюдала, как по двору метались, спотыкались, падали, кричали, смеялись и ругались мясники, аптекари, клерки из ратуши, матросы, покрашенные девицы...

Школяры с галереи второго этажа, хохоча, начали швырять в публику моченые яблоки... Им в ответ полетели многочисленные комья грязи... И даже чей-то сапог...

Здоровенный нетрезвый детина в куртке с капюшоном взобрался на помост и с яростью грозил кулачищем небу...

А ливень только усиливался и усиливался... Пока не накрыл весь постоялый двор сплошной стеной...

Представление было сорвано. Что об этом думали трое наших друзей, лучше не описывать.

Лондонская квартира Андервуда была обставлена в охотничьем стиле. Лично сам Джон терпеть не мог охоту, и все что с ней связано, но, подчиняясь традициям своего древнего рода, по стенам, между

портретами многочисленных предков, повесил рога оленей, чучела птиц.

Тут и там валялись шкуры самых разнообразных зверей.

Ярко пылал камин. Друзья сидели за длинным столом на стульях с высокими испанскими спинками и пили мадеру.

— Наш подопытный заставляет себя ждать. — довольно мрачно констатировал Уайт.

— Подопечный, — улыбнувшись, мягко уточнил Шеллоу.

Андервуд, сидевший во главе стола, промолчал. Сегодняшняя встреча с Вильямом должна была решить многое. Неудача первого спектакля поставила под сомнение весь блистательный проект. Джон был отнюдь не из породы тех людей, которые при первой же неудаче, отказываются от всего замысла. Но даже его одолевали сомнения.

«Быть или не быть?» — напряженно думал Андервуд.

Время шло, Вильям Шекспир все не появлялся...

... Светлая лунная ночь большая редкость в весеннем Лондоне. Легкий, почти прозрачный туман с Темзы, длинные тени от соборов и башен создают нереальную атмосферу. В такие фантастические ночи на пустынных улицах можно услышать и громкое пение, доносящееся из распахнутых окон ближайшего кабака, и залиvistый женский смех со скамейки в соседнем парке, и протяжный вой на луну сторожевых собак, звенящих цепями у портовых складов.

Но горе тому из столичных жителей, кто расслабился, воспринял невероятную красоту ночного города, как некое художественное творение Создателя и напрочь потерял бдительность. Именно в такие прекрасные ночи и случаются в Лондоне самые жуткие кровавые преступления и ограбления.

Впрочем, ни один здравомыслящих, жителей столицы, не выйдет в сумерках на улицу без ножа или шпаги. Даже представительницы слабого и прекрасного пола, если обстоятельства вытолкнут на улицу, спрячут под изящным плащом маленький кинжал.

Самые невероятные встречи происходят в такие ночи...

Вильям шел на свидание с незнакомкой. В антракте спектакля какой-то мальчишка, из тех, что вечно вертятся около театра, сунул ему записку. Всего несколько слов. «Жду вас в трактире «Сокол» после полуночи. Только посмейте не прийти!». Приписка таила в себе угрозу. Скрытую, но очень определенную. Бумага пахла французскими духами. Ясно, что писала какая-то знатная дама.

Не успел Вильям пройти и двадцати шагов от театра, как почувствовал за собой слежку. Чувство опасности никогда не покидало его, даже во сне. Оно не раз спасало ему жизнь в этом большом и тревожном городе.

Дважды Вильям резко сворачивал в узкие улочки и, затаившись у стены, ждал появления из-за угла преследователя. И дважды звук шагов невидимки затихал где-то совсем рядом. Потом исчезал вовсе.

У дверей трактира его встретил кавалер в плаще со шпагой. Тот самый, что сопровождал даму в полумаске на спектакле. Он кивнул Вильяму и они вошли внутрь.

В трактире было полным-полно народа. Они поднялись по скрипучей лестнице и долго шли по темному и узкому коридору. Кавалер подошел к двери и трижды постучал. Еще раз кивнув, он исчез в темноте коридора. Вильям перевел дыхание и отворил дверь.

Посреди комнаты на стуле сидела дама в полумаске. Вильям смотрел на нее во все глаза и ничего не понимал. Она резким движением сняла маску с лица. Вильям тихо охнул.

«Смуглая леди! Фрейлина самой королевы!» — пронеслось в голове. Она была очень известной особой в Лондоне. Красотой затмевала самых знаменитых и богатых красавиц высшего света.

Вильям молча смотрел на нее. Разглядел, что она едва заметно усмехнулась. На ее смуглых щеках появились ямочки.

— Я ваша поклонница. Вы удивлены? — певуче спросила Леди.

— Да-а... — выдохнул Вильям.

— Вы всегда такой... немногословный?

— Да-а... — еще раз выдохнул он.

Некоторое время она удивленно молчала.

— Какие-нибудь слова, кроме «Да-а...», знаете?

— Да-а... — уже ничего не соображая, молвил Вильям.

Леди звонко и весело расхохоталась.

— Вы так красивы! — с трудом выдавил из себя Вильям.

— Знаю. — притворно вздохнув, сказала она, — Скорее красота утащит добродетель на панель, нежели добродетель упрячет красоту в монастырь. Я буду вашей покровительницей! — неожиданно жестко заявила Смуглая Леди. И добавила. — Надеюсь, вы не против?

Вильяму не оставалось ничего другого. Он широко развел руки в стороны. Мол, я в восхищении.

— Не волнуйтесь, — продолжала Смуглая Леди, — Взамен не потребу... ни-че-го! Понимаете? — с ударением произнесла она. — Посвятите мне несколько ваших сонетов... Слышала, у вас неплохо получается... Женщине многого не надо. Два-три знака внимания... Ступайте! — без всякой связи с предыдущим, сказала она, — Буду следить за каждым вашим шагом, Вильям Шекспир! Ступайте!

Пошатываясь и натываясь на все углы, Вильям с трудом выбрался из трактира. Только здесь, на темной улице, под ослепительно яркими звездами, он смог перевести дыхание.

Сначала пошел не в ту сторону. Спohватившись, повернул к своему дому, то есть, к театру, и опять услышал за спиной четкий стук шагов.

В одном из переулков, изловчившись, он сумел ухватить преследователя за шиворот и приставил ему к горлу нож. Каково же было изумление, когда он увидел знакомое лицо партнера по сцене.

— То-омми! — воскликнул Вильям. — Шпионишь за мной?!

Через полчаса Вильям уже расхаживал по своей тесной каморке большими шагами. Насколько это было возможно. Томми застыл, как изваяние, посреди комнаты. В его огромных, красивых глазищах застыло нечто большее, чем просто страх.

— Раздевайся! — нарочито грозным тоном произнес Вильям.

— Как ты... смеешь... Вильям!? — прошептал юноша.

— Раздевайся, юноша! Раздевайся! Буду тебя сечь и пороть! Ты заслужил это наказание! — продолжал Вильям с затаенной усмешкой. Помолчал. Потом добавил. — Я жду!

— Ты не посмеешь... Вильям!

— Еще ка-ак посмею...

Томми испуганно прижал руки к груди. Отшатнулся. Опустился на сундук и вдруг... совершенно по-женски разрыдался.

Самое поразительное, что это ничуть не удивило Вильяма. Он опустился на колени рядом с Томми и начал гладить его по волосам.

«Бедная девочка!» — думал Вильям. «Как надо любить театр, чтоб рисковать жизнью! В нашей старой доброй Англии, любой женщине, рискнувшей выйти на подмостки, отрубят голову без всяких разговоров! Хотя, может... не только любовь к театру...»

— Томми, девочка моя... А ведь ты... ко мне равнодушна!

— Много о себе понимаете... мистер Шекспир! — всхлипнула она.

— Да, да... Как я раньше этого не замечал.

— Вы ничего, кроме сцены, не замечаете... мистер Шекспир!

— Рисковать жизнью... Кстати, как тебя зовут?

— Элиза... — всхлипнула девушка.

— Милый мой, Томми... тире... Элиза... Что же будет дальше?

— Не ваша забота... мистер Шекспир!

Еще долго Вильям успокаивал девушку, гладил по волосам и что-то шептал на ухо. Что именно говорил, не узнает никто никогда.

Трое друзей так и не дождались Вильяма той весенней ночью.

«Хорошо бы сейчас съесть жареную курицу!» — думал Шеллоу.

«Кажется, мы поставили не на того петуха!» — думал Уайт. Кроме театра, он увлекался петушиными боями и знал в этом толк.

— Еще не вечер! — поставил точку Андервуд. Он любил, чтобы последнее слово всегда было за ним.

И Андервуд оказался прав.

Весна того года принесла в Лондон не только театральный бум. Она принесла с собой смерть. Беспощадная чума! Бич всех крупных городов конца шестнадцатого века. Сотни горожан в одночасье заболели и умирали. Каждое утро в канавах, выкопанных прямо посреди улиц для стока нечистот, специально созданные команды помощников врачей

длинными баграми вылавливали умерших за ночь. Редкие прохожие, зажав носы платками, испуганно жались по дощатым тротуарам поближе к стенам домов и торопились проскользнуть мимо.

Да тут еще на город навалились знаменитые лондонские туманы. Никакие факелы не помогали, их света хватало на расстояние вытянутой руки, не более. Владельцы кабаков и таверн терпели колоссальные убытки. Иные закрывались вовсе. С наступлением сумерек редкий смельчак рисковал без крайней надобности выходить на улицу.

В столице наступило время грабителей и убийц. Если раньше эта нечисть промышляла только на окраинах и в порту, то в разгар чумы, под покровом лондонских туманов, группами и по одиночке, они почти открыто разгуливали по центральным улицам, отирались возле моста, поджидая запоздавших прохожих.

Крики несчастных о помощи тонули в густом лондонском тумане.

Наутро в сточных канавах, почти на каждой улице, находили не только бродяг и больных, умерших от чумы, но и ограбленных, с перерезанными горлами и раздетыми почти догола.

Городские власти, опасаясь распространения беспощадной чумы, бороться с которой не было никаких средств и возможностей, попросту запретили всяческие сборища. В первую очередь, разумеется, театральные представления. Часть трупп отправилась бродяжить по стране. Многие из актеров вообще побросали работу.

Самой собой, драматургам тоже делать было совершенно нечего. И наши трое друзей разъехались в разные стороны. Как-то так получилось, что они не успели даже толком попрощаться друг с другом, ни о чем не успели договориться.

Андервуд заперся у себя в родовом замке, в нескольких часах езды от Лондона, Уайт месяцами не показывал носа из Публичной библиотеки, поскольку она располагалась прямо напротив его дома, только дорогу перейти, а Шеллоу вообще уехал куда-то за границу.

Встретились друзья только через два года. Их ждало невероятное открытие. Вильям «Шекспир» ни на один день не прекращал работу. Более того, неизвестно, какие ухищрения пустил он в ход, кто был его покровителем, но городские власти только одному театру «Глобус» разрешили играть в столице. А сам «Шекспир», став одним из пайщиков этого театра, успел поставить в нем пять «своих» пьес.

Уайт и Шеллоу поначалу не поняли, что собственно произошло. Они были уверены: все, увидевшее свет рампы под именем «Шекспир», написано самым плодовитым из них, а именно, Андервудом. Каково же было их изумление, когда, вернувшийся из своего длительного и добровольного изгнания Андервуд заявил, что то же самое думал о них. Он был уверен, все пьесы, написанные «Шекспиром» за последние два года, созданы его друзьями, Уайтом и Шеллоу.

Факты упрямая вещь, с ними не поспоришь. «Шекспир» продолжал творить. И делал это все

успешнее и успешнее, от пьесы к пьесе. За два сезона написать три трагедии, пару веселых комедий и поставить их на сцене, это вам, не кот начихал.

Друзья сидели в охотничьей гостиной Андервуда на своих привычных местах. Уайт нервно барабанил пальцами по столу, Шеллоу невозмутимо курил трубку, Андервуд, скрестив руки на груди, откинувшись на высокую спинку стула, мрачно хмурился.

— Надо провести расследование! — настаивал Уайт. — Со всеми вытекающими последствиями!

— Кажется, я догадываюсь, кто стал покровителем нашего общего знакомого... Кто перехватил у нас инициативу!

Уайт и Шеллоу одновременно резко повернули головы к Джону.

— Сегодня во дворце графа Эссекса дают «Укрощение строптивой». Пьеса, судя по всему, «Шекспира»... — продолжил Андервуд.

Граф Эссекс был самой заметной фигурой в Англии. Блистательный полководец, любовник самой королевы, любитель пышных праздников и, разумеется, покровитель театра.

— Неужели он является «Шекспиром»? — изумился Шеллоу.

— Быть не может! — возразил Уайт.

— Не верю! — настаивал Шеллоу.

— Хотя, наша загадочная английская душа способна даже на самые невероятные поступки... — многозначительно протянул Уайт.

— Эту загадку мы решим сегодня вечером! — заявил Андервуд.

Все трое, не сговариваясь, решительно поднялись со стульев.

Карета Андервуда, миновав огромные дубовые ворота, въехала во двор дворца графа Эссекса. Мостовая внутри, точно как и в королевском дворце, была вымощена булыжником. Немногие влиятельные особы могли позволить себе такую роскошь. Еще ни одна из улиц старого Лондона не была вымощена булыжником. Карету основательно потрясло. У подъезда друзей встречала целая толпа слуг.

В коридорах по стенам, шипя, горели смоляные факелы. Сотни свечей освещали просторные залы дворца. На представление собралось блестящее общество. Плащи из бархата цвета французского вина, банты на башмаках в виде роз. Смех, восклицания, взаимные приветствия, комплименты дамам... Словом, собрались самые знатные, роскошно одетые молодые люди.

В большом зале, среди картин итальянских живописцев, был сооружен небольшой помост, окруженный рампой с двумя рядами свечей. Над сценой висел плакат — «Укрощение строптивой».

Друзья уселись во втором ряду кресел, поскольку дальше стояли только широкие скамьи. Настроение у них было, как перед поездкой в неизведанную страну, полную дикарей и неведомых опасностей. Все трое волновались и заметно нервничали.

Прозвучал гонг, спектакль начался.

На сцену вышли музыканты с флейтами и виолами. За ними танцоры в ярких костюмах. Они исполнили зажигательную джигу.

Роль Петруччо исполнял любимец лондонской публики, сам Ричард Бербедж. Не зря его называли лучшим актером английской сцены. Бородатый красавец с хлыстом в руке собирался под восторги публики победоносно укротить сварливую Катарину. Так было всегда. Во всех пьесах о склочных, сварливых и непокорных женах. Сюжет, «сварливая жена и тысяча способов ее укрощения», всем давно приелся. Но сегодня на сцену вышел Томми.

Женственная и грациозная Катарина с первого же появления очаровала всю публику. Легко и кокетливо она просто порхала по сцене. Топая огромными сапожищами, Петруччо проигрывал ей по всем статьям. И в пластике и, что самое важное, в остроумии. Тот день был поистине триумфом Катарины.

Кавалеры в зале загадочно щурились и, многозначительно улыбаясь, поправляли усы. Дамы ревниво и презрительно поджимали губы. Потом, спохватившись, облегченно улыбались и неистово аплодировали талантливому юноше.

В антракте Андервуд решительно направился на поиски графа Эссекса. Они состояли в дальнем родстве и Джон был уверен, уж от него граф не скроет истину. Шеллоу основательно устроился в соседнем зале за столом с яствами, поскольку считал, в любой ситуации сначала не помешает хорошенько подкрепиться. Уайт

целенаправленно переходил от одной группы зрителей к другой, выслушивал мнения.

Вся публика была в восторге от Катарины-Томми.

— Очаровательно! Сколько грации, изящества! — говорили дамы.

— Поразительно талантливый мальчик! — вторили другие.

— Таковую Катарину я бы и сам с удовольствием... укротил! — заявил какой-то франт с целым лесом страусовых перьев на голове.

Уайт, поморщившись, отошел и присоединился к группе мужчин, дружно пытящих трубками разных калибров. мода курить трубку только-только появилась в Лондоне. Каждый джентльмен или считающий себя таковым, считал обязательным мусолить во рту трубку и пускать собеседнику дым в лицо. Это считалось высшим шиком.

По Лондону гулял рассказ о курьезном случае, происшедшем во дворце самой королевы. Кто-то из иностранных послов решил задымить в ее присутствии, не подозревая о том, что Елизавета терпеть не может табачного дыма, у нее тут же начинала болеть голова.

Посла никто не предупредил заранее и он закурил в самый неподходящий момент, начал пускать клубы дыма изо рта. Елизавета сдержалась и не сделала послу никаких внушений. Королеву выручил офицер, стоявший в охране. С криком: «Пожа-ар! Пожа-а-ар!», он схватил вазу с водой и бросился заливать несчастного посла. Норовил влить побольше воды ему прямо в глотку.

Сам Уайт не курил, потому подойдя к курильщикам, держал возле носа платок, обильно смоченный резкими духами.

— Этому Шекспиру удалось то, что не удавалось другим. Абсолютно живые характеры! — заявил толстяк с пышной бородой, и огромной изогнутой трубкой, которую он поддерживал обеими руками.

— Несомненно! Шекспир обскакал всех предшественников! — поддержал другой, с жиденькой бородкой, раздвоенной внизу, и с тонкой длинной трубкой, похожей вытянутую змею.

— Мы присутствуем при рождении таланта! — радостно обратился к Уайту третий из курильщиков.

Уайт кивнул и отправился на поиски Шеллоу с Андервудом.

Джон Андервуд был обескуражен. Граф Эссекс долго не мог взять в толк, о чем, собственно, идет речь? Он настолько был погружен в политические интриги, вращался в таких высоких сферах, что когда, наконец-то, понял, громко расхохотался.

— Шекспир? Впервые слышу это имя. Сегодняшний спектакль? Мимо, забавная комедия. Не я ли являюсь автором пьесы? Не самая удачная шутка, дорогой Джон. Извините, я очень занят.

Андервуд хотел было продолжить выяснение, что-то настораживало в его поведении графа, но Эссекс не выказал ни малейшего желания подвергаться дальнейшим расспросам.

— Еще увидимся! — улыбнулся он и, дружески похлопав Андервуда по плечу, смешался с толпой зрителей.

Никто, даже самые доверенные слуги, не знали, что ему предстоит важная встреча. В одном из уединенных кабинетов просторного дворца его уже ожидала Смуглая Леди.

6

Эссекс шел по длинным и запутанным коридорам своего дворца. Дважды открывал и тщательно запирали за собой потайные двери и, наконец, оказался в уютном маленьком кабинете, о существовании которого знали лишь немногие во дворце.

По ковру нервно прохаживалась Смуглая Леди. В кабинете не было ни стульев, ни кресел, ни стола. Он предназначался исключительно для кратких деловых встреч. Леди появилась здесь через другую потайную дверь, незадолго до прихода Эссекса.

Разговор с ней граф Эссекс начал довольно жестким тоном. Даже не отпустив обязательных в таких случаях комплиментов, с места в карьер поставил перед дилеммой:

— Наступил момент истины, бледнолицая вы моя! — с откровенной усмешкой, сказал он.

Смуглая Леди едва заметно побледнела. Никто и никогда, зная ее буйный нрав и мстительность, не смел шутить по поводу цвета ее лица. Даже сама королева Елизавета остерегалась. Граф же Эссекс, казалось, решил откровенно поиздеваться.

Что это? Он настолько уверовал в свое могущество, возомнил себя особой неприкасаемой? Смуглая Леди, нейтрально улыбалась, судорожно пытаюсь понять, что стоит за этой наглой выходкой.

Граф Эссекс, между тем, продолжал:

— Пора решать главное, с кем вы? С впадающей в старческий маразм королевой или с нами? Решайте!

Вот оно! Заговор! Слухи о нем уже несколько месяцев не давали покоя королеве. Она отдала тайный приказ первой фрейлине, которой доверяла бесконечно, собрать все слухи, сплетни, всю возможную информацию, систематизировать и доложить ей. В самые кратчайшие сроки. Стало быть, Эссекс решил возглавить бунтовщиков и уже абсолютно уверовал в свою легкую победу.

— Я всего лишь фрейлина ее Величества... — удивленно начала она.

— Не лукавьте! — резко перебил ее граф. — И не кокетничайте! На меня это не действует. Ваше влияние на королеву известно каждой собаке на британских островах.

— Слухи об этом сильно преувеличены.

— Дело слишком серьезно! — пропустив ее реплику мимо ушей, продолжил Эссекс, — Речь идет о жизнях лучших людей страны. В том числе и о вашей собственной жизни...

«Поразительно примитивные существа мужчины!» — думала Леди, застенчиво улыбаясь и наивно хлопая глазами. «Улыбнись любому из них чуть застенчиво, наивно похлопай глазами и он твой, со всеми потрохами! Власти тебе захотелось, самовлюбленный

мерин! Недолго тебе осталось грозно хмуриться и со спесивым видом угрожать мне!»

«Поразительно примитивные существа женщины!» — думал Эссекс, грозно хмурясь на Смуглую Леди. «Каждая скотница застенчиво улыбнется, похлопает глупыми глазками и уже уверена, все мужчины у нее ног! Власти тебе захотелось, замарашка чумазая!»

— Если вы на стороне дряхлеющей монархини, уже не способной отличить закат от восхода, — продолжал Эссекс, — путающей причину и следствие, пеняйте на себя.

Граф несколько раз прошелся взад-вперед, грозно поглядывая на стоящую перед ним посреди кабинета Смуглую Леди.

— Что вы ждете от меня? — неожиданно нежным голосом пропела Смуглая Леди.

Это она умела. Она в совершенстве владела своим голосом. Могла рявкнуть, почти басом, почище любого пьяного кучера или прощебетать с ангельскими интонациями невинной девочкой. Ни то, ни другое ровным счетом ничего не означало. И граф Эссекс прекрасно это знал, потому не обратил внимания на модуляции ее голоса.

— Мне нужен ваш сочинитель, — заявил граф.

— Его голова? — поинтересовалась Смуглая Леди.

— Голову можете оставить себе. Впрочем, остальное тоже. Нужно чтоб он вставил в новую пьесу несколько строк.

— Всего-то? Хотите сказать, будущее великой страны зависит от представления какой-то пустой пьески? — удивилась Леди.

— Спектакль по этой, как вы выразились, «пустой пьеске», будет сигналом для наших сторонников. Точнее, несколько фраз из пьесы.

Смуглая Леди ничем не выказала своего волнения, она отлично владела собой в любых ситуациях. Граф Эссекс это оценил.

— Кстати, пьеса отнюдь не пустышка. Я не любитель театра, но ваш этот Шекспир, безусловно талантлив. Скорее всего о нашем времени будут судить по его пьесам.

— Затейливо! — медленно произнесла Смуглая Леди.

Граф Эссекс удивленно поднял брови, Леди поспешно добавила:

— Я имею в виду, фраза из пьесы, сигнал для заговорщиков.

— Итак! С кем вы, очаровательница? — напрямик спросил Эссекс.

— Я сама по себе. — открыто улыбнулась она, — Каждая женщина внутри немного кошка. Гуляет сама по себе. Ищет там, где теплее и сытнее. Кошки никогда в стаи не сбиваются.

— За исключением марта месяца, — вскользь заметил граф Эссекс. И повторил вопрос. — Так, с кем вы?

— Я должна подумать, — жестко ответила Леди.

— Не забывают, вы слишком многим мне обязаны. В том числе, вашим мнимым благородным происхождением. Все можно переиграть в одну минуту...

О прошлом Смуглой Леди по Лондону гуляло множество и слухов и домыслов. Один невероятнее другого. Самый невероятный состоял в том, что она является внебрачной дочерью самой королевы. Якобы, та родила ее тайно от какого-то африканского посла. Отсюда смуглый цвет лица фрейлины, ее внушительное состояние и вседозволенность, которой Леди отличалась от всех остальных фрейлин Ее Величества.

Большинство придворных устраивала другая версия. Якобы, много лет назад граф Эссекс, будучи еще совсем молодым офицером, был отправлен королевой, которая откровенно выделяла его из толпы подданных и бесконечно доверяла, с секретной миссией, в северную Африку. Молодой офицер блистательно справился с поручением и был тут же повышен в звании.

Правда, граф Эссекс совершил поступок, недостойный истинного джентльмена. Выкрал из гарема какого-то местного царька крохотную темнокожую девочку. И преподнес ее королеве, как обезьянку для развлечений. Якобы, королева сначала сильно гневалась. Но потом смягчилась и даже прониклась к темнокожему ребенку особым расположением. Как бы там ни было, Смуглая Леди получила прекрасное образование, воспитание и внушительное состояние. Граф же Эссекс изредка шутил при особо доверенных лицах, что является крестным отцом темнокожей фрейлины.

— Вы побледнели? — продолжал граф Эссекс, — Вам неприятно, понимаю. Но вынужден напомнить, с кем вы и кто против вас! Не хотелось, чтоб вы

совершили непоправимую ошибку. У вас только один выход. Присоединиться к нам.

В это мгновение роковую ошибку совершил сам граф Эссекс. Ни при каких обстоятельствах, не следует угрожать красивым влиятельным женщинам, даже если они вам многим обязаны в прошлом.

Пройдет совсем немного времени и влиятельный граф Эссекс жестоко поплатится за свой промах.

А пока он откровенно издевался на Смуглой Леди, будучи в полной уверенности, она недостойный противник. И более того, не противник вовсе. Просто одна из фрейлин Ее Величества королевы, пустая особа, которую с его умом и прозорливостью, ничего не стоит завербовать, перетянуть на свою сторону и получить таким образом отличную осведомительницу из окружения королевы.

Прощаясь, граф Эссекс не удержался еще раз:

— Могу порекомендовать новую французскую пудру. Прекрасно скрывает подлинный цвет лица. Моя любовница готова поделиться. Передам коробочку при следующей встрече.

И граф Эссекс весело захохотал, очень довольный своей шуткой.

«Хорошо смеется тот, кто сохранил голову!» — усмехалась про себя Смуглая Леди, направляясь в зал на второе действие.

Во втором действии Катарина развила свой успех. Трагик Бербедж был положен на обе лопатки и запросил пощады. А когда в финале Катарина произнесла слова последнего монолога...

Я горяча была и отвечала
На дерзость — дерзостью и на угрозу —
Угрозою. Теперь я поняла,
Что бьемся мы соломинками. Сила
Вся наша — в нашей слабости...

... весь зал в едином порыве встал с мест и долго, с одобрительными выкриками, аплодировал...

Среди беснующихся от восторга зрителей бросались в глаза три мрачных джентльмена. Они сидели в креслах, скрестив руки на груди, и на их благородных лицах застыло почти одинаковое выражение досады и легкой зависти.

Как только гром аплодисментов смолк, все трое решительно поднялись и начали протискиваться к выходу, ни с кем не вступая в разговоры и не высказывая своих впечатлений.

Но не только троих джентльменов огорчило это блистательное представление. Были еще двое. Первая — Смуглая Леди. Как обычно, скрывая лицо под полумаской, она весь второй акт просидела в глубине зала, почти никем незамеченная. И она стала единственной женщиной, разгадавшей загадку Томми. Женскую интуицию, как известно, не обманешь, не проведешь.

Смуглая Леди была взбешена. Мало того, что граф Эссекс обращался с ней, как с трактирной девкой, диктовал неприемлемые условия, втягивал в заговор против королевы, теперь еще новость! У Вильяма есть предмет воздыханий. И он тщательно маскирует свою возлюбленную под мальчишку-актера? Еще никто не

отвергал Смуглую Леди таким наглым образом. Эту «проблему» она решит в ближайшее время.

Вторым недовольным на спектакле был сам Вильям Шекспир. Еще в самом начале представления он увидел в зале троих своих покровителей и сразу помрачнел. Чем веселей шел спектакль, чем восторженнее он принимался публикой, тем мрачнее становился автор. Он давно усвоил прописную истину.

Большой успех — это большие неприятности.

7

В кабачке «Кабанья голова», где обычно собирались поэты и актеры, за столиком в углу, сидели трагик Ричард Бербедрж и комик Кемп. Оба после спектакля со зверским аппетитом ели и пили.

Вокруг уже стоял дым коромыслом. Как всегда, ближе к вечеру, постоянные посетители вели себя крайне раскованно. Каждым было выпито уже не менее двух-трех кружек крепкого эля, а качество его, не в пример другим кабачкам, было отменным.

В центре на небольшом пятачке, под аккомпанемент виолы, танцевали несколько пар с покрасневшими лицами. Кто-то азартно пил, кто-то не менее азартно ел. Кто не делал ни того, ни другого, изливал душу собеседнику или излагал свои взгляды на современное искусство. Периодически, спонтанно, тут и там, вспыхивали легкие потасовки. Но, как правило, дальше хватания друг друга за грудки, дело не шло. Словом, обычная творческая атмосфера.

Совсем недавно в одном из подобных кабачков, в нелепой пьяной драке, погиб, по всеобщему признанию, самый талантливый выпускник кембриджского университета, драматург и поэт Кристофер Марло. Неизвестно, как вообще развивалась бы великая английская драматургия, по какому пути она пошла, не ввяжись Марло разнимать двух пьяных матросов с какого-то иностранного корабля.

По Лондону тут же пошли гулять мрачные слухи. Мол, Марло не случайно погиб в пьяной драке, он пал жертвой тщательно продуманного, коварного политического убийства. Мол, «пьяные» иностранные матросы в действительности были тайными агентами королевы, все это отнюдь не случайность. И действительно, расследование, кстати, проведенное весьма поверхностно, не нашло никаких иностранных матросов. Их словно след простыл.

Несколько недель «театральная общественность» Лондона бурлила. Потом слухи улеглись, убийство начало забываться. Хотя, все преданные друзья Кристофера Марло, его соученики по Кембриджу, остались в убеждении, тут не обошлось дело без королевы Елизаветы. Бесстрашный Марло не раз в полный голос заявлял, верхом на британские острова «уселась старая сова. И пожирает все, что способно шевелиться».

После той трагедии в «Кабанью голову», случайных прохожих, тем более, пьяных матросов попросту не пускали.

В основном «Кабанья голова» была отдана на откуп актерам и их поклонникам. Из сочувствия, правда, пускали и нищих поэтов.

— Мне стало известно, — стараясь перекричать шум, сказал трагик Ричард Бербедрж, — в Италии на сцену вышла... женщина! И говорят, неплохо играла... — покачав головой, добавил он.

— Врут! — убежденно сказал комик Кемп. — Итальянцы все жуткие вруны! Женщина не может играть на сцене! День, когда женская нога ступит на сцену, будет последним днем английского театра! — торжественно провозгласил он во всеуслышанье и яростно впился зубами в кабанью ногу.

Большинство посетителей, слышавшие его последние слова и абсолютно разделявшие это убеждение, дружно зааплодировали.

Знал бы толстяк Кемп, этот самый «последний день» длится уже несколько сезонов у него под самым носом.

Пройдет всего два-три года и по всей старой доброй Англии прокатится волна скандальных разоблачений. Почти в каждой второй труппе обнаружится свой «Томми-Элиза», своя молоденькая актриса.

Отважные британские девицы, всеми правдами-неправдами, будут штурмом брать подмости. Поголовное общественное осуждение, лишения родителями наследств и даже кое-где строгие судебные приговоры, вплоть до тюремного заключения, не остановят ни одну из их. Но пока...

Пока любой представительнице прекрасной половины человечества, рискнувшей выйти на подмостки, грозило отнюдь не потеря прически, самое реальное отсечение головы.

Веселье достигло апогея, когда неожиданно распахнулись двери и в кабачок вломились трое наших друзей. Растолкав танцующих, они решительно вышли на самую середину и начали грозно осматривать сидящих на столами.

Музыка смолкла, шум постепенно стих. Появление в кабачке столь знатных особ насторожило завсегдатаев. Только у окна какой-то подвыпивший поэт, прикрыв глаза, продолжал бубнить свою балладу, после каждой строфы делая внушительный глоток из кружки.

Заметив за отдельным столом Бербеджа и Кемпа, наши друзья подошли к ним, окружили с трех сторон и учинили актерам форменный допрос, который, впрочем, ничуть не смутил последних.

Трагик Ричард Бербедж громогласно заявил:

— Именно так! Вильям Шекспир спит с гусиным пером в зубах!

— Если вообще спит. — добавил комик Кемп.

— Старина Вильям уже давным-давно... — продолжил Бербедж.

— И тайно! — поддакнул Кемп.

—... обвенчался с Драматургией! — торжественно подняв вверх указательный палец, объявил Бербедж.

По кабачку прокатилась волна одобрительных выкриков и даже бурных рукоплесканий. Было

совершенно ясно, что Вильяма Шекспира здесь знали и любили.

Трое наших друзей переглянулись в некотором недоумении. Манера актеров выражать свои мысли могла кого угодно сбить с толку.

Боевой конь, слышав призывный звук трубы, издает громкое ржание и бьет копытами землю. Точно так же актер, если он подлинный актер, а не случайный дешевый выскочка, услышав аплодисменты, невольно выпрямляет спину, взгляд его становится грозным, голос крепнет и в нем уже проскальзывают эдакие победительные мужественные интонации.

Посетители кабачка постепенно подтянулись к столику актеров. Те, естественно, почувствовав повышенное внимания к своим персонам, не преминули этим воспользоваться.

Ричард Бербедж, откинувшись на спинку стула, громко заявил:

— Наш старина Вильям каждую ночь мнет юбки своей молодухе Драматургии! И не без успеха!

Ответом ему был откровенный хохот. Бербедж развил свою мысль:

— Она разрешается младенцами, к нашей всеобщей радости, чаще любой бродячей кошки!

— Должен заметить, — вмешался Кемп, глотая очередной кусок мяса и вытирая ладонями щеки, — Лично мне не все котята по вкусу!

— Ты просто не умеешь их готовить! — парировал Бербедж.

Посетители кабачка просто взвыли от восторга. Со всех сторон опять послышались громкие аплодисменты.

Бербедж, в знак признательности и благодарности, слегка кивнул головой.

Завершил беседу комик Кемп. Не переставая жевать, неожиданно тонким женским голосом, сообщил:

— Будь его женой я... — плаксиво изрек он, — ... убила бы на месте изменщика! Из ревности! Любой судья меня бы оправдал!

Посетители кабачка, уже вплотную подступившие к нашим героям и, разумеется, раскрыв рты, слушавшие весь разговор, опять как по команде, дружно и весело захохотали.

«Выпустили джина из бутылки!» — думал Шеллоу.

«Нечто подобное я предчувствовал!» — думал Уайт.

Андервуд же ни о чем не думал. Он был в ярости и гневе. А в подобном состоянии, как известно, мыслей вообще не бывает.

Он продолжал возмущаться даже на улице. Друзья шли по вечернему Лондону от кабачка к центру города. Прохожие от них шарахались.

— Вильям Шекспир... это моя идея! — бушевал Андервуд. — И я никому не позволю ее украсть!

— Он не идея. — мягко возразил Шеллоу, — Он живой человек. И кажется, действительно, гениальный.

— Я не отступлю! — продолжал бушевать Андервуд. — Я его породил, я его и...

— Категорически против! — резко возразил Уайт.

Но Джон Андервуд не унимался. Он чувствовал себя глубоко оскорбленным. Уже на следующий день,

через своего слугу, он вызвал Вильяма Шекспира на дуэль.

8

Трагик Ричард Бербедж и комик Кемп стояли на опушке густого леса в условленном месте. Их лошади паслись невдалеке со спутанными ногами. Бербедж приехал на гнедом жеребце, взятом напрокат. Кемп на маленькой каурой кобылке из той же конюшни.

Парочка сильно смахивала на Рыцаря Ламанческого и его верного оруженосца. Впрочем, сходство было чисто внешним.

Оба согласились быть секундантами Вильяма, хотя обоим была не по душе эта затея. Между актерами чуть ли не ежедневно случались стычки, перерастающие в драки, что было в театре в порядке вещей, но дуэль с дворянином...

Над полем, где-то высоко-высоко в небе пел жаворонок. Но трели этой симпатичной плахи в данный момент только раздражали.

Словом, оба актера сильно нервничали.

Уже вышли все назначенные сроки, и актеры, не сговариваясь, облегченно вздохнули, решив, что оба противника попросту решили не являться на дуэль, когда прямо через поле на поляну вышел Вильям.

Утром выпала обильная роса и он основательно промочил ноги. Поминутно чихал, кашлял. Из носа его текло и он держал в руке красивый батистовый платок, подарок одной из многочисленных богатых поклонниц.

Вильям имел довольно жалкий вид, хотя с лица его не сходила вызывающая усмешка.

Актеры не успели даже поздороваться, сказать друг другу и пары слов, обменяться впечатлениями о чудесной погоде, стоящей в Лондоне и его окрестностях, как услышали приближающийся конский топот.

Все трое дружно повернули головы в сторону проселочной дороги.

На поляну стремительно вылетела карета Андервуда и замерла, не доезжая до них буквально нескольких шагов. Из кареты, не менее стремительно, выкатился Шеллоу. Окинув взглядом поляну и удовлетворенно кивнув головой, он, радушно улыбаясь, подошел к Вильяму и его секундантам. Лицо его, прямо-таки, излучало доброжелательность, покой и умиротворение.

— Друзья мои! — начал, как всегда, очень издали Шеллоу. — Дворянское происхождение не позволяет моему другу Андервуду сражаться на дуэли с... — Шеллоу на секунду запнулся, но тут же продолжил, — ... с простолюдином. Надеюсь, вы понимаете? — доброжелательно улыбаясь, закончил он.

— Тем лучше для простолюдина. — облегченно улыбнулся Вильям.

— Вы вышли из простого народа...

— Не до конца вышел.

— Погодите радоваться, Вильям! — строго сказал Шеллоу, — Наш друг Андервуд поклялся пустить в ход

все свое влияние и выхлопотать вам дворянское звание. Герб и все такое прочее...

— Буду чрезвычайно признателен.

— ... и только потом убить вас. — закончил Шеллоу.

Комик Кемп тихо хихикнул. Вильям долго молчал, хмурился.

— «Покуда травка подрастет, лошадка с голоду помрет!» — неожиданно изрек трагик Ричард Бербедж.

— Вы так думаете? — удивился Шеллоу.

— Так думает Гамлет. Принц датский. — уточнил Кемп. И добавил, обращаясь к Вильяму. — В середину герба поместим кабанью голову.

В это мгновение на поляну вылетела еще одна маленькая карета. Но она остановилась на значительном расстоянии от дуэлянтов. Из-за занавески показалась изящная женская рука, которая настойчиво поманила к себе Вильяма.

Бербедж, Кемп и Шеллоу тактично распрощались и направились к своим лошадям. Они сразу догадались, кто поджидал Вильяма в маленькой карете.

Как только захлопнулась дверца и Вильям опустился на мягкое атласное сиденье, на него тут же обрушился град обвинений и упреков. Смуглая Леди, (разумеется, это была она!), нервно теребила веер и гневно сверкала своими красивыми глазами.

— Вы избегаете меня? Под моим покровительством вы были в полной безопасности. Теперь же...

— Теперь ваш Андервуд хочет меня убить. — сказал Шекспир.

— Между нами ничего не было! — поспешно заявила Леди.

Вильям мельком взглянул на ее красивое, неожиданно ставшее испуганным, смуглое лицо, и только покачал головой.

Кучер резво погонял лошадь. Карета не менее резво подпрыгивала на ухабах и ямах. Вильяма то прижимало к Смуглой Леди, то отбрасывало от нее. Он чувствовал себя абсолютно не в своей тарелке.

— Надо мной смеется весь двор! Я стала посмешищем всего Лондона! Я не могу поднять глаза на королеву! Что вы имели в виду, когда написали...

«Беда не в том, что ты лицом смугла, —
Не ты черна, черны твои дела!»?

Вильям открыл было рот, но Смуглая Леди перебила:

— Молчите!!! И не говорите ничего! Вы уже достаточно определенно и публично высказались!

Вильям молчал. Некоторое время Смуглая Леди молчала тоже. Карету качало из стороны в сторону.

— Вы откровенно избегаете меня! — обиженно продолжила Смуглая Леди. — Чем же вы так заняты? Надеюсь, ночами вы свободны?

— Ночью я пишу.

— Вполне могли бы не писать неделю-другую. Английский театр не много потеряет, уверяю вас.

— Если я не пишу один день, злюсь на самого себя. Если не пишу два дня, теряю в себя веру. Если не пишу три, я готов убить первого встречного! — спокойно и даже как-то буднично сказал Шекспир. Вздохнул и неожиданно с откровенным раздражением добавил:

— Вам этого не понять!

Кучер все погонял и погонял лошадь. Карету раскачивало из стороны в сторону, словно маленькую лодку во время шторма.

— Кто она? Как ее зовут? Знаю, тут замешана женщина!

— Мель-по-ме-на! — тихо произнес Вильям и прикрыл глаза. У него неожиданно резко заболела голова.

Подобные приступы начались совсем недавно. Совладать с ними можно было только абсолютным покоем. И Вильям попросил:

— Остановите карету! Остановите же... черт вас возьми!!!

Смуглая Леди испуганно вздрогнула и тут же дернула за шнурок колокольчика. Кучер резко натянул вожжи, карета остановилась.

Вильям осторожно, стараясь держать голову абсолютно прямо, выбрался из кареты и, прикрыв глаза ладонью, отошел в сторону.

— Бойтесь гнева любящей женщины, Вильям Шекспир! — яростно прошипела Смуглая Леди. Сделала знак кучеру, и маленькая карета, подняв облако пыли, исчезла за поворотом лесной дороги.

Смуглая Леди очень сильно нервничала. Даже была испугана, что с ней случалось не часто. Вчера вечером у нее состоялась еще одна тайная встреча с графом Эссексом. В этот раз ей удалось заманить его в свою уютную лондонскую квартиру...

В самом начале беседы она, с очаровательной улыбкой, предложила Эссексу бокал отличного рейнского вина. Ничего не заподозривший граф, поднес бокал ко рту.

«Не пей вина, Гертруда!» — почему-то вспыхнула в его мозгу фраза из какой-то, недавно виденной пьесы, но он, увы!, не был любителем и знатоком театра, потому не придавал ей значения.

Залпом выпил бокал, удовлетворенно кивнул и в ту же секунду, потеряв сознание, рухнул на пол.

Очнулся граф Эссекс в темном, сыром подвале, лежащим на охапке несвежего сена. Сквозь решетку маленького оконца пробивался свет хмурого лондонского утра. Граф Эссекс понял, что проиграл...

Теперь Смуглая Леди жутко нервничала. Королева вполне могла, проявив опасную и преступную сентиментальность, свойственную ее возрасту, выпустить графа Эссекса на волю. Тогда ей, первой фрейлине Ее величества, конец. Никто и ничто не спасет.

Придется спешно покидать страну и увозить с собой Вильяма.

Смуглая Леди покачивалась на атласном сиденье кареты и судорожно соображала, что бы еще такое предпринять для собственной безопасности. Обычно самыми надежными бывают простые решения, незатейливые ходы. Но Смуглая Леди уже настолько погрузилась в сложности и хитросплетения интриг при дворе, что не могла найти простого решения.

Короче, Леди окончательно запуталась в собственных интригах.

«Век свихнулся!» — думал Вильям, медленно бредя по пыльной дороге в сторону Лондона. «Один... подарил мне мою же фамилию и теперь за мое ремесло хочет убить меня! Другая... требует, чтоб я женился на ней, уже будучи женатым, и угрожает натравить на меня саму королеву! Век окончательно свихнулся!».

9

Новый век, семнадцатый, оказался ничуть не лучше предыдущего. Англичане, особенно люди театра, мистически ждали от него каких-то свершений, изменений, улучшений... Поголовно все связывали с его приходом много надежд, но начало семнадцатого века не принесло на британские острова ничего нового.

Граф Эссекс, организовавший заговор с целью свержения королевы Елизаветы, которая правила страной уже почти сорок лет, был арестован в квартире фрейлины Ее Величества. Нарождающийся бунт, как и все предыдущие, был жестоко подавлен. Графа Эссекса несколько месяцев допрашивали, потом казнили во дворе мрачного Тауэра.

Злые языки утверждали, что его казнили вовсе не из-за какого-то там заговора, просто Эссекс, являясь официальным любовником королевы, нарушил договоренность между ними. Обратил внимание на одну из молоденьких фрейлин. Старейшая королева их

застукала. За что граф и был лишен головы. Разумеется, в действительности все было значительно сложнее.

Андервуд, как дальний родственник графа, на всякий случай опять уехал в свое родовое поместье и укрылся там в мрачном замке.

Жить насыщенной театральной жизнью продолжали теперь только Уайт и Шеллоу. Они не интересовались политикой.

Естественно, постановки пьес Шекспира не прошли мимо их внимания. Друзья по достоинству оценили «Двенадцатую ночь» и «Ромео и Джульетту». Всегда сдержанный Уайт даже пустил слезу в финале над судьбой двух несчастных влюбленных, чем привел в состояние крайнего изумления Шеллоу, который ожидал от друга чего угодно, только не подобной сентиментальности.

Чаще всего их видели в антракте спектаклей взволнованными и яростно спорящими.

— Мы совершили чудовищную, непростительную ошибку! Еще не поздно ее исправить. — пыхтя трубкой, говорил Шеллоу.

— Категорически против! — нервно возражал Уайт и почему-то озирался по сторонам.

— Вернемся на исходные позиции. Все наладится!

— В одну реку не войдешь дважды!

В таком духе парочка спорила на каждом спектакле. Друзья не раз пытались встретиться с самим Шекспиром и выяснить отношения. Внести ясность, разобраться во всем спокойно и откровенно, как подобает истинным джентльменам. Но Вильям всякий

раз, каким-то непостижимым образом, ухитрялся избегать встреч.

Последнее время он вел абсолютно замкнутый образ жизни. Без крайней надобности не посещал даже свой родной театр «Глобус». Изредка только его видели с другом, актером Томми Бойдом в самых бойких торговых местах Лондона. Они закупали продукты впрок, чтоб ежедневно не мотаться по лавкам.

Слегка разбогатев, Шекспир снял квартиру в самом центре Лондона у дамского парикмахера и почти не выходил из нее.

Вильям фантастически много работал. Уже почти весь репертуар «Глобуса» состоял из его пьес. Комедии, драмы, трагедии вырывались из-под его пера, словно брызги фонтана в королевском саду. Публика требовала все новых и новых впечатлений. Доходы пайщиков росли, росла и потребность в новых пьесах. Чуть ли не каждые полтора-два месяца Вильям выдавал новое сочинение.

Такой бешеный ритм работы мог кого угодно загнать в горб. Если б не преданный друг Томми, взявший на себя львиную долю черновой работы, Вильям давно бы очутился на больничной койке. Томми Бойд стал официальным секретарем драматурга. К всеобщему удивлению, он блестяще владел стенографией.

— Вильям! Устроим перерыв. Тебе надо отдохнуть!

— Осталась одна сцена.

— Лучше скажи, в какой момент ты догадался, что я женщина?

— Как только увидел твою, обтянутую штанами, задницу.

— Вильям! Вильям! Как не стыдно!

— У мужчины такой задницы не может быть по определению. В чем дело? Она мне очень понравилась.

— Странный ты человек, Вильям! Умный, тонкий, и вдруг...

— «Я странен, а не странен кто ж?».

— Выражаешься совсем как сэр Тоби Белч.

— Я и есть сэр Тоби Белч. Отчасти. Вернее, и он тоже. Мои герои, это и есть я. Они все сидят во мне.

— Я бы предпочла, чтоб ты был Гамлетом.

— Гамлетом!? Быть заколотым отравленной шпагой во цвете лет?! Спасибо. Если отдавать предпочтение кому-то, уж лучше Отелло. Ну-ка, подойди ко мне! Ближе, ближе!

— Зачем?

— Молилась ли ты на ночь, прекрасная Элиза!?

— Нет уж! Давай сначала закончим сцену!

— Подойди ко мне!

— Вильям! Сначала дело... Послушай меня!

— Это и есть самое важное дело!

— Что такое, даже договорить не дает!

Мало кто знал, чем расплачивается Вильям за подобный ритм работы. Он уже находился на грани нервного истощения. Даже в периоды участвовавших приступов, когда, едва ворочая языком, пластом лежал на кровати, он диктовал Томми ту или иную сцену из новой пьесы. И только одному Томми со скандалами

удавалось изредка вытащить Вильяма на свежий воздух.

Тогда их видели гуляющими вдоль берега Темзы.

Вильям и Томми Бойд, взявшись за руки, медленно брели по песчаному берегу. Сразу за портовыми сооружениями, если идти по левому берегу, река делает плавный поворот на юг и перед взором, впервые попавшего в эти места, открываются сказочные места. Бесконечные песчаные пляжи с чистейшим белым песком, по которому вполне можно без всякой опаски бегать босиком.

Многие состоятельные жители Лондона, не умеющие загородных домов, приезжают сюда отвлечься от суеты большого города, отдохнуть на лоне природы, подышать чистым речным воздухом. По самой кромке воды любят гулять гувернантки с детьми.

Ослепительно светило солнце. Визгливые чайки с пронзительными криками носились в воздухе у самой воды. Почему-то именно в солнечную ясную погоду чайки кричат особенно пронзительно. Будто, своими визгливыми криками напоминают, что тишина и спокойствие вокруг призрачны и иллюзорны.

Вокруг не было ни души. Только где-то вдалеке на большом камне маячил одинокий рыбак с длинной удочкой в руках.

Вильям бормотал под нос какие-то фразы или отдельные куски явно из новой пьесы. Эту привычку разговаривать вслух с самим собой он приобрел совсем недавно. Правда, позволял себе бормотать только в присутствии Томми.

— Вильям! Ты не говоришь главное.

— О чем? — очнулся Вильям. И улыбнулся.

— Что любишь меня.

Вильям довольно долго молчал, хмурился. На лице Элизы появилось слегка растерянное, даже какое-то испуганное выражение.

— Боюсь... — наконец пробормотал Вильям.

— Что-о!? — потрясенно улыбаясь, прошептала девушка. — Ты и вдруг «боишься»? Ты не способен на это ничтожное чувство. Ты самый бесстрашный мужчина из всех, кого я знаю.

— Боюсь, мой юный друг, Томми! — слегка поддразнивая ее, нарочито унылым тоном протянул Вильям.

— Вильям! — резко вскинулась Элиза. — Мы договорились! Когда вместе, ты называешь меня Элизой. Никак иначе.

— Виноват. Исправлюсь. Элиза! Элиза! — пробормотал Шекспир. И вздохнув, продолжил. — Боюсь, как ни странно, очень многого.

Вильям опять довольно долго молчал. Держась за руки они медленно брели по совершенно пустынному в этот час пляжу. Желтый песок мерно поскрипывал у них под башмаками.

— Утром боюсь, что не смогу написать больше ни строчки. Вечером боюсь грабителей и убийц, которые могут походя отнять жизнь у меня или у тебя. Или у обоих вместе. Постоянно боюсь нищеты и старости...

— Старость тебе не угрожает. — попыталась перевести в шутку она.

— Да, да. Знаю. Я буду жить вечно, — кивнул Вильям. — Хотя уверен, мои пьесы забудут через два года после моей смерти...

— Не будем о мрачном... — взмолилась девушка. — Вильям! Скажи лучше, что любишь меня!

— Боюсь сильных мира сего. Богатых и сытых. — продолжал Вильям, словно не слыша ее слов. — Мышей и тараканов...

— Вильям! Вильям!!! — смеясь, воскликнула Элиза. — Ты боишься тараканов!? Почему молчал? Я возьму тебя под свою защиту. Каблуком их! Каблуком!

Элиза наглядно продемонстрировала, как надо бороться с тараканами. Забежала чуть вперед и, грациозно подпрыгивая, словно исполняя какой-то изящный танец, каблуками раздавила несколько ракушек, валяющихся на песке. Вильям невольно улыбнулся.

Элиза, раскинув руки, стояла и ждала, когда Вильям подойдет ближе. Он подошел к ней почти вплотную и сказал совсем тихо.

— Я боюсь сказать, что люблю... потому, что боюсь... сглазить. Люди злы и завистливы. Всегда завидуют тому, чего лишены сами.

— А я могу сказать об этом во весь голос!

— Не надо... — тихо попросил Вильям.

— Почему? — удивилась девушка. — Здесь никого!

— Ведьмы... — тихо, и как бы нехотя, произнес Вильям. — Они всегда следят за мной.

— Ты о чем, Вильям!? — не на шутку испугалась Элиза.

Вильям выпустил руки Элизы, опустился на песок и, сняв шляпу, начал теревить свои длинные волосы. Он всегда так делал, когда сильно нервничал. Элиза медленно опустилась рядом на колени.

Вильям глубоко вздохнул и, глядя широко раскрытыми глазами вдаль, начал глухим голосом:

— Я никогда и никому не говорил об этом. Не подумай, что увлекаюсь мистицизмом, фатализмом и прочей чепухой. Но однажды, еще до приезда в Лондон, — он на секунду замолчал, потом решительно продолжил, — ... однажды мне пришлось заночевать в темном лесу. На краю гнилого болота. Было дико холодно, но я все-таки кое-как согрелся и заснул, а проснулся от пристальных взглядов. На меня смотрели в упор три молодые девушки. Довольно симпатичные, но я сразу почувствовал, они ведьмы. Впрочем, они и не особенно скрывали. Сначала подбивали пойти с ними. Я наотрез отказался, зная, чем кончаются подобные прогулки. Тогда они начали мне гадать, предсказывать будущее...

— И что? — шепотом спросила Элиза.

— Ничего особенного. — пожал плечами Вильям.

— Пока, все что они предсказывали, сбывается с точностью до одного дня.

В «Глобусе» играли «Гамлета». Перед самым началом случился скандал, который чуть не перерос в трагическое происшествие.

— Не доставайся ты никому!!!

Торжествующий возглас одной из поклонниц Вильяма, явно ненормальной особы, неведомым путем проникшей за кулисы театра, мгновенно заставил всех актеров обернуться, оценить ситуацию и броситься на выручку товарища. Худая девица с распущенными темными волосами и горящими навывкате сумасшедшими глазами пыталась нанести Вильяму удар ножом прямо в сердце.

Вильям успел среагировать, перехватил руку со смертельной игрушкой, но справиться с беснующейся девицей он не мог. Она визжала, царапалась и пыталась укусить Вильяма за руку. Силы были явно не равны. Сумасшедшие, как известно, в период обострения болезни необычайно сильны. Выручили друзья-товарищи. Навалились всей труппой и девицу заломали.

— Почему я такая несчастная? — рыдала она, уже после насильственного купания в пожарной бочке.

Ричард Бербедрж, ведущий актер, красавец герой-любовник, прижимал ее к своей мощной груди, кутал в холстину, гладил по волосам, как ребенка и успокаивающим тоном говорил:

— Ничего. Все хорошо. Перемелется.

В юности Бербедрж подрабатывал на мельнице. Наверное, потому любимой его присказкой было, «перемелется, что-нибудь будет!».

Актеры разошлись по гримерным готовиться к началу спектакля. Никто особенно и не удивился. В любом театре еще и не такое случается.

Отыграв первую сцену, Томми-Элиза открыла дверь своей гримерной и испуганно замерла на пороге. За гримерным столиком на ее месте сидела дама в полумаске. Она с интересом рассматривала баночки, склянки, пудры и кремы.

— Проходите, милая... — нежно пропела Смуглая Леди, разглядывая свое отражение в зеркале.

— Я не «милая». Я актер, Томми Бойд. — возразила девушка. Она была в костюме Офелии, который ее только украшал.

— Не морочьте голову! — с едва скрываемой злостью, медленно произнесла Леди. — Ну-ка... повернитесь... милая!

Элиза с первой секунды почувствовала чудовищную опасность, исходящую от этой знатной дамы. Она стояла неподвижно.

— Хочу рассмотреть вас... — тем же тоном произнесла Леди. И резким движением сняла маску с лица. — Повернитесь вокруг себя!

Элиза, подчиняясь приказу, повернулась, чуть вправо-влево...

— Что же...

«Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать...».

Смуглая Леди сверлила Элизу пронзительным взглядом. Было невозможно угадать, о чем она думает.

— Надо отдать должное Вильяму. — с усмешкой продолжила Смуглая Леди. — Он довольно точно описал вас.

Некоторое время Леди, молча, рассматривала Элизу с ног до головы. Обычно женщины с таким

выражением рассматривают какую-либо, понравившуюся им вещь в торговой лавке. Элиза сдерживалась из последних сил. В конце концов, она актриса, и уже привыкла, что ее разглядывают, как породистую лошадь или борзую собаку.

— Хочу, чтоб вы поняли, милая. Вильям Шекспир... мой! — ледяным тоном произнесла, наконец, Смуглая Леди. — Ни с кем не намерена его делить! Тем более, с такой... как вы! — презрительно добавила она. И надолго замолчала. — Есть только два выхода. Выбирайте! Или умрете вы... Или умрет он!

У Элизы закружилась голова. Держась рукой за стену, она подошла к стулу и медленно опустилась на него. Смуглая Леди едва заметно усмехнулась. Нехорошая это была усмешка.

— Но не будем столь кровожадными, верно, милая? — опять нежным тоном пропела Смуглая Леди. — Есть простой выход. Вы исчезните... Испаритесь... Детали обговорим в свое время.

Элиза уже не слышала. Она была в глубоком обмороке.

В антракте Вильяму сообщили, что на выходе его ожидает какая-то крестьянка. Не сняв грима и не переодеваясь, Вильям прошел по коридору к запасному выходу.

На скамеечке у самой двери сидела Анна Шекспир. А первую минуту Вильям не узнал свою жену. Она выглядела совсем старой. Большие, узловатые руки крестьянки, красное некрасивое сморщенное лицо,

тусклые глаза. Он присел рядом на скамейку. Долго молчали.

Мимо сновали в костюмах и полуодетые актеры, работники театра и какие-то совсем посторонние личности. Вильям постоянно ловил на себе любопытные взгляды. Анна сидела абсолютно прямо, будто проглотила палку, и смотрела, не мигая, прямо перед собой.

— Ты совсем забыл свою семью, Вильям! — заготовлено произнесла она. — У тебя нет ничего святого! Я говорила с пастором...

— Не здесь и не сейчас... — начал было Вильям.

Но Анну уже понесло. Не обращая внимания на окружающих, она продолжала громко. Нарочито громко. В полный голос.

— Стыдись, Вильям! — негодовала она. — Сколько ночей ты провел с своей законной женой?

«Пять!» — чуть было не брякнул вслух Шекспир.

— Всего четыре! — начала рыдать Анна. — Мне стыдно в глаза соседям смотреть. Знаешь, что-о... говорят о тебе?

— Догадываюсь. — пробормотал Вильям.

Вокруг уже начали собираться любопытные. Вильям резко встал и обвел всех гневным взглядом. Все тут же заторопилось по своим делам. Знали, с Вильямом лучше не связываться.

— Гамлет умер! — неожиданно сказала Анна.

Вильям сначала не понял. Сыграли только половину пьесы и принц Гамлет умирал только в конце спектакля.

— Бедный мой сыночек... — тихо заплакала она.

Сын Гамлет был худым, болезненным мальчиком.

Яркой молнией вспыхнуло воспоминание. В один из последних приездов в Стратфорд, Вильям потащил мальчика к небольшому водопаду, что располагался вблизи старой заброшенной мельницы. Решил преподать урок закаливания. По собственному опыту знал, сохранить здоровье можно только холодной водой.

Вильям раздел мальчика догола и сунул под ледяные струи водопада. Обычно молчаливый и застенчивый ребенок, прижав к груди руки с стиснутыми кулачками, широко раскрыв рот, орал на всю округу:

— А-а-а-а-а-а!!!

Он кричал так, словно все льды Антарктики, все торосы Гренландии, вьюги и снегопады далекой Сибири навалились на его худенькое тело.

Еще долгие годы в Лондоне, в самые неподходящие моменты, перед глазами Вильяма будет возникать бледное лицо сына, его расширенные от ужаса глаза и его тонкий голос:

— А-а-а-а-а!!!

— Бедный мой сыночек... — тихо всхлипывала жена Анна.

Вильям долго не мог поверить, но переспросить, выяснить подробности у него не хватило духа.

— Когда-а... — только и смог выдать из себя Вильям.

Вильям смотрел вслед своей жене. Он был в театральном костюме и не мог побежать за ней по

улице. Остановить, поговорить, успокоить... Она сутулилась и испуганно шарахалась от проезжающих мимо карет.

Сердце Вильяма было готово разорваться на части.

Уайт и Шеллоу сидели в пустом зале. Спектакль давно кончился, публика разошлась. Только друзья неподвижно сидели в креслах и смотрели на пустую сцену. На обоих навалилась глыба, именуемая «Гамлет» и просто раздавила обоих. Все планы, замыслы, проекты, связанные с «рождением» Шекспира, казались обоим теперь такими мелкими, суетными, ничтожными... Впервые за долгие годы друзья не спорили, не пререкались.

«Пора жениться!» — почему-то подумалось Шеллоу. «В самом деле! Найду какую-нибудь милую девушку и женюсь!».

«Надо жить! Надо продолжать жить!» — думал Уайт.

На следующий день после отъезда жены, Вильям забрал из театра половину своего пая и уехал в Стратфорд. Денег вполне хватило чтоб обустроить могилу сына и купить большой светлый дом с самом центре городка.

Пропасть между ним и близкими и раньше, в предыдущие его приезды была значительной. Теперь она стала неодолимой.

Жена бесконечно переключивала и пересчитывала деньги, которые он ей дал. Или сидела и смотрела прямо перед собой в одну точку. Вильям готов был поклясться, что она мысленно пересчитывает его деньги, оставшиеся в театре. Больше эту старую женщину ничто не интересовало.

Дочери превратились в двух огромных и туповатых баб. Бесконечно ругались между собой. Как только появлялся он, замолкали. Смотрели в сторону. Отвечали односложно.

— Да... мистер Шекспир.

— Нет... мистер Шекспир.

Уже на второй день Вильям не мог находиться в доме более получаса. Он одевался и шел прогуляться по городу.

Прохожие не узнавали его. И он не узнавал никого из встречных. Это был абсолютно чужой ему город.

В доме пастора все было сделано топорно, увесисто. Пастор и Вильям сидели за крепким дубовым столом. Если по нему треснуть кулаком, он, наверняка бы, долго гудел, как барабан.

Когда-то пастор и Вильям были друзьями детства. И не сразу узнали друг друга. А когда узнали, долго хлопали друг друга по спинам и плечам и беспричинно смеялись, смеялись... Со стороны оба вполне могли сойти за сумасшедших. Совсем еще детьми, они мечтали стать Робин Гудами, грабить богатых и раздавать богатства бедным. Теперь же...

Теперь, сидя за столом и поминутно чокаясь глиняными кружками, ловили в лицах друг друга детские черты...

«А помнишь?», «А помнишь?»...

— А помнишь... — весело смеялся Вильям. — Первая любовь...

— ... третья... четвертая... — сощурившись, поддержал пастор.

— О, Джейн Остин! — воскликнул Шекспир. — Ты была моей...

— ... восьмой любовью! — закончил пастор.

— В первой десятке, да!

— У меня она была, всего лишь, четвертой... — романтически вздохнул пастор. — Как-то уже под утро, уезжал я от нее верхом на лошади... Сидя задом наперед... чтоб на нее, стало быть, было удобнее смотреть...

— Посмотреть было на что!

— Она так трогательно махала мне с балкона ручкой...

— Могла бы не жадничать и помахать ножкой! — вставил Вильям.

Опять оба долго смеялись, показывая друг на друга пальцами.

Ближе к ночи, обнявшись за плечи, друзья тихо пели.

— Стало быть, не покорился Лондон? — неожиданно спросил пастор. — И все-таки, возвращаешься?

Вильям молчал. На него наваливалось нехорошее предчувствие. А своим предчувствиям, ощущениям, он верил бесконечно.

— Благословить тебя?

Шекспир отрицательно помотал головой. Потом вздохнул.

— Он меня сам благословит. Если захочет.

Вильям шел по ночному Стратфорду. Где-то далеко лаяли собаки.

«В Лондон! В Лондон! В Лондон!» — стучало у него в висках.

В тот же день, в Лондоне к «Глобусу» стремительно подкатила маленькая карета. Перед входом в театр лошадь резко остановилась, но дверцы кареты не раскрылись, опустилось только боковое окно.

— Эй, любезный! — громко крикнула Смуглая леди, не выходя из кареты. — Позови-ка Вильяма Шекспира! Да, поживей!

— М-м-м... — ответил Томас Харт.

Он стоял, опершись плечом о косяк двери, жевал свой традиционный бутерброд с бычьим салом и жестами пытался объяснить. Мол, не может разговаривать, пока не прожует. Мол, воспитание не позволяет.

— Его нет в театре? — теряя терпение, крикнула леди.

Томас Харт развел руками в стороны. Вернее, только одной рукой. Вторая была занята бутербродом.

— Он уехал? Когда? Куда? — начала откровенно злиться Смуглая Леди. — Говори же что-нибудь, бестолочь!!!

Харт, не переставая основательно двигать челюстями, жестами и мимикой попытался выразить. Мол, Вильям уехал еще три дня тому назад. Куда именно, никто не знает. Когда вернется, неизвестно.

— Не слишком-то ты разговорчив! — рявкнула Смуглая Леди.

— М-м... Моя жена... того же м-мнения. — просипел Томас Харт.

Смуглая Леди в ярости что-то крикнула кучеру и маленькая приземистая карета мгновенно рванула с места.

Томас Харт насмешливо посмотрел ей вслед, проглотил остатки бутерброда, вытер ладони о штаны, и, выпучив глаза, шумно выдохнул.

Достал из заднего кармана маленькую флягу, сделал из нее внушительный глоток и умиротворенно улыбнулся.

«Минуй нас пуще всех печалей...» — подумал Томас Харт, глядя вслед отъезжающей карете.

Вернувшись в Лондон, Вильям даже не зашел в театр. Сразу же направился домой. Предчувствие не обмануло его. На письменном столе лежала записка. Вильям развернул ее и ему показалось, что сердце вот-вот остановится...

Записка была от Томми-Элизы. В ней девушка сообщала, что она полюбила другого человека.

Уплывает с ним на корабле в другую страну. Просила ее не искать. Записка пахла французскими духами...

Вильям отчетливо представил себе, как бедная Элиза писала под диктовку эту записку, как горько плакала...

И кто стоял в этот момент у нее за спиной...

... На Лондон со стороны Ла-Манша налетел ураган, с завываниями ветра, с потоками холодного дождя и мокрого снега, он бушевал над городом несколько суток подряд. Пронизывающий ветер поднимал на городом клубы пыли, смешивал их с хлопьями снега и обрушивал на крыши домов, на колокольни церквей и соборов. Косматые грязно-серые облака проносились почти над самой землей, задевали верхушки деревьев и со злобными завываниями пытались вырвать их с корнем из земли. Горожане наглухо закрыли ставни окон и приготовились к длительной осаде...

Вильям стремительно шел, почти бежал по пустынному городу... Губы его беззвучно шептали...

«Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянье,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,»

... в лицо хлестал леденящий дождь, волосы развевал пронзительный, холодный ветер... Он не замечал этого...

«И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,»...

По Лондону еще долго гуляли слухи о каком-то безумном актере, который во время того ужасного

урагана врывался в дома почтенных граждан и, под угрозой физической расправы, требовал вернуть ему его возлюбленную. Еще его неоднократно видели в порту, где он пытался провести досмотр всех судов, стоявших у причала. С большими трудами, не без помощи увесистых кулаков портовых грузчиков, этого безумца удалось утихомирить.

Говорят, еще во время урагана его видели сразу в нескольких портовых кабаках, где он вливал в себя несметное количество напитков, но никак не мог опьянеть.

Был ли тем безумцем Вильям? Нет ответа.

Вернулся домой Вильям только через несколько дней. Грязный, избитый, промокший, больной. Какие-то портовые грузчики, как только стих тот ужасающий ураган, привезли его на телеге и скинули, как мешок, прямо у порога дома парикмахера.

Несколько дней Вильям был без сознания. Ни врачам, ни друзьям так и не удалось узнать, где он пропадал все это время...

Вильям Шекспир болел несколько недель. Когда же, выздоровев, он снова появился в театре, друзья не узнали его.

Вильям постарел на несколько лет.

Семнадцатый век медленно завоевывал Англию. Кончалась эпоха мрачных заговоров, публичных казней и постоянного страха.

На семидесятом году скончалась королева Елизавета. Великая Елизавета. Баллады, сонеты и даже целые поэмы были посвящены столь печальному событию. Все поэты и драматурги откликнулись. Все, кроме Вильяма Шекспира.

И даже когда на престол взошел король Джеймс, весельчак, любитель выпивки и театра, Вильям Шекспир и тут не выдавил из себя ни строчки.

«Гони судьбу в дверь, она влезет в окно!» — гласит старая английская мудрость. Ничем другим не объяснить, что уже через пару месяцев король Джеймс присвоил труппе театра «Глобус» звание «слуги Его Величества Короля».

Ходили слухи, что Джеймс и сам, под парами крепкого эля, любил среди родственников и слуг вылезать на помост. Не отставала от него и королева. Частенько супруги, после обильного возлияния, разыгрывали перед близкими сцены из пьес Шекспира. Но самому Вильяму это не прибавило ни капли счастья.

Он резко постарел. Сказывался возраст. К тому времени ему уже крепко перевалило... за сорок. Да тут еще эта проклятая болезнь. Частые обмороки и неожиданные приступы с потерей сознания отнимали последние силы. Но Шекспир с чисто актерским упрямством, как вол, продолжал работать.

Убедившись, что новый король Джеймс не собирается лично его преследовать за «старые грехи», Джон Андервуд вернулся в Лондон. Город его поразил. Прохожие на улицах прямо смотрели в глаза, громко смеялись, если было смешно. Никто не шептался и не

озирался в испуге по сторонам. Казалось, даже воробьи на деревьях чирикали громче, чем раньше.

Трое друзей, по уже сложившейся традиции, собрались в гостиной Андервуда. Обсуждали новости. Так и иначе разговор постоянно сворачивал к театру. Имя «Шекспир» будто висело в воздухе гостиной, хотя ни один из друзей не произносил его вслух. Наконец, Шеллоу, как самый непосредственный, не выдержал:

— Не пойти ли нам сегодня на Шекспира? — предложил он без всякой дипломатической подготовки.

Уайт скосил глаза на Андервуда. Джон молчал.

— Говорят, «Отелло» замечательная пьеса! — настаивал Шеллоу.

— К сожалению, не могу составить вам компанию. — после долгого молчания, произнес Андервуд. — У меня куча дел.

Уайт и Шеллоу не стали усугублять ситуацию и, попрощавшись, покинули гостиную. Лишать себя возможности посетить театр, у них не было ни малейшего желания.

В «Глобусе» играли «Отелло».

Зритель подобрался самый разношерстный. Двор, как всегда, был забит дешевой публикой. Знатные господа и дамы расположились в ложах, на балконах. Свободных мест не было вовсе.

За кулисами все с самого начала пошло вкривь и вкось. Бывают такие спектакли, когда все разлаживается. Актеры забывают слова и никакой суфлер до них не докричится, мебель ломается, кто-

нибудь обязательно напьется... Словом, только держись.

Началось с того, что суфлер и хранитель Книги Томас Харт поймал на воровстве комика Кемпа. Тот втихаря от всех переписывал весь текст пьесы. «Пиратствовал», одним словом. Наверняка уже договорился с каким-нибудь издательством о продаже за большие деньги... Томас Харт рассвирепел от такой подлости! Кристально честный человек, он и от других требовал не меньшего.

Не долго думая, Харт схватил дубину и, издав воинственный клич команчей, начал гонять Кемпа по всему театру, осыпая спину и плечи комика градом увесистых ударов. Напрасно Кемп молил о пощаде. Бормотал что-то о семье, о голодных детях. Харт был неукротим. Так и убил бы старый суфлер комика Кемпа, не вмешайся главный пайщик, а по сути хозяин театра, ведущий актер Ричард Бербедрж.

Он схватил Кемпа за грудки, поднял вверх на вытянутых руках и громогласно объявил:

— Пиратство своем театре я не допущу!!!

Возмущенные актеры тут потребовали утопить предателя в пожарной бочке, но Бербедрж рассудил иначе:

— Кемп мне друг, но театр дороже! — гневно выкрикнул он. И понес испуганного комика на выход.

Бербедрж нес на вытянутых руках комика Кемпа, как нашкодившего котенка, под возмущенные возгласы всей труппы.

— Яду ему в ухо влить! Чтоб неповадно было!

Комик Кемп испуганно таращил глаза и умоляюще шептал:

— Не надо, Ричард, не надо!

— Надо, Кемп, надо!!! — зловеще рычал Бербедж.

Распахнув яростным пинком ноги дверь на улицу, Бербедж другим, не менее яростным пинком под зад, вышвырнул Кемпа на улицу. Пролетев значительное расстояние по воздуху, комик Кемп очутился в огромной луже, которая существовала на заднем дворе театра испокон веков и была своеобразной достопримечательностью. Лужа значительно смягчила падение «пирата». Давно замечено, комикам всегда везет.

— Чтоб ноги твоей поганой не было в театре!!! — напоследок рявкнул Бербедж и захлопнул дверь во двор.

Наградой справедливому поступку Бербеджа были продолжительные аплодисменты актеров, которыми они наградили своего вожака, пока тот возвращался по коридору в свою гримерную.

Вильям не вмешивался в этот скандал. С горечью он наблюдал, как его самые близкие друзья своими собственными руками разрушают то, чему посвятили свои жизни.

Худо бедно, но спектакль все-таки начали во время. На роль Дездемоны, вместо исчезнувшей Томми-Элизы, пригласили какого-то длинного рыжего парня. По имени Билл. Наглого и бесталанного. В каждой сцене, отвернув голову от зрителя, он бессмысленно хихикал. Чем приводил в ярость

партнеров. Вильям не мог даже смотреть в его сторону. Просто уходил подальше от сцены.

В суматохе Ричард Бербедж, исполнявший роль Отелло, допустил чудовищный промах. Загримировавшись весь с ног до головы, она забыл намазать темным гримом руки. И с великими актерами случается подобное. Бербедж так и вышел на сцену. С белыми руками.

... играя сцену с Яго, Бербедж долго не мог понять, в чем дело? Почему публика смеется? Все громче и громче...

... Вильям Шекспир за кулисами рвал на себе волосы...

... кое-как доиграв сцену с Яго до конца, Бербедж-Отелло быстро ушел со сцены...

В «Глобусе» запахло провалом спектакля!

Но самое непостижимое стряслось в следующей сцене. Бербедж опять появился на сцене с белыми руками! Этого публика простить не могла. Раздался свист, из двора понеслись оскорбительные выкрики, громкий хохот...

Но недаром Ричард Бербедж считался великим актером. Он спокойно вышел на самую середину помоста, обвел беснующийся двор презрительным взглядом и... медленно снял... сначала с одной руки... белую перчатку! Потом с другой. Руки его были темного цвета.

Бербедж небрежно швырнул белые перчатки прямо в зрителей. Наградой ему были бурные аплодисменты. Лондонская публика любила смелых и находчивых.

Спектакль вернулся в наезженную колею. Но ненадолго.

Рыжий Билл продолжал валять дурака. К месту и не к месту он идиотски хихикал, уже почти не скрываясь от публики. Бербедж едва дотерпел до финала пьесы. Он был в ярости.

В самом финале Бербедж-Отелло, прежде чем «задушить» Дездемону, хорошенько побил ее. Разбил в кровь нос и поставил под оба глаза по синяку. Но и этого было мало. Уже «задушив» Дездемону, он швырнул ее на пол и, уходя со сцены, в сердцах, пнул как следует ногой.

Публика была в восторге. Раздались выкрики:

— Молодец, Отелло! Так ей! Добавь еще!

— Будет знать, как мужу изменять!

Тут на сцену выскочили музыканты с танцорами и начали свое дело. Рыжий Билл-Дездемона, за их спинами, на четвереньках убрался со сцены. Так же незаметно он исчез из театра.

После спектакля Уайт и Шеллоу направились к гримерной Вильяма. Но попасть в нее оказалось не так-то просто. Целый рой поклонников и поклонниц всех мастей бурлил возле двери своего кумира.

Когда Вильям появился на пороге, восторги, смех, слезы, громкие восклицания слышались со всех сторон. Нашим друзьям ничего не оставалось, как отойти в сторону и переждать, когда неуправляемый водоворот слегка рассосется. Ждать пришлось довольно долго.

Шекспир стоял, окруженный со всех сторон знакомыми и малознакомыми людьми, бледный,

растерянный, молчаливый. Он лишь едва заметно кивал в ответ на поздравления.

— А еще говорят, на свете счастья нет! — тихо промолвил Уайт, наблюдая за Вильямом.

— Тонкое наблюдение. — не удержался от язвительности Шеллоу.

И тут толпа замерла. Все повернулись в сторону большой двери, ведущей с балкона. В дверях стоял Джон Андервуд. Этого не ожидал никто. Наступила полная тишина.

Андервуд крупными шагами пересек коридор и подошел к Вильяму. Тот стоял неподвижно. Он не выказал ни страха, ни удивления, ни раздражения. Его великосветская выдержка вызвала усмешку у Шеллоу. Андервуд же был просто озадачен. Его «творение», простой актер перещеголял его в умении владеть собой.

— Поздравляю! — сказал наконец Джон. — Но у меня есть несколько замечаний... — добавил он и протянул Вильяму руку.

В это мгновение Вильям тихо вскрикнул, резко выпрямился и начал падать на спину. Андервуд едва успел подхватить его. Подбежавшие Уайт и Шеллоу поддержали Вильяма, который продолжал выгибаться и трястись, как в лихорадке. Лицо его чудовищно покраснело, из открытого рта лилась белая пена. С закрытыми глазами, широко раскрыв рот, он ловил руками воздух.

Вокруг испуганно закричали женщины. Прибежали полуодетые актеры, подхватили Вильяма на руки и унесли в примерную. Только там, на каком-то грязном

топчане, минут через пять Вильям пришел в себя и открыл глаза.

— Извините, иногда накатывает... — прошептал он.

Андервуд уступил свою карету и актеры отвезли обессиленного, ко всему равнодушного Вильяма домой. В квартиру дамского парикмахера, где передали его из рук в руки его дочери.

Странная это была девушка. Она умела разговаривать разными голосами. Сквозь пелену головной боли, Вильям несколько ночей пытался разглядеть ее лицо. И не мог. Слышал только голоса.

— Бойтесь гнева любящей женщины, Вильям Шекспир! — гневно шипела она голосом Смуглой Леди.

— Вы ничего, кроме сцены не замечаете, мистер Шекспир! — жалобно плакала она голосом Томми-Элизы.

— Ты совсем забыл свою семью, Вильям! — угрожающе кричала она голосом жены Анны.

Только на четвертое утро Вильям услышал еще один голос. Спокойный и мягкий. Он открыл глаза и увидел необычную девушку. Таких он никогда раньше не встречал.

Она была абсолютно рыжая. Вздернутый носик, веснушки по всему лицу, голубые глаза и копна огненных волос.

— Вам нужно хорошенько выспаться! — строго сказала она.

«Прямо-таки, какое-то... солнышко!» — подумал Вильям и впервые за долгие годы, крепко заснул.

В последнее воскресенье месяца посетители загородного парка, что расположен на юго-востоке Лондона, могли наблюдать странную процессию. Прямо через кусты, кочки и поваленные деревья двигались пятеро мужчин. Впереди двое могильщиков несли на головах, поддерживая его руками, маленький черный гроб. За ними, чуть поодаль, шли три джентльмена. И каждый нес в руках по связке рукописей и бумаг. Но поскольку в отдаленном уголке парка не было ни души, процессия так и осталась незамеченной. А изрядно пьяные могильщики вряд ли могли вспомнить на следующее утро, где были и что делали.

На большой поляне самый представительный из джентльменов сделал знак и процессия остановилась. Могильщики опустили маленький гроб на землю и принялись копать могилу. Покончив с этим, они воткнули лопаты в землю и, прихватив огромную бутылку, отошли в тень большого дерева.

Трое наших друзей, (разумеется, это были они), свалили в гроб все свои рукописи. И подожгли их. Когда от бумаг остался только пепел, друзья заколотили крышку и опустили гроб в яму.

Подоспевшие могильщики быстро сделали свое дело. Соорудив небольшой холмик, они получили щедрую оплату и удалились, посмеиваясь над причудами богатых джентльменов.

Трое друзей склонили головы над могилой.

— Прощай, добрый друг... Портер! — скорбно и с глубоким чувством произнес Шеллоу. — Ты был неплохим малым.

— Печаль наша светла! — поддержал Уайт.

— Лучше б ты вообще не родился! — слегка раздраженно поставил точку Андервуд. И его можно было понять.

Вильям шел по улице, ведущей к театру. В Лондоне практически все улицы вели к какому-нибудь театру. Да и кому нужна такая улица, которая не ведет к театру.

Всю сознательную жизнь Вильям Шекспир подчинялся своей интуиции. Она вела его по жизни, оберегала от бед и несчастий, подсказывала наиболее верный путь к успеху. Он привык доверять своей интуиции в мелочах и, тем более, в делах серьезных.

Сейчас интуиция подсказывала, приближается финал. Финал жизни в Лондоне. Финал многолетней творческой работы, и... увы!.. просто финал жизни.

Последние месяцы Вильям Шекспир почти каждый день вспоминал пророчества молодых девушек-ведьм на гнилом болоте...

«Одна у тебя будет любовь! Но недолго будешь счастлив. Отнимут ее у тебя, когда будешь в отъезде...»

«Друзей у тебя будет много! Но они предатели по ремеслу своему. Ни одному из них ты не доверишься до конца. Не откроешь сердца...»

«Остерегайся знатной дамы с темным лицом! Душа ее, мысли и желания такие же темные...»

«Последнее создание твое вспыхнет ярким факелом! Только никого он согреет. Никого не обрадует...»

Вильям и сам предчувствовал, что «Генрих Восьмой» последняя его пьеса. Больше он не напишет ничего. И сейчас он идет на последнюю свою премьеру. Потому Вильям Шекспир не спешил. Он всячески оттягивал последнее свое свидание с театром. Нарочно избрал самый длинный, окольный путь...

В «Глобусе» ввели новую моду. Для более состоятельных зрителей начали продавать места прямо на помосте. Справа и слева ставили низкие скамеечки. Дешевой публике во дворе приходилось теперь бесконечно покачиваться вправо-влево и тянуть шею, чтобы разглядеть все, происходящее на сцене.

Спектакль был обставлен пышно и помпезно. Во время маскарада приветствовали появление короля Генриха салютом из пушек. Это-то и погубило старый театр «Глобус»...

Пыж, сделанный из бумаги, вылетел из пушки и упал на соломенную крышу. Появившийся дым, а затем и огонь, заметили не сразу. Все взоры были обращены на сцену. Когда заметили, было уже слишком поздно. Огонь стремительно разбежался по всему зданию.

Публика с визгами и криками разбежалась в разные стороны.

Говорили, видели самого Бербеджа, на котором горели штаны. Но кто-то из актеров спас его, вылив на штаны бутылку эля...

Говорили, какая-то знатная дама скинула с себя всю горящую одежду и совсем голая, гордо вскинув голову, шествовала к своей карете...

Говорили, старик суфлер Томас Харт сначала выбежал из помещения, потом опять, очертя голову, ринулся в театр, спасти рукописи пьес. Да так больше и не вышел из огня...

Говорили многое...

Ничего этого Вильям Шекспир не видел. Еще за квартал до театра, он увидел клубы дыма, а подойдя ближе, увидел и чудовищные языки пламени... Он не стал приближаться к своему родному дому. Издали наблюдал, как пожар пожирает все без разбора.

Потом повернулся и медленно побрел прочь.

В тот же вечер он начал готовиться к отъезду.

Похороны старого Томаса Харта собрали неожиданно много народа. Толпы людей медленно шли и шли от пепелища старого «Глобуса», по мосту через Темзу на другой берег, в сторону кладбища для бедноты.

Ремесленники и служанки, кучера и мелкие торговцы, школяры и девицы из портовых притонов, нескончаемым потоком шли вслед за повозкой, на которой лежали, укрытые черной рогожей, останки молчаливого старика.

Шли попрощаться не только со старым суфлером, которого мало кто знал в лицо, шли отдать последнюю дань благодарности старому театру. Что-то неуловимое, но очень важное, ушло из жизни

столичных жителей вместе с театром. Сгорело в огне пожара, улетучилось вместе с дымом.

На кладбище старенькая сухонькая старушка, супруга покойного, испуганно пряталась за спину Ричарда Бербеджа и ни в какую не хотела подходить к могиле. Никак не могла поверить, там лежит то, что осталось от ее любимого Томаса.

Старушка не плакала. На ее маленьком сморщенном лице застыло выражение, какое бывает у потерявшегося в толпе ребенка. Растерянное и удивленное. Под руки ее держали две такие же маленькие сухонькие старушки. Очевидно, соседки.

Они не знали, что Ричард Бербедж распорядился выделить вдове пожизненную пенсию и остаток дней она не будет нуждаться ни в чем.

Вильям упаковал все рукописи в сундук, запер его на замок. Подошел к окну и долго смотрел на большой и шумный город.

Сзади тихо скрипнула дверь. Вильям знал, вошла «Солнышко».

— Вы уезжаете? Насовсем? — прозвучал тихий голос.

Не оборачиваясь, Вильям молча кивнул.

— Возьмите меня с собой...

Вильям медленно повернулся и долго смотрел девушке в глаза. «Солнышко», как всегда, не отводила взгляда. Смотрела строго и серьезно, будто решала какую-то сложную математическую задачку.

— Возьмите меня с собой, Вильям! — повторила она.

— Видишь ли... — Вильям потер лоб, подыскивая слова, — дело в том... Дело в том, что я никуда не еду. Я просто уезжаю.

Вильям вздохнул и опять отвернулся к окну.

Вильям покидал Лондон темной ночью. Его никто не провожал, да и он сам не хотел каких-либо прощаний, застолий, речей. Все актеры были заняты судорожными попытками устроиться в другие труппы. Виделись друг с другом урывками, на бегу. Никто не жаждал взваливать на свои плечи чужие проблемы, чужие переживания.

Вильям подошел к большому темному дилижансу, специально нанятому для дальнего переезда с условием, что он будет единственным пассажиром. Его вещи, чемоданы, баулы уже были уложены в багажное отделение. Кучер что-то колдовал у передних ног пары неказистых лошадок. Оставалось только сесть и захлопнуть за собой дверцу.

Вильям огляделся, но ничего кроме крошечной тьмы не увидел. Он уже пожалел, что решил покинуть город ночью. Стоило хотя бы дождаться рассвета и окинуть последним взглядом улицы, переулки и парки, все места, с каждым из которых были связаны свои воспоминания. Но теперь было уже поздно.

Вильям забрался в дилижанс и опустился на жесткое сиденье. Внутри было, как в запечатанной бочке. Абсолютно темно и душно. Кучер продолжал возиться с лошадьми и, казалось, специально тянул время, чтоб не трогаться в путь в полной темноте.

Вильям вздохнул и приготовился долго ждать.

Но тут в противоположном конце вместительного дилижанса кто-то пошевелился. Вильям чуть не вскрикнул от неожиданности. В эту же минуту кучер, с факелом в руке, решил последний раз осмотреть колеса и остановился прямо у окна дилижанса. В отблесках пламени факела Вильям увидел в углу съежившуюся девушку. Это была «Солнышко».

Она чинно сидела на противоположной скамейке и держала на коленях небольшую котомку.

— Нам по дороге. — невозмутимо заявила она. — Мне тоже необходимо попасть в Стратфорд.

— По какой надобности? — переведя дыхание, поинтересовался Вильям.

— У меня там родная тетка. Она меня воспитала. — сухо ответила «Солнышко». И, помолчав, добавила. — Надоел мне этот Лондон. Шум, суматоха... Единственное приобретение, обучилась здесь стенографии. Могу быть вам помощницей. — неожиданно закончила она.

«Господи! Только не это!» — промелькнуло в голове Вильяма. Но вслух он вежливо поинтересовался:

— Где живет ваша тетка?

— В Стратфорде.

— Это я понял. Где именно, на какой улице?

— Ну, там... налево. Сразу за мостом.

Вильям глубоко вздохнул и помотал головой.

— В Стратфорде никогда не было никаких мостов.

— Вы давно не были в родном городе, Вильям! — укоризненно покачала головой «Солнышко». — Их теперь там целых два!

«И оба существуют лишь в твоём пылком воображении!» — подумал Вильям.

В этот момент кучер с факелом в руке отошел от окна и внутренность дилижанса погрузилась во тьму. Вильям прикрыл глаза и откинулся на жесткую спинку.

Через минуту дилижанс медленно, как бы нехотя, тронулся с места.

14

Вильям уже более года жил в Стратфорде в новом доме. Он почти не выходил на улице. Его никто не посещал.

До него доходили туманные слухи, что в Лондоне довольно быстро отстроили новое здание «Глобуса». В театре появились какие-то молодые драматурги, Бомонт и Флетчер, которые километрами вместе пишут пьесы и те идут с огромным успехом. Требовательные и взыскательные зрители больше в театр не ходят, предпочитают проводить время в тавернах или просто сидеть дома с книгой в руках.

Впрочем, все это мало интересовало Вильяма.

Он много читал. В основном переводные исторические романы. Только однажды перед его домом остановилась карета и из нее с веселыми выкриками вывалились: трагик Бербедж и комик Кемп.

В тот день у Вильяма в гостях как раз сидел друг детства пастор. Принес ему несколько книг. Вильям с пастором спустились в гостиную. Здесь и произошла та знаменательная встреча старых друзей, о которой потом полгода судачили на каждом перекрестке.

Все четверо чинно сидели за большим обеденным столом и ждали, когда женщины накроют его по всем правилам.

Поначалу беседа не клеилась. Пастор собрался было даже уйти, чтоб не мешать друзьям. Выручил Кемп.

— Как вы относитесь, пастор, — светским тоном начал он, — к утверждению Коперника, что, якобы, земля вертится?

Пастор прищурился. В его глазах заиграли веселые огоньки.

— Все зависит от количества выпитого, сын мой! — строго ответил пастор. — Если выпить более трех кружек кряду, завертится! Непременно завертится!

Все присутствующие облегченно засмеялись. Актеры сразу почувствовали в пасторе родственную душу.

Ближе к вечеру вся компания, сняв с себя лишние одежды, продолжала буйное застолье.

— Скажите, пастор! — глубокомысленно изрекал Бербедрж. — Что есть женщина? Черт или ангел?

Для пастора не было тупиковых вопросов. Он отвечал мгновенно.

— Надо задрать ей юбку! Сразу все станет ясно... Если есть хвост, одна песнь, если же хвоста нету... совсем другое дело...

Всю ночь компания из четырех, изрядно нетрезвых джентльменов, не давала уснуть маленькому провинциальному городку. Взявшись за плечи, они шатались по темным улочкам и переулкам, и горланили в четыре мощные глотки...

«Я вырос, ничуть не набравшись ума,
Лей, ливень, всю ночь напролет! —
На ключ от бродяг запирают дома,
А дождь все льет да льет!..»

Утром Вильям проводил гостей. Он долго стоял посреди улицы и смотрел вслед карете, пока она не скрылась за холмами.

К вечеру того же дня он почувствовал себя настолько плохо, что потребовал немедленно позвать нотариуса. Его сил едва хватило на то, чтобы подписать несколько страниц завещания.

Вильям неподвижно лежал в своей постели с полузакрытыми глазами. Еще в детстве гадалка накаркала ему, что свой путь земной он окончит в окружении трех ведьм. Тогда Вильям только посмеялся, но в глубине души всегда относился к женщинам настороженно.

Пророчество сбывалось. Он больной, старый, никому не нужный. В окружении трех ведьм. Старухи жены и двух тупых, горластых дочек. Куда все ушло?.. Лондон... премьеры... «Кабанья голова»...

От воспоминаний у Вильяма даже закружилась голова... Томми-Элиза... Нежная любовь моя! Где ты? Отзовись!.. Смуглая Леди!.. А вы как поживаете?.. Или уже переселились в ад?.. В рай вас, наверняка, не пустят, да и сами не пойдете. Не тот характер.

Куда все ушло?.. Будто ветром сдуло... Будто и не жил вовсе... Пятьдесят два, а уже старик. Видно, действительно, пора... Туда, где сияющие вершины, покрытые вечным снегом... Где вольно дышится... Где нет злобы и зависти... Где есть счастье!..

Вильям, закусив до боли губы, плакал, пытаясь сдержать слезы.

Но вдруг... в комнате заметно посветлело... и сквозь стены... сквозь запертые двери... в комнату начали входить.. знакомые и незнакомые... Принц Гамлет... Офелия... Джульетта под руку со своим Ромео... Чернокожий мавр Отелло... Седой старик король Лир... Катарина и Петруччо... И лица всех были веселы и радостны... наполнены светом и теплом...

Вильям покинул этот прекрасный и яростный мир в тот же день, что и появился в нем, 23 апреля 1616 года. Он прожил пятьдесят два года.

До наших дней дошли тридцать семь пьес Вильяма Шекспира, две поэмы и более сотни блистательных сонетов. По утверждению некоторых историков, это лишь небольшая часть наследства гениального английского драматурга. Из рукописей не сохранилась ни одна.

ДОЛГОЕ ДЕТСТВО КРЫЛОВА

Первым Ванечка произнес слово:

— Га-ав!

Молчал, молчал и вдруг высказался. Очень отчетливо. И даже как бы с вызовом. Далее последовало, «Мяу-у! Хрю-хрю-ю!».

Молоденькая маменька Мария Алексеевна стала плакать и заламывать руки. У всех дети, как дети, «Мама-а! Па-па-а!». И все такое. А ее Ванечка...

Малыш Ванечка довольно иронически поглядывал на нее из своей корзиночки, которая заменяла ему колыбель и молчал.

Вернувшийся со службы папенька, Андрей Прохорович, (человек военный, в чине капитана!), долго смотрел на сына в задумчивости.

Потом не придумал ничего лучшего, пожурил:

— Что ж ты, сын! Не по Уставу как-то...

Слово не воробей, вылетит, не словишь. Тем более, если слово то не совсем «человеческого» образца. Слухом земля полнится. Соседи, особенно соседки, смеялись. Маменька Мария Алексеевна очень плакала. Отец Андрей Прохорович хмурился. И молчал.

Стоит ли удивляться, в кого пошел молчуном Ванечка.

Молодая чета нанимала квартиру на самой окраине Москвы. Почти за городом. Двор того дома являл собой совсем уж деревню. Сараи с трех сторон

окружали огромную поляну, которая жила своей особенной жизнью. Зверья тут всякого было пруд пруди. Овцы, поросята, телята, лошади. А уж кошки, собаки, воробьи, вороны, гуси, утки без счета.

По весне маменька Мария Алексеевна стала выносить корзинку с Ванечкой во Двор. Поскольку считала, чистый воздух и солнышко — лучшее лекарство от всех болезней и недугов.

С первых же дней соседи, обитатели Двора, начали подмечать нечто фантастическое. Малыш Ванечка не просто подражал животным и пернатым. Он понимал их язык. И уж самое из ряда вон выходящее, что и они, звери-птицы, тоже понимали его. Прямо на глазах изумленных соседей и потрясенной маменьки, не вылезая из корзиночки, Ванечка вел бесконечные диалоги, беседы с лохматыми-пернатыми обитателями Двора.

Соседи глазам своим не верили. Но факт есть факт.

Вызванный на этот случай Лекарь всесторонне осмотрел малыша, но не нашел ничего замечательного. В ответ на недоумение окружающих, Лекарь авторитетно заявил. Мол, в далеком детстве он и сам знал язык всяческого зверья. Да позабыл за ненадобностью.

Уходя, Лекарь посоветовал поставить пиявок. Он всегда и всем советовал пиявок. И еще есть побольше чесноку. Мол, чеснок очень способствует. С чем и удалился.

Главным во Дворе считался гусак Людовик. Он явно страдал манией величия. При всяком удобном случае заявлял: «Двор — это я!».

С Ванечкой они невзлюбили друг друга с первого взгляда. Стоило маменьке Марии Алексеевне чуть разговориться с соседками, (такими же молодыми мамашами), и выйти со Двора на улицу, как гусак Людовик злобно шипел, громко хлопал крыльями и, вытянув вперед шею, как боевое копье, шел в атаку на корзиночку с Ваней.

На защиту Ванечки тут же бросался кто-нибудь из сторонников. Чаще всего, коза Зорька. Кстати, ее молоко обожал Ванечка. В свою очередь, Зорька обожала Ванечку.

Коза Зорька бесстрашно бросалась на гусака Людовика. Пыталась таранить его своими рогами. Людовик норовил долбануть ее клювом или надавать по шее крыльями.

Как-то постепенно и другие обитатели Двора втягивались в сражение. Припоминали друг другу давние обиды и, разбившись по парам-тройкам, устраивали настоящее побоище.

Ванечка, стоя в своей корзинке, как на трибуне, поначалу пытался примирить враждующих, на всех известных ему языках пернатых-лохматых. Потом сам увлекался и руководил сражением, как истинный главнокомандующий!!! Отцовская жилка сказывалась.

Шум, гам, клубы пыли, летящие по всем направлениям перья и даже клочья шерсти. Лай, кудахтанье, блеяние... Словом, полный раздрай и беспорядок. Такую картину обычно заставляла маменька

Мария Алексеевна, вернувшись с соседками во Двор с улицы.

И в центре этого безобразия, ее Ванечка. Громко выражающийся по-собачьи, по-кошачьи, по-свинячьи. Само собой, по-птичьи тоже.

На «человеческий» язык Ванечка перешел внезапно. Очевидно устав от причитаний и воздыханий маменьки, он вдруг выдал, довольно, длительную тираду. Смысл, которой заключался в следующем: Мол, прежде никаких таких особых оснований говорить не было. И вообще. Мол, молчание — золото.

Маменька Мария Алексеевна опять плакала. На сей раз от радости.

В три с половиной года Ванечка призвал родителей к ответу.

— Где я был, когда меня не было? — поинтересовался он.

Андрей Прохорович и Мария Алексеевна растерянно переглянулись. Но у мальчика уже был не тот характер, чтоб отступить.

— Детей кто приносит? Лебеди или журавли? — продолжал он.

— Видишь ли, сын! По Уставу детей приносят аисты, — откашлявшись, неуверенно начал отец. При этом почему-то вспотел.

— Откуда? — мрачно продолжал допрос Ванечка. — Где они их берут? В лавке, что ли? — съязвил он.

— Господь с тобой, Ванечка! — всплеснула руками мать. — В какой-такой лавке! Откуда такие басурманские мысли!

— Думается мне... — подозрительно продолжил Ванечка, (это выражение, «думается мне», он пронесет через всю жизнь), ... вы что-то от меня скрываете.

Папенька Андрей Прохорович как-то некстати закашлялся. И вообще вышел из комнаты. А маменька Мария Алексеевна покраснела, как красна девица. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, она таковой и являлась. Ей еще не было и семнадцати.

С четырех лет Ванечка начала катастрофически поправляться. Рос прямо на глазах. В основном, вширь. И за каких-то полгода вырос в толстяка-великана. Маменька опять плакала. Отец опять журился и молчал. Потом вообще уехал в командировку, усмирять «пугачевцев».

Вызванный для консультации Лекарь опять не нашел ничего замечательного. Авторитетно заявил, что сам в далеком детстве был еще толще. Дескать, потом резко похудел. После первой влюбленности, добавил он. И подмигнул маменьке Марии Алексеевне.

Маменька по привычке покраснела. Лекарь опять посоветовал ставить пиявок. И ушел со Двора. Теперь уже навсегда.

— Ваня-а! Ванечка-а! Иди-ка сюда, негодник!

Пожилой, полный человек, известный литератор Иван Андреевич вздрагивает, останавливается. Медленно поворачивается и послушно семенит в направлении женщины, стоящей на крыльце дома, с грозным видом уперши руки в боки.

И только когда его, давно взрослого человека, перегоняет какой-то вихрастый мальчишка и подбегает к женщине на крыльце, Крылов останавливается, как вкопанный, и наблюдает. Женщина что-то строго вычитывает вихрастому мальчишке.

Так почти до самой старости он будет вздрагивать, и оборачиваться на каждый окрик: «Ваня-а! Иди-ка сюда-а!».

Детство дедушки Крылова никогда не кончится.

Переезд в Тверь мало что изменил в судьбе Ванечки. И в отношении окружающих к нему. Почти тот же дом на окраине города. Почти тот же Двор с трех сторон окруженный сараями. Те же пернатые-лохматые. И те же соседи-соседки с их постоянными насмешками над его незаурядной полнотой и неуклюжестью.

В Твери Ванечка скрывал свою способность понимать язык всяческого зверья. И говорить на нем. Береженого Бог бережет. Он пытался быть, как все. Но мальчишки этого Двора, поголовно, иначе как — «Тюфяк! Увалень!», его не называли. Хотя, однажды...

Сразу за сараями начинался некошенный луг. И тянулся тот луг вплоть до лесной опушки. До зарослей кустарника. Вот на том лугу и устраивали местные мальчишки беготню на скорость. Побеждал тот, кто быстрее других добегал до кустов.

Если честно, побеждали всегда только двое. Братья близнецы Петя и Павлуша, Они абсолютно одновременно пересекали невидимую линию у кустов, оставляя ораву мальчишек далеко позади.

Толстый Ванечка тоже участвовал в забегах. Чтоб не выделяться.

Но где ему, бедному. Всегда приплетался последним.

Однажды братья близнецы, глядя на несчастного Ванечку, о чем-то пошептались и, решительно подойдя к нему, ухватили за руки,

— Гляди, не спотыкайся! — в унисон грозно сказали братья.

И великий забег начался!

Подобно молнии, стремительно летела удалая тройка мальчишек по некошеному лугу. Эх, тройка! Кто тебя выдумал? Только гулко стучали голые пятки. Только ветер свистел в ушах... Да в испуге разлетались из под ног во все стороны кузнечики...

... Остальная ватага мальчишек далеко позади... Уже у самого леса, у полосы кустов, двое близнецов просто вытолкнули вперед полноватого мальчугана! И он первым пересек заветную, невидимую черт! Он первый! Впервые в жизни!..

Те, что были по бокам и волокли его весь забег, устало повалились на землю и долго не могли перевести дыхание,

А мальчик Ваня медленно опустился на колени и ладонями стирал со лба и щек обильный пот.

— Спасибо, братцы!

Улыбающееся лицо толстого мальчика светилось счастьем.

Пройдут годы. Да что там годы, вся жизнь. Каких только встреч и событий не будет в жизни Ванечки Крылова. Но до самого конца, до самого последнего вздоха он будет помнить тот стремительный забег по некошеному лугу.

— Спасибо, братцы!

Чаще всего еще в детстве Судьба демонстрирует нам знаки, своеобразную схему нашей будущей жизни. И последние станут первыми.

Когда Ванечке стукнуло десять лет, мать направила его в дом местных аристократов Львовых. Чтоб он вместе с господскими детьми выучился французскому, танцам и арифметике. С Арифметикой и французским дело шло как нельзя лучше, А вот танцы...

После первых же уроков танцмейстер-немец побежал к хозяину и весь красный от гнева закричал. Мол, легче обучить танцам целую стаю медведей, нежели этого... Этого Тюфяка!

Ванечка и сам разумел. Богиня танца Терпсихора навсегда повернулась к нему спиной. И никогда не явит ему свой прелестный лик.

Надеяться было не на что.

Тюфяк! Увалень! Юный Ванечка был поразительно, фатально неуклюж. Даже если сидел абсолютно неподвижно на стуле, все одно, возникало ощущение, будто он делает это крайне неловко.

Более того, он был фантастически рассеян и задумчив. Мысли его и фантазии постоянно видали где-то там, далеко, далеко...

— Мосье Крылов! Вам удобно сидеть?

— Премного благодарен.

— Вы сели на мою шляпу.

Так всю оставшуюся жизнь Ванечка будет наступать дамам на ноги, пилить рыбу ножом, садиться на чужие шляпы и улыбаться неведомо чему на чинных похоронах. Судьба!

Жизнь словно задалась целью вылепить для Ванечки образцовую судьбу. А потому последовательно чередовала счастливые случаи и редкостные совпадения с оплеухами, ухабами и всяческими затруднительными положениями, в которые Ванечка попадал систематически.

Но справедливости ради, стоит заметить, удач и везения в его жизни было гораздо больше, нежели потерь и разочарований.

«... Когда из Греции вон выгнали богов

И по мирянам их делить поместья стали, Кому-то и Парнас тогда отмежевали...»

Скоропостижная смерть отца утвердила Ванечку в мысли, что взрослая жизнь уже началась. И должность писца в городском магистрате, тому подтверждение.

Должность самая низкая, ниже ее только дворник. Но за бесконечное переписывание бумаг платят. Немного, но все-таки. Как-то незаметно для себя самого, Ванечка перешел на стихи. Рифмы так и вертелись в его юной голове.

Кто-то из любопытных приказных подглядел, чем занят полный писец. И попросил юного стихотворца написать любовное послание предмету своих вздыханий.

Далее у писца Ванечки уже не было отбоя от желающих. Добрая половина барышень Твери и не подозревала, что всем им пылко признается в любви один и тот же толстый и неуклюжий юноша. Правда, под разными фамилиями. Сколько счастливых семей состоялось при непосредственном участии писца Ванечки из городского магистрата. Правда, на свадьбы его не приглашали. Ел слишком много.

Стихи Ванечки как-то попали на глаза Львову. Сам Николай Александрович, будучи человеком просвещенным, читающим, пришел, прямо-таки, в изумление. У юноши был несомненный талант.

Не долго думая, Николай Александрович забрал юного Ванечку с собой в Петербург. На показ, и не пожалел об этом.

В петербургском доме Львовых проживала, кроме прочих, одна болонка. Со вздорным характером. Вся такая беленькая, чистенькая. Даже с двумя бантиками. На шее и на хвосте. На французский манер.

И звали ее тоже на французский манер. «Зизи-Мишель». Хотя в действительности она называлась Зинаида Михайловна.

Только Ванечка переступил порог петербургского дома Львовых, она презрительно оглядела его с ног до головы и, даже толком не обнюхав, пробормотала себе под нос:

— Дурак какой-то неотесанный! Деревенщина!

— Думается мне, сама дура! — едва слышно ответил Ванечка.

Зизи-Мишель опешила. Даже на задние лапы присела от изумления. Разумеется, ее до глубины собачьей души поразила способность Ванечки понимать их собачий язык.

— Ты, что ли... все понимаешь... по-нашему?! — прошептала она.

— Извольте мне не «тыкать», барышня! — строго ответил Ваня.

— Извините... — едва слышно пролопотала Зизи-Мишель.

Она тут же пустила по городу слух о «самом человечном» человеке. Из Твери. Очень полным, но... все-таки, симпатичном.

Но не только лохматую Зизи-Мишель поразил в самое сердце полный писец Ванечка. Николай Александрович вывел юного поэта в свет. Для того, собственно, и привез в Петербург.

Почти во всех светских салонах стихи юного поэта производили самое благоприятное впечатление. А в

сочетании с фантастической неуклюжестью и неповоротливостью становились просто событием,

Милые дамы одолевали Ванечку вопросами? Какая из муз ему более импонирует? Мельпомена, муза трагедии? Или лукавая Талия, муза комедии? Или он отдает предпочтение Терпсихоре, богине танца?

Юный Ванечка не обижался. Простодушно отвечал. Дескать, его сердце принадлежит исключительно музе Клио. Музе Истории. Любительнице рассказней и небывальщин.

В Петербурге Ванечке постоянно везло. До первой влюбленности. В пятнадцать лет он был представлен первому драматургу эпохи Якову Борисовичу Княжнину. Уже немолодому худощавому с бледным лицом. Постоянная полуулыбка Княжнина, всякое его слово, вовлекало Ваню в мир, в котором не было ничего скучного и незначительного.

Когда-то Княжнин служил в гвардии. И однажды на балу был отмечен самой императрицей. Вся гвардия тогда вздыхала по ней. Екатерина распорядилась подвести к ней Княжнина.

Хозяин дома потянул его за рукав, но Княжнин, (вообразив черт, знает что!), выдернул руку и стремительно покинул залу.

Глядя ему вслед, Великая Императрица усмехнулась.

— Очевидно, старею. Прежде молодые люди от меня не бегали,

В тот год Екатерине Великой было тридцать шесть. Выглядела она лет на десять моложе.

Историю эту Ванечка услышал из уст жены Княжнина, Катерины Александровны, Она была молода, хороша собой, прекрасно образована, естественна и проста. Разумеется, пятнадцатилетний Ванечка влюбился с первого взгляда. Разумеется, Катерина Александровна заметила это. Но толстый молодой человек с литературными, поэтическими амбициями был сей симпатичен. Не более того,

А влюбленный Ванечка уже фантазировал себе... Еще при первом знакомстве он решительно заявил. Мол, не признает светских условностей. И презирает общепринятую учтивость. Катерина Александровна с ним согласилась. И абсолютно серьезно заявила, что мечтает жить в Вест-Индии среди дикарей. И никаких одежд вообще не носить.

Ванечка был покорен. Он тоже считал, лучшее украшение — это чистота души. И тоже втайне мечтал отправиться в Вест-Индию.

Любовь кончилась так же внезапно, как и началась.

В Петербурге объявился очередной «французик из Бордо». Россия всегда славилась поклонением всему иностранному. Не удивительно, что сей французик, обосновался в гостиной Княжнина. И всех покорял своими «физиогномическими» способностями. Якобы, мог по чертам лица угадывать не только характер, но и поступки человека.

В тот вечер Ванечка появился в гостиной первого драматурга эпохи с опозданием. Пристраивал очередное любовное стихотворение в журнал. Под названием «Госпоже К». Центром внимания,

разумеется, был французик. Катерина Александровна пожирала его глазами и кивала на каждую, высказанную им глупость.

— Возьмем, к примеру, господина Крылова, — небрежно кивнул в его сторону французик. — У него брови густы, губы толсты. Из чего можно заключить, у него есть тайная симпатия, которой он сочиняет стихи. И даже публикует их в журналах.

Все присутствующие в гостиной засмеялись, Катерина Александровна звонче всех, Ванечка побледнел и присел в сторонке.

Представление с французиком в заглавной роли продолжалось. Гости были в восторге. Юный Ванечка решил несметно исчезнуть. Подошел к ближайшей двери. Дернул за ручку. Без-ре-зультат-но! Дернул еще и еще. С тем же успехом. Нажал на проклятую дверь плечом, распахнул ее и... оказался в подсобном помещении!

Вслед ему из гостиной раздался смех. Подлый, уничижительный. Громче всех смеялась Катерина Александровна. Просто умирала со смеху. Неуклюжий Ванечка поспешно покинул дом Княжнина.

В тот день Ванечка долго бродил по улицам. Без цели и направления. И сам не заметил, как оказался на Васильевском острове.

— Побере-егись!!! — раздался окрик над самым его ухом.

Мимо пронеслась груженная тачка с мешками.

Очнувшись, Ванечка сообразил, что оказался в торговом порту. Среди тюков, бочек и ящичков. У

причала стоял английский корабль. Но самое удивительное, что с его борта доносились крики говорящих попугаев. В клетках.

— В Вест-Индию! В Вест-Индию!

— В теплые края! На родину-у!

Заметив Ванечку и пернатым чутьем разгадав в нем «своего человека», попугаи хором принялись уговаривать его отправиться вместе с ними. В какое-то мгновение он и действительно заколебался. А не плюнуть ли на все... На канцелярию с ее бесконечными и бессмысленными бумагами? На весь высший свет, на Петербург? И разумеется, на нее, предательницу Катерину Александровну?

Почему бы и нет! Можно хоть завтра отправиться с попугаями в Вест-Индию, Поселиться там среди дикарей. И жить спокойной и здоровой жизнью. Писать стихи, просвещать туземцев.

Но что-то удержало Ванечку.

Он от всей души поблагодарил попугаев за столь лестное предложение и категорически отказался. Рожденный без хвоста, он обречен был жить в России. Среди снегов и бурых медведей.

Еще долго Ванечке виделась одна и та же сцена. Он сидит за письменным столом дома. Один. Распахивается дверь и входит ОНА. Катерина Александровна. Бледна и взволнована.

— Что это вы, мой юный друг! Совсем с ума спятили?! Перестали бывать у нас! Хотите, чтоб я прочь прогнала Французика? Думаете, этот сморчок вытеснил вас из моего сердца? Руку! Дайте вашу....

— Руку! Чего ты руку тянешь, будто нищий на паперти! — смеялись на нем канцеляристы. Ванечка молчал. Молчал.

«... Ты, сказывают, петь великий мастерище...»...

Отвергнутая любовь способна на подвиги. Один такой подвиг и замыслил совершить наш юный Ванечка. В одно прекрасное утро вознамерился стать Первым драматургом эпохи. Обскакать Княжнина, супруга предательницы Катерины Александровны.

Директором Петербургских театров в те времена был генерал Петр Александрович Соймонов. Человек хорошо образованный и несколько насмешливый. К нему и направил свои косолапые стопы канцелярский медвежонок Ванечка. Он держал под мышкой комическую оперу в трех действиях под названием «Бешеная семья».

Смелость города берет, говаривал еще отец Андрей Прохорович. Сей наказ, Ванечка вытвердил накрепко.

Ванечка явился на прием к генералу Соймонову на час раньше назначенного. Не только счастливые часов не наблюдают, несчастные и отвергнутые этим тоже грешат. Слуга, человек сообразительный, пустил его в кабинет. И попросил обождать.

В кабинете генерала Ванечка застал обезьянку по имени Луиза. Она сидела за письменным столом и в задумчивости покусывала гусиное перо. Очевидно, собиралась что-то такое сочинить.

Мартышка Луиза на людях была вертлявой пустышкой. На самом же деле, как и большинство вынужденных эмигранток, отличалась незаурядным умом и доброжелательностью.

Кстати, кроме мартышки Луизы, в доме генерала проживала немка карлица Шарлотта. И курчавый арапчонок, при крещении названный Пафнутием. Веселая компания, ничего не скажешь.

Каково же было изумление маленькой Луизы, когда Ванечка, чинно раскланявшись, сходу изложил ей все свои горести-напасти. И даже попросил совета.

Мартышка Луиза прониклась участием к несчастному Ванечке. И дала несколько дельных советов в отношении генерала. Чем его к себе расположить, о чем не стоит и заикаться. И все такое.

Слово за слово. Наш Ванечка совсем разоткровенничался. И даже поведал мартышке Луизе свою тайную мечту. Научиться танцевать. Луиза в изумлении всплеснула ручонками. У нее тоже, оказывается, была подобная тайна! Мечта. С детства ее тянуло к танцам.

Словом, вошедший в свой собственный кабинет, (разумеется, без доклада!), генерал Соймонов застал прелюбопытную картинку.

Неуклюжий, медведеобразный Ванечка и изящная, ловкая Луиза танцевали на паркете нечто вроде полонеза.

Быстро пролистав страницы комической оперы «Бешеная семья», генерал Соймонов отметил, (про себя!), незаурядные способности провинциального медвежонка. Он любил язвительных французских писателей. А этот, прямо-таки, какой-то новый Вольтер от канцелярии.

Генерал заказал шестнадцатилетнему Ванечке перевод французской оперы, Ванечка исполнил. И довольно быстро. К тому приложил еще собственную комедию «Проказники». Генерал приказал капельмейстеру Деви сочинить на нее музыку.

Не прошло и трех недель, как Ванечка принес комедию под названием «Сочинитель в прихожей». Генерал и ее одобрил.

Колесо закрутилось.

В знак признания его драматического таланта, Ванечке, по распоряжению генерала, выдали билет для свободного входа в театр. В партер. На рублевые места.

Более того. Генерал предложил Ванечке перейти из Казенной палаты, где тот прозябал канцеляристом, в Горную экспедицию. На должность своего секретаря. Ванечка с благодарностью согласился.

Гром грянул, как и всегда в литературном мире, среди абсолютно ясного дня. К генералу Соймонову явился первый драматург эпохи Княжнин, собственной персоной. И в категорической форме потребовал! Немедля запретить комическую оперу «Бешеная семья». И заодно еще «Сочинителя в прихожей». Оба

эти произведения порочат его честь и достоинство!»! И жены его, Катерины Александровны,

Генерал Соймонов попытался было разубедить оскорбленного Княжнина. Дескать, при прочтении лично он никаких таких намеков не углядел. Княжнин стоял на своем. Мол, достаточно того, что разглядел он. Первый драматург эпохи. Яков Борисович Княжнин.

Соймонов успокоил его. Он немедля отдаст распоряжение.

Вызвав своего секретаря в кабинет, Соймонов сообщил последнему пренеприятное известие, с сего дня его произведения к печати и публичному представлению не дозволяются.

— Я дурно пишу? — спросил юный талант.

— Недурно, — пожал плечами Соймонов. — Но еще б ты более наострился, когда б у Княжнина немного поучился.

Услышав ненавистное ему теперь имя, Ванечка вдруг ощутил, что внутри него что-то такое... заклинило. Его понесло.

— Ваше превосходительство! — сдерживаясь, сказал он, — думается мне, сам господин Дмитриевский одобрил мою комедию.

— Сам Дмитриевский?! — изумленно переспросил генерал.

Напрасно мартышка Луиза заламывала за его спиной ручонки и делала всяческие предупредительные знаки. Ванечка видеть и слышать ничего не желал. Кстати, Дмитриевский был всего-

навсего ведущим актером. И ссылаться на его авторитет, все одно, что требовать от министра выполнить приказание швейцара.

Ванечка явно пер на рожон. Генерал с веселым любопытством за ним наблюдал. Ванечка то краснел, то бледнел.

— В таком разе, подаю прошение об отставке! — заявил он.

Далее сложилась вовсе веселенькая ситуация. Почтенный генерал, влиятельная особа, нижайше просил своего собственного секретаря оказать ему милость, не подавать никакого такого прошения.

— В твои года еще служить, да служить.

Но медведь Ванечка категорически отказывал генералу. Медведи, как известно, на редкость упрямые существа. Что в башку втемяшится, колом не вышибешь.

— Думается мне, я за чинами не гонюсь!

— Неужто за Славой?! — наигранно изумился генерал. — Бедный мой, косолапый друг! Слава, она в городе Париже проживает. В большом доме. На последнем этаже. Тебя, косолапого, и на порог того дома не пустят. У Славы в приемной толпятся, ожидая своей очереди, Надворные и Статские советники. А ты — кто ты такой?

— Думается, я — Автор! — без тени сомнения заявил Ванечка. По бокам своим он явственно ощущал присутствие еще, как минимум, двух генералов, поддерживающих его. Тайных советников!

... Летела по некошеному лугу тройка босых мальчишек...

— У тебя завелась какая-то умственная! болезнь. Могу рекомендовать своего Лекаря, — пытался вразумить его Соймонов. Он-то никаких таких генералов, кроме себя, в кабинете не наблюдал.

Ванечка стоял, как скала во время шторма.

За спиной Соймонова злорадно хихикала Шарлотта, заламывала ручки Луиза, философски вздыхал Пафнутий.

Поразвлекавшись еще полчасика уговорами упрямого Ванечки, генерал вдруг резко переменял тон. Юмор его явно иссяк.

— Думается мне! — рявкнул он. — Катись к чертовой бабушке! Дубина косолапая!

Ванечка быстро, (как мог!), вышел из кабинета. И даже дверью хлопнул. Генерал Соймонов покачал головой и засмеялся.

Потом, вздохнув, подписал прошение Ванечки. С мотивировкой. «Уволить за болезнью».

Горько плакала мартышка Луиза. Злорадно хихикала карлица Шарлотта. «Блажен, кто смолоду был молод!» — мудро вздыхал апарчонок Пафнутий. Вся троица, несмотря на разность отношения, успела сильно привязаться к медвежонку Ванечке.

Выходя из особняка генерала Соймонова, Ванечка даже не оглянулся. А напрасно. На ступеньках лестницы в божественных одеждах стояли две особы. И махали ему вслед ручками. Прощались, одним словом. То

были: суровая муза Мельпомена и смешливая муза Талия. Они искренне сожалели о случившемся.

Если б Ванечка оглянулся и, взглянув в глаза обеим особам, и секунду задумался, возможно вся последующая жизнь его пошла бы совсем по другому чертежу. Но Ванечка не оглянулся.

Погода в тот день в Петербурге стояла мерзкая. Ранняя осень, вдруг началась зима. Сильный ветер вырывал из рук парасоли, (так почему-то именовали зонтики). Мокрый снег залеплял окна экипажей, будто пощечинами, хлестал по лицам прохожих.

«... А вы, друзья, как ни садитесь...»

Отставной драматург Ваня Крылов, да литератор Саша Клушин, да еще парочка актеров, Петр Плавильщиков и Иван Дмитриевский затеяли издать журнал. Поскольку вся четверка была основательно «ушиблена» театром, назвали его, разумеется, «Зритель».

Делали все основательно. Типографию открыли на паях. Под вывеской «Крылов со товарищи». И даже Устав разработали. Мол, сие общество основывается на «законах истинного дружества».

Актеры дали пятьсот рублей. У Крылова полсотни. У Клушина всего четвертной. Для начала вполне достаточно. Тем более, оба, (Крылов и Клушин), поселились при типографии, взвалив на себя все издательские труды и заботы.

Наняли наборщика и даже книгопродавца в книжную лавку. Ту, что открыли при типографии. Дело спорилось.

Вскоре «Санкт-Петербургские ведомости» оповестили:

«В Санкт-Петербурге в типографии «Крылова со товарищи», что у Летнего сада, выходит ежемесячное издание под названием «Зритель», в нем помещаются как сатирические, критические, так и стихотворные сочинения, подражания и переводы».

Первый номер журнала вышел в феврале 1792 года.

По городу тут же пошли гулять шуточки. Мол, февраль месяц не совсем полноценный. Стало быть, издатели тоже...

Издателя Ванечку Крылова ничуть не смущало подобное обстоятельство. Он и сам родился в феврале, Дмитриевскому под шестьдесят. Плавильщикову и Клушину столько же, но обоим вместе. Крылов втрое младше Дмитриевского, но именно он был главным заводилой.

Свою повесть «Мои горячки» он направил, ни много, ни мало, (через Львова, через Державина!), императрице Екатерине Великой». Справедливо полагая, что только ОНА, будучи сама сочинительницей, сможет по достоинству оценить его произведение.

Государыня вела переписку с Вольтером и Дидро. И сама увлекалась писательством. Ванечка фантазировал...

... Вот явится полицейский пристав и, вместе с крыловской рукописью, положит на стол записку от Ее Величества. И в записке той будет приглашение во дворец. Уж они-то с Государыней оценят друг друга, как писатель писателя. Они обо всем обстоятельно, подробно побеседуют. Ванечка выскажет Государыне свои взгляды на будущее российской словесности...

Но приглашения из дворца почему-то не поступало.

Далее случилось непонятное. Ванечка Крылов наплевал на все издательские дела и уехал в Брянск.

Журнал уже выходил исправно. Пользовался успехом у читателей. Первое время, во всяком случае. Доход от сего предприятия составлял уже почти по сто рублей на брата.

Отъезд Ванечки вовсе не был связан с переутомлением. Или еще чем-либо подобным. Ванечка опять влюбился.

Под Брянском, в поместье своего дяди, отставного коллежского советника Михаила Васильевича, проживало прелестное существо. Анна Алексеевна Константинова, племянница. Девушка чистая, возвышенная и беспредельно насмешливая. Познакомились они совершенно случайно.

В Петербурге. В театре. В буфете.

Анечка простодушно поинтересовалась. Не вредно ли для здоровья в таких количествах поглощать сладости? На что Ванечка невозмутимо отвечал. Думается ему, вкусно много не бывает. Чем привел

девушку в неопиcуемый восторг. Подобного аппетита она не видывала.

В поместье молодые люди гуляли, любовались видами. И говорили, говорили, говорили... Но наконец-то настал день, когда надобно было переходить от слов к поступкам.

Молодые люди сидели на скамейке под сенью раскидистого дуба. Вечерело. Пел соловей. Вдали паслись стада и все такое.

Ванечка молчал. Долго и выразительно смотрел на девушку.

— Ну! — улыбаясь, подбодрила юношу Анна Алексеевна.

— Алексея Константиновна! — решительно начал Ваня.

Девушка засмеялась. Громко и искренне, Ваня смутился.

— Я хотел сказать... Константина Алексеевна! Тьфу, черт!

— Зовите меня просто Анечка, — смеясь, разрешила она.

Самое любопытное, в ее смехе Ванечка не почувствовал и тени чего-то обидного для себя. Миловидная девушка просто смеялась. От молодости, от радости, от избытка чувств.

— Думается мне... — сказала Анечка, слегка передразнивая его манеру, — ...вы... хотите просить руки моей?

— Разумеется! — пылко поддержал ее Ванечка. — Как же иначе. Жить без вас не мыслю. И не разумею...

— А любите ли вы меня, мой друг? — спросила Анечка, продолжая улыбаться, хотя глаза ее стали необычайно серьезными.

— Думается мне, больше пирожных! — выпалил Ваня.

Анечка была не только смешливой. Но и очень пронцательной. Она разглядела, (вернее, чутким женским сердцем почувствовала), за этой неуклюжей шуткой, кроется страх. Панический страх получить отказ. И в очередной раз быть униженным и осмеянным.

Девушка Анечка сказала «Да!». Где кончается женская жалость? И начинается самоотверженная любовь? Где эта невидимая миру грань? Впрочем, подобные вопросы следует направлять прямиком на небеса? Браки ведь там заключаются. У них специальная канцелярия имеется. Уж они-то безошибочно подбирают пары.

Девушка Анечка сказала «Да!». Но поставила маленькое условие. Эдак тактично намекнула. Мол, не мешало бы молодому человеку слегка сбросить вес. Для этого в поместье все условия. Дядя может даже выделить отдельный флигелек. Словом, предложила юному Ване пройти курс лечения. По западному образцу.

Лечение то было воистину каким-то басурманским. Два дня ничего не есть, только пить. Одну воду из колодца. На третий день съесть только соленый огурец, разрезанный вдоль. (Почему не поперек?!). Потом опять два дня вода, один день огурец. И так далее.

До тех пор, пока не сбросишь вес до пределов приличия. Но ведь так и околеть могло. Не дожив до этого самого приличия.

Любовь требует жертв. И Ванечка решился. Как в омут с головой. Заперся во флигеле и залег на диван.

Стоит заметить, в поместье Михаила Васильевича, как и в любом другом, было полно всяческой живности. Птичий двор, скотный двор. Собаки, лошади, домашние животные... Все как и у каждого солидного, зажиточного помещика.

Конечно, о приезде Вани лохматые-пернатые-рогатые пронюхали. Как же! К ним в гости пожаловал высокий гость. «Самый человечный!» из всех двуногих. Из самого Петербурга!

У каждого пернатого-лохматого-рогатого, естественно, были свои планы насчет высокого гостя. Даже живая очередь образовалась, жалобы, просьбы, предложения.

А тут такой конфуз. Высокий гость заперся во флигеле и никого не принимает. И самое страшное (!), ничего не ест!!!

Пару дней лохматые-рогатые выжидали. В напряжении. На третий решили держать совет. Надобно как-то выходить из подобной скандальной ситуации. Высокий гость, «самый человечный» из двуногих, уже почти не подает признаков жизни. Не иначе серьезно болен. Срам на всю губернию. Надо что-то решать.

Собрались возле заброшенной старой кузницы, что ветшала в одиночестве на самой окраине, около ручья. Как и обычно, собрание началось не сразу. Тут и там слышались взаимные приветствия, необязательные разговоры.

Громче всех вещала индейка Аида:

— Я тут такую глупость слышала, (она всегда слышала только глупости), ... Говорят в Европе лошади с крыльями объявились. Их Парнасами кличут. Вот глупость-то!

— Молчи, чего не знаешь! — оборвал ее индюк Улан. — Парнас — это гора. Лошадь с крыльями — Пегас. Новая порода. Специально вывели для армии. Чтоб в тыл неприятеля незаметно залетать.

— Немцы во всем виноваты! — авторитетно заявил бык Борис. — Это была его любимая тема, найти виноватого среди двуногих. Дались ему эти немцы. Он от рождения и не видел ни одного.

Общее собрание несколько минут бестолково шумело. Затем перешли к вопросу здоровья высокого гостя.

— Надо его в грязи повалить! — заявил хряк баритон. — Очень грязевые ванны способствуют оздоровлению органона.

— И трюфелей ему подложить, — поддержала мужа Хрюня.

Собрание дружно засмеялось. Закудаhtало, захлопало крыльями, залаяло и замяукало. Большинству и невдомек было, что мудрая Хрюня имела ввиду не шоколадные «Трюфели», а те трюфели, что растут в лесу. Очень питательные и вкусные грибы.

Появляются из-под земли уже с запахом чеснока и мяса. Вкуснотища-а!

— Сейчас не сезон трюфелей, — строго указал Харитон. — Лето на дворе. До осени высокий гость не доживет.

Долго пернатые-лохматые-рогатые обсуждали скандальную ситуацию. Предложения были самые разные. Подчас вовсе фантастические. Выкрасть высокого гостя из Флигеля, укрыть где-нибудь, скажем, в свинарнике и отпаивать парным молоком. С медом.

Сошлись на единственно верном решении. Открытым голосованием, при одном воздержавшемся быке Борисе, общее собрание постановило. Весь скотный и птичий двор объявляет голодовку. В знак особой солидарности с высоким гостем.

Уже к вечеру следующего дня в поместье только о том и говорили. О какой-то неведомой болезни, разом поразившей всех лохматых-пернатых-рогатых, независимо от возраста и статуса в обществе.

Скотники и птичники, конюхи и свинопасы испуганно крестились и дружно хватались за головы. Ужа-ас! Их подопечные отказываются принимать пищу. Смотрят грустными глазами и... Ни бэ-э, ни ме-е, ни ку-ка-ре-ку! Поголовно молчат.

Наутро делегация от конюшни, свинарника, телятника и даже от многочисленных ульев, явилась к помещику Михаилу Васильевичу. С подробным изложением невиданной доселе ситуации. Как быть? Или уже вообще, ничему не быть?

Михаил Васильевич был человеком просвещенным. Недаром служил коллежским советником. Подумал несколько минут. И довольно быстро сообразил, откуда ветер дует. Со стороны флигеля...

Михаил Васильевич Константинов был не только просвещенным, но и глубоко принципиальным. Любил Россию и все исключительно русское. Ко всяческим «заморским штучкам» относился с большим подозрением. Недаром состоял в дальнем родстве с Ломоносовым,

По праву хозяина Михаил Васильевич потребовал. Немедленно прекратить изуверство. Мол, не тот пример подаете, юноша! Так ведь всю скотину уморить можно.

Ванечка Крылов с радостью согласился. Ему и самому подобное лечение уже обрыдло. Хуже горькой редьки.

Словом, хозяин и гость немедленно направились за обильный и хорошо сервированный стол. Со множеством блюд.

Такого чавканья, хрумканья, хруста и сопения еще не слышали обитатели поместья. Имеется ввиду, звуки, доносящиеся из коровника, свинарника, конюшни и птичника. Пернатые-лохматые-рогатые тут же пронюхали и углядели, куда направляется гость с хозяином. За стол! И естественно, последовали их примеру. Дружно бросились наверстывать упущенное.

На том курс лечения по западному образцу закончился.

Девушка Анечка сказала «Да!». Но ее родители сказали «Нет!». Да и дядя Михаил Васильевич, при всем добром отношении к Ване, не выказал особого рвения породниться с ним.

Наш бедный Ваня и в самом деле был беден. Не имел ни знатного происхождения, ни солидного положения.

Короче, родственники под разными предлогами тянули некоторое время. Затем попросту отказали молодому человеку.

«... Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске. Свою беду и свой урон невозвратимый...»...

Вернувшийся в Петербург после довольно длительного отсутствия Ванечка обнаружил свое издательское предприятие в абсолютном запущении. «Зритель» уже перестал выходить.

Дмитриевский и Плавильщиков отошли от Журнала. Занялись своими актерскими делами. Остались двое. Клушин и Крылов. Но над ними уже весь литературный и издательский мир откровенно насмеялся. Их «Куриные» фамилии стали символами неудач и провалов.

Да тут еще из Брянска пришло письмо. От родителей Анечки Константиновой. Дескать, молодая красавица плачет дни и ночи, тоскует и тает на глазах, как восковая свечка.

Словом, родители Анечки, боясь за ее жизнь, сжалились, и высказали желание дать согласие на брак. Просили сообщить, когда Ваню ждаты в Брянске, чтоб сыграть свадьбу?

Другой бы обрадовался. Но внутри Ванечки опять в полный голос заворчал тот самый упрямый медвежонок. Он тут же отписал, мол, ехать в Брянск у него нет средств. А потому просил для свадьбы «выслать невесту» непосредственно в Петербург.

Родители Анечки, да и родной дядя тоже (!), неслыханно оскорбились. Обиделись и возмутились. Как это... «выслать невесту»?! Словно бандероль какую-то! И ответили окончательным отказом.

На людях Ванечка Крылов молчал. И свои страдания высказывал исключительно в поэтических стенаниях. Которые пока не печатал. Намеревался опубликовать их все скопом. В новом литературном журнале «Меркурий», идея которого уже зрела в его голове.

Крылов и Клушин, оставшись вдвоем, утроили, удесятерили усилия по выпуску нового журнала. В «Санкт-Петербургских ведомостях» опять поместили сообщение о выходе «Меркурия».

В древности Меркурий числился как Бог — покровитель торговли, путешествий, красноречия и обмана. Два последних обстоятельства особенно импонировали молодым литераторам.

В первом номере Иван Крылов поместил свою статью «Похвальное слово науке убивать время». И несколько стихов. Клушин опубликовал комедию «Смех

и горе». Во втором номере Клушин комедию «Алхимист», Крылов еще несколько стихов.

Крылов написал доброжелательную рецензию на «Смех и горе», Клушин напечатал хвалебный отзыв о целом цикле стихов Крылова, кои сыпались из последнего, как из рога изобилия.

Кукушка хвалит петуха! За то, что хвалит он Кукушку! — утверждали злые языки. Где им, мелким завистникам, понять, что существует еще на белом свете «истинное дружество».

И все-таки, несмотря на очевидные успехи издания, (число подписчиков стало вдвое большим, чем у «Зрителя» и перевалило за пятьсот!), положение журнала было явно неустойчивым.

Не было одобрения высшей инстанции. Государыни Императрицы.

Однажды к дому, в котором помещалась типография «Крылов с товарищи» подъехала карета.

На пороге появился гоф-курьер.

— Ее императорское Величество требуют Ивана Крылова к себе! И немедленно!

Трясаясь в казенной карете, Ваня Крылов был уверен, разговор с императрицей пойдет о его давней повести «Мои горячки». Дождался, все-таки! Лучше поздно, чем никогда! Но Ванечка ошибался...

Ванечку, еще начинающего молодого издателя и сочинителя, Государыня приняла в своем рабочем кабинете, что находился рядом со спальней» Присутствовали двое-трое придворных.

Даже приличный возраст ничуть не скрадывал незаурядной привлекательности Екатерины Великой. Да и внутреннее великолепие дворца поражало. «Золота, жемчугов, камней было более, нежели ошибок орфографических в наших писателях!", напишет позже Крылов.

Ванечка фантастически оробел.

Государыня доброжелательным тоном повела какой-то необязательный разговор, о какой-то там безвыходной ситуации. На что Ванечка, желая поддержать беседу, не успев подумать, брякнул:

— Думается мне, даже если вас съели, выход всегда есть.

Придворные прыснули в кулаки. Кто-то даже отвернулся. Екатерина Великая тут же закрыла большую часть лица веером.

Только расширенные от изумления глаза выступали. Стиснув зубы, она пыталась сдержать вырывающийся из груди смех.

Издатель Ванечка, заметив что-то неладное, поспешил исправить положение:

— Государыня! Я имел в виду вовсе не то, что вы подумали...

И еще более усугубил ситуацию.

На глазах у Екатерины Великой появились слезы. Она мужественно, всеми силами сдерживала смех,

закрывая лицо веером. Наконец, сильно выдохнув, отвела веер от лица.

— Откуда вам знать, что я подумала? — спросила Императрица. Ванечка надолго задумался. И даже почесал под париком затылок. Отчего последний, (в смысле парик, а не затылок!), съехал набок.

Государыня сочувственно покивала головой. Она мигом оценила все нескладности и несуразности, постоянно преследующие Ванечку.

Государыня милостиво разрешила издавать журнал «Меркурий». Заметив, что просвещение и смягчение нравов на пользу Отечеству. Более того, повелела печатать «Меркурий» в императорской типографии Академии наук. Куда уж далее. Выше только звезды.

Ванечка рассыпался в невнятных благодарностях и решительно направился к выходу. По привычке, не в ту дверь.

Государыня с усмешкой заметила, они еще не столь близко знакомы, чтоб мосье Крылов запросто заходил в ее спальню.

Ванечка готов был провалиться сквозь паркетный пол. Но при всем желании, не мог этого сделать. Паркетные полы во дворце Екатерины Великой были отменного качества.

Несколько дней все в окружении императрицы пересказывали друг другу в лицах сию знаменательную встречу.

6 ноября 1796 года по Петербургу, потом волнами и по России, пронеслась горестная весть. Скончалась императрица Екатерина.

Тридцать лет она правила страной. «Екатерины век золотой!».

Множество людей, самых разных сословий, плакали. Что-то будет? Что-то теперь будет? Со страной, с народом... Горше всех в городе на Неве плакал Иван Крылов. Запершись в своей холостяцкой комнате при типографии, он сидел за пустым столом и ладонями размазывал по щекам текущие непрерывным потоком слезы...

Холодный ветер гнал с Финского залива редкие облака. Они соединялись друг с другом, угрожающе темнели и закрывали небо.

«...Уединение, любя, Чиж робкий на заре чирикал про себя. Не для того, чтобы похвал ему хотелось. И не за что, так как-то пелось...»

При Павле I военные парады стали, чуть ли не ежедневными. Красоты они были неопиcуемой. И какой русский не любит военного парада? Многочисленная публика всегда была в восторге и восхищении. Один только Иван Крылов плакал.

Перед его глазами тут же возникали другие «парады». На окраине Москвы, на заднем дворе, на плацу папенька Андрей Прохорович рьяно муштрует своих гренадеров.

Ах, как мечтал маленький Ваня стать военным! И вот так же маршировать под бравурную музыку. Как его папенька! Но о той тайной, несостоявшейся мечте Ивана Крылова не знал никто.

Многое переменялось в обществе с уходом Екатерины Великой. Переменялись и наши неразлучные друзья-издатели. Литератор Александр Клушин и сочинитель Иван Крылов.

Клушин выгодно женился на балтийской немке. Баронесса принесла ему поместье и крепостных. И еще прочное положение при Дворе,

Иван Крылов, после похорон императрицы, отправился в Москву. Поселился в деревне, мечтая писать стихи. Ничего более.

Но Судьба, словно в насмешку над его желанием уединиться, распорядилась совсем иначе.

Еще в марте весь Двор и гвардия отправились из Петербурга в Москву для коронации. В составе Двора был уже и Клушин,

Неизвестно, какие такие дипломатические приемы пустил в ход Александр Клушин, но уже на исходе второй недели, после торжественной коронации в Кремле, Павел I приказал представить пред его ясны очи литератора Ивана Крылова.

Император принял молодого стихотворца в Слободском дворце.

Павел I расхаживал туда-сюда. Он вообще не любил засиживаться. Был стремителен, легок и быстр.

Возле кресла его, стоящего в центре, сидел огромный датский дог по имени Ярр. Голова его, даже в сидячем положении, была почти на одном уровне с посетителями. Таких он был размеров.

Император Павел I любил целесообразность и порядок. Датский дог Ярр, подражая хозяину, тоже любил порядок. И беспрекословное подчинение. Принимал самое живейшее участие во всех беседах и приемах Павла I. И постоянно вмешивался.

— Во-о... фр-рунт! — рычал он. Чаще всего совершенно не к месту. Посетители вздрагивали и вытягивались по стойке «смирно!». Император Павел I морщился. И покачивая головой, говорил.

— Вольно, голубчик, вольно! Оставить...

Беседа шла своим чередом. До следующего рыка Ярра. В суете и спешке Крылов схватил из своих сочинений первое, что попало под руку. Под руку попала абсолютно детская трагедия «Клеопатра». Еще актер Иван Дмитриевский, после прочтения, насчитав более двадцати ошибок против драматических правил, советовал ее сжечь. Вот эту самую «Клеопатру», с легким поклоном, (Павел I не любил низких поклонов. Любил прямые спины!), и вручил сочинитель Иван Крылов императору.

— Во-о... фр-рунт! — рявкнул дог Ярр.

Павел I сделал ему жест рукой. Мол, не мешай, и углубился, в чтение, присев на ручку кресла. Ярр заглядывал через плечо императора в рукопись. Его морда выражала явное неудовольствие. Распутная египетская царица ему не нравилась.

— Р-развр-рат! — рыкнул Ярр. И грозно посмотрел на Крылова. Император Павел I захлопнул рукопись, бросил на сиденье кресла.

Сам легко поднялся и опять начал стремительно шагать взад-вперед. Дог Ярр не сводил с Ивана Крылова подозрительного взгляда.

Император прочитал стихотворцу короткую лекцию под девизом: «Лень — мать всех пороков!», взяв для наглядности две страны. Англию и Францию. Продемонстрировал незаурядные исторические знания.

Англичанин горд своим отечеством, своим именем, своим домом. Француз! готов выставить на посмеяние народные святыни. И собственное достоинство. Исключительно из тщеславия.

Англичанин говорит: «Кто беден, тот не заслуживает лучшего».

Француз кричит: «В государстве бедность, свергнем государство!»

Вера и неустанный труд — вот лучшие принципы. Полезная и постоянная деятельность без мыслей о собственных заслугах — верное лекарство от порока. Петр Великий сам работал топором и долотом. А нынешние недоросли отращивают ногти, как томные девицы.

Честность, деятельность, вера — основа для всеобщего блага. Умеренность и скромность — спасение для государства.

Император остановился, бросил слегка брезгливый взгляд на рукопись «Клеопатры», лежащую на кресле.

— Не лучшее ваше сочинение, Иван Андреевич!

Крылов кивнул. Он и сам думал о своей трагедии точно также.

— У нас еще будет время побеседовать, — задумчиво сказал Павел. И в сопровождении грозного Ярра стремительно вышел.

Позже у Ивана Андреевича была встреча и с императрицей Марией Федоровной. На шлейфе ее длинного платья, как ни в чем, ни бывало, сидела самая беспородная дворняжка... По кличке Фекла. Она больше всего любила кататься на шлейфе длинного платья императрицы. Особенно, когда та шла, бесконечными коридорами.

Фекла презрительно оглядывала всех слуг, придворных, фрейлин. Многим даже показывала язык. Или зубы. В зависимости от настроения.

Мария Федоровна была без ума от всех животных вообще. От беспородных собак, в частности.

Иван Андреевич склонился в почтительном поклоне. Как только выпрямился, к нему на грудь, на руки запрыгнула Фекла. Она тут же распознала в нем «своего». И горячо зашептала в самое ухо.

— Государыня тебе благоволит. Предложи ей партию в шашки.

— Сам не маленький... — не разжимая зубов, пробормотал Крылов,

— Смотри, не вздумай выиграть! — шептала беспородная Фекла.

— Сам не дурак! — едва слышно, промычал Иван Андреевич.

Государыня Мария Федоровна присела к столу и жестом пригласила Ивана Андреевича составить ей компанию.

— О чем это вы шептались с моей Феклой? — спросила она,

Иван Андреевич, на всякий случай, неопределенно пожал плечами.

— Не очень-то ей доверяйте, Иван Андреевич, — продолжила императрица, то ли в шутку, то ли всерьез. — Моя Фекла жуткая врунья. Соврет, недорого возьмет.

Фекла легко спрыгнула с рук Ивана Андреевича, отошла в угол залы и, бросая обиженные взгляды на императрицу, начала демонстративно выкусывать себе блох. Всем видом показывая, ей ничуть не стыдно своего не очень благородного происхождения.

— Сыграем в шашки, Иван Андреевич! — улыбнулась императрица.

«...Потерянный Алмаз валялся на пути;
Случилось, наконец, купцу его найти.
Он от купца Царю представлен,
Им куплен, в золоте оправлен
и украшением стал царского венца...»...

Принципиальная муза трагедии Терпсихора, действительно, еще тогда, на ступеньках особняка генерала Соймонова, навсегда распрощалась с сочинителем Крыловым. Ветреная же муза комедии Талия, оказывается, посещала писателя. И неоднократно. Правда, вначале втайне ото всех, инкогнито, так сказать. Чтоб без посторонних глаз.

Потом, уже не стесняясь, не таясь, и наплевать ей было на условности.

Визиты лукавой Талии особенно, участились уже при правлении императора Александра Павловича. Атмосфера в обществе не то чтобы особенно изменилась. Но стало, как-то, посвободнее, что ли.

Результатом визитов смешливой Музы явилась комедия. И не одна.

На тринадцатой версте по дороге из Петербурга в Петергоф красовалась дача обер-камергера Александра Нарышкина.

28 июля 1806 года к ней подкатывали золоченые кареты с княжескими и графскими гербами. Еще бы! Только он, директор над театральными зрелищами, мог попотчевать своих гостей новой комедией, за несколько дней до ее представления в Петербурге.

По дорожке парка прогуливались двое. Все еще статный Иван Дмитриевский и элегантный Алексей Николаевич Оленин.

— Умная комедия, веселая, — кивал головой Дмитриевский.

— В нашем высшем свете говорят по-французски, думают по-французски, даже молятся по-французски, — вздохнул Оленин.

— Да-а... «Модная лавка», это нечто!

— Иван Андреевич себя еще покажет! — согласился Оленин.

Через неделю «Модная лавка» была поставлена на казенной сцене. Зрители буквально стояли в проходах, сидели даже в оркестре. Смех и аплодисменты сопровождали спектакль на всем его протяжении.

Иван Дмитриевский торжествовал. Его молодой друг Иван Крылов, наконец-то! стал знаменитым. Не проиграл и обер-камергер Нарышкин. Его тоже все поздравляли с театральной победой.

Алексей Николаевич Оленин пригласил отставного губернского секретаря Крылова на службу в Монетный двор. Должность не ахти!, но она обеспечит сочинителя постоянным жалованием и даст возможность заниматься любимым делом.

Окрыленный успехом «Модной лавки» Иван Андреевич довольно стремительно написал свою версию «Русалки». В отличие от пышной и холодной оперы князя Шаховского, его сказочная «Волшебная опера» с былинными мотивами, с хорами, балетами и сражениями, была очень тепло встречена зрителями.

Но настоящей театральной победой Ивана Андреевича стала изящная, одноактная комедия «Урок дочкам».

Две барышни, Фекла и Лукерья, ненавистницы всего русского и ярые поклонницы всего французского, отправлены разгневанным отцом в деревню. К няньке, в глушь, в Саратов!

— В чем ваш интерес? Как одеться или как больше раздеться? Болтаете, как сороки на языке, который вам кажется французским, а в головах пустоты! — возмущается огорченный родитель.

В деревне лакей Семен, выдав себя за французского маркиза, довольно долго дурачит глупых барышень. К великой радости отца.

Премьера состоялась 18 июля 1807 года в Петербурге. На самом пике засилья «иностранщины» Иван Крылов отвесил увесистую оплеуху «высшему свету», бездумно и безрассудно поклоняющемуся всему только французскому.

Спектакль был восторженно встречен зрителями. И немудрено, ведь персонажи Крылова вылезали отнюдь не из чернильницы.

«Модная лавка» и «Урок дочкам» на долгие годы прочно вошли в репертуары русских театров. Стали подлинным его украшением.

Человек предполагает, Судьба располагает. Иван Андреевич уже планировал написать еще несколько подобных комедий. В голове его уже вертелись кое-какие замыслы, но...

Однажды в его скромное жилище, вместо легкомысленной, лукавой и даже ветреной музы Талии, явилась другая особа. Внешне строгая, но смешлива!. Рассудительная и легко увлекающаяся все необычным, волнующим, интересным.

Разумеется, это была муза Клио. Муза Истории. Хлебом ее не корми, дай послушать рассказы дней давно минувших. Или любую небывальщину. Из тех же дней.

Муза Клио прямо с порога заявила, пришла всерьез и надолго. Если не навсегда. Спорить с незаурядной женщиной, тем более Музой? Кто рискнет? Она ведь и разгневаться может,

И Иван Андреевич покорился. И никогда не жалел об этом.

Еще отец, Андрей Прохорович собирал и коллекционировал редкие книги. Одной из них «Притчи Эзопы на латинском и русском языке» изданной в Амстердаме в 1700 году, (когда Петр Великий еще не основал Санкт-Петербург!), Ванечка зачитывался в детстве. Потом, в юности прикоснулся и к лафонтеновским маленьким сокровищам.

Теперь же, став зрелым человеком, под давлением музыки Клио, он задумал переложить одну из них на родной язык.

Басня «Ворона и лисица» была напечатана в журнале «Драматический вестник». К большому изумлению самого издателя, князя Шаховского ожидавшего от Ивана Андреевича чего угодно, (стихов, комедий, статей), только не басен.

Над переводом этой басни трудились в свое время Тредиаковский и Сумароков. Но Крылов не соперничал, не жаждал личной славы.

К своему литературному дару Иван Андреевич относился, если не критически, то довольно прохладно.

— Рад бы на Олимп, да талант не пускает! — усмехался он, полагая, что до великих Эзопа и Лашонтена ему как до звезды.

Счастливым смехом заливалась любопытная, любознательная Клио. Поскольку ее трудами теперь в «Драматическом вестнике» басни Ивана Андреевича появлялись постоянно, систематически. Превращаясь из тонкого ручейка в бурный поток.

Во втором номере были помещены две из них — «Дуб и трость», «Лягушка и Зол».

В шестом — «Ларчик», первая оригинальная басня Крылова.

В двенадцатом — «Обезьяны», «Лев на ловле».

В шестнадцатом — «Парнас»...

Поток все нарастал. В Петербурге и Москве только и разговоров было, что о новых баснях Крылова. В светских салонах уже считалось дурным тоном не знать хотя бы одной из них наизусть.

Но не только известность и удовлетворение приносили сии изящные произведения автору. Знакомые и малознакомые люди постоянно выпытывали у Ивана Андреевича. Кого конкретно он имел в виду? Находили безусловное сходство с общими знакомыми. Параллельно с популярностью росло и недовольство. Подчас дело доходило даже до прямых угроз, скандалов и разоблачений...

Как-то привязались к Ивану Андреевичу на улице два бродячих пса. Оба до чертиков похожие на подвыпивших мужичков. И оба с претензиями. Почему, дескать, он в своих баснях чернит и клеветает на весь

звериный мир? И почему, спрашивается, не обличает жадных попов, пьяных кузнецов и вороватых приказчиков?

— Друзья мои... — начал, было, Иван Андреевич.

— Др-рузья?! — рыкнул один, который покрупнее, — Писатель псу не товар-рищ!

— Жир-рный худого не р-разумеет! — поддержал другой, худой и болезненно покашливающий.

Иван Андреевич и никаких оправданий в свою пользу высказать не успел, как парочка перешла к прямым оскорблениям. — Пр-редатель! Двор-рник!

— Рыбья кр-ровь! Гор-родовой! Кучер-р!!!

Короче, облаяли сочинителя по первому разряду.

Первая книжка басен была напечатана в ноябре 1608 года. Целых тысяча двести экземпляров. И хотя весь тираж состоял из маленьких книжек, которые можно было увезти на одной тележке, типографщики сокрушались. Удастся ли продать за два-три года? Вопреки всем прогнозам, тираж разошелся в два-три месяца.

«... Волк ночью, думая залезть в овчарню, попал на псарню...»...

Войны с Наполеоном ожидали давно. И все-таки она началась как-то внезапно, неожиданно. По всей стране вспыхнуло, невиданное доселе, патриотическое движение. Сами собой создавались различные фонды.

Люди разных сословий несли в них последние гроши, чтоб поддержать армию, спасти Отечество.

Чиновники всех мастей, мелкие служащие толпами осаждали приемные военных ведомств, гневно требуя, чтоб их немедля записали добровольцами в действующую армию.

Парадоксальная ситуация. Все общество поклонялось французской культуре, литературе, музыке. Французский язык имел по стране не меньшее хождение, нежели русский. Но, от великих князей, графов и баронов, до последних крепостных крестьян, все как один, готовы были отдать жизни за свободу Родины.

Лютая ненависть к завоевателям как-то органично сочеталась с любовью и интересом к прекрасной европейской стране.

После сражения под Красным, полководец Михаил Кутузов сидел на открытом воздухе у костра и, щурясь, читал письмо из дома. Дойдя до середины, он удивленно вскинулся и жестом подозвал к себе стоявших поблизости офицеров.

Слегка простуженным голосом, начал читать вслух переписанную рукой жены новую басню Крылова, «Волк на псарне».

Прочтя строчку, «ты сер, а я, приятель, сед!», Кутузов, как бы невзначай, снял с головы фуражку. Увидев его седины, все офицеры весело рассмеялись и дружно зааплодировали.

Полковник полевой жандармерии Лекурб стоял посреди закопченной, темной избы и, широко раскинув руки, обнимал гигантское белокаменное сооружение, именуемое «русска печ». Он всем телом прижимался к нему. Поворачивался то спиной, то грудью, но никак не мог согреться. По спине его бегали мурашки. За маленьким, темным окном, затянутым рыбьим пузырем, угрожающе выла метель.

Изба освещалась только длинной щепкой, прикрепленной к стене на железном крюке и именуемой, то ли «лючия», то ли «лация». Она дымила и испускала, вместо света, гигантские, уродливые тени.

Полковник Лекурб только что прочел расшифровку секретного донесения, отобранного у пленного русского офицера. Его дешифровальщики несколько часов бились над ним, но все их усилия были тщетны. В тайнописи, очевидно, речь шла о каком-то предстоящем маневре, способном повернуть ход всей войны. Донесение пестрело условными обозначениями, «Овцы», «Волки», «Охотники». И так далее. И тому подобное. Смысл ускользал.

Полковник приказал привести пленного.

Русский офицер был молод, красив, с ярким румянцем на обеих щеках. И глаза отличались каким-то ироническим прищуром. «Мороз его не берет!» — раздраженно подумал полковник.

— Вы служите при особе князя Кутузова?

— Да, полковник.

Пленный офицер ничуть не был испуган, смущен. Или что-нибудь в этом духе. Смотрел на полковника даже с некоторым сочувствием.

— К кому ехали с секретным пакетом?

— К генералу Ермолову.

— Вам известно содержание этого документа?

— Разумеется. Знаю его наизусть. И не только я. Вся армия.

— В таком случае, может быть, и меня ознакомите с ним?

Пленный неожиданно смущенно улыбнулся,

— Видите ли, полковник. Это не секретное донесение. И вовсе не инструкция. Это... это стихи.

— Что-о?!

— Князь Кутузов послал его превосходительству...

— Какие... стихи?

— Затруднительно перевести на французский.

Полковник Лекурб оторвался от печи и начал, зябко подергивая плечами и потирая руки, расхаживать по избе.

— Послушайте, адъютант! — все еще сдерживаясь, продолжил полковник. — Давайте договоримся. Вы выкладываете мне содержание депеши. Я отпускаю вас на все четыре стороны.

Но русский офицер оказался на редкость упрямым.

— Это не депеша. Это стихи.

— Вы принимаете меня за дурака? Думаете, я поверю, что русский главнокомандующий посылает своего штабного офицера в бурю, в мороз и метель, чтоб передать корпусному генералу стишки?!

— Я сам вызвался, — пожал плечами адъютант.

— Вызвались рисковать жизнью, чтоб в подобный мороз...

— Мороз бодрит!

— ... доставить от одного генералу другому стихи?!

— Это не совсем стихи. Это басня. Ее знает вся армия.

— Вызовите дешифровальщиков! — распорядился Лекурб.

Вся оставшаяся ночь пленный русский адъютант с выражением читал французским офицерам басни Ивана Андреевича Крылова.

«Умом Россию не понять!» — думал полковник полевой жандармерии Лекурб, обнимая обеими руками русскую печь. Он никак не мог согреться.

Не все в жизни нашего Ивана Андреевича было легко и гладко. Но в трудные минуты жизни всегда находился кто-то из друзей, готовый подставить плечо, поддержать, предложить работу.

2 января 1812 года директор Императорской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин направил министру народного просвещения Разумовскому ходатайство о принятии на должность помощника библиотекаря Ивана Андреевича Крылова, «который известными талантами и отличными в российской словесности познаниями может быть весьма полезен для библиотеки».

Наконец-то Иван Андреевич обрел службу по душе. Массивные шкафы, лесенки, столы для работы. Стопки бумаги для каталогов, чернильницы полные чернил, отточенные гусиные перья. Все продумано, красиво, добротное. Тишина, покой. И книги.

Незаметно для себя самого Иван Андреевич превратился из помощника библиотекаря в эдакого «книжного домового». Поскольку часто задремывал в мягком кресле в закутке рядом с лестницей. Да так и оставался до утра в Публичной библиотеке.

По настоянию того же Оленина, Иван Андреевич все же выходил в свет. Выступал с читкой басен в салонах, поскольку делал это превосходно. Своеобразный маленький спектакль. Театр одного актера.

На одном из подобных чтений присутствовал Пушкин. Услышав в середине басни строчку...

«... Осел был самых честных правил...»...

Пушкин просто зашелся от восторга, прервал Ивана Андреевича и потребовал немедленно продать ему сию «жемчужину».

Слегка поторговались. Сошлись на большом пироге с капустой.

Алексей Николаевич Оленин не только пристроил Крылова в Публичную библиотеку, дал устойчивое жалование и любимую работу. Не только почти силком вытаскивал в высший свет и знакомил с нужными людьми. Не только рьяно пропагандировал творчество Ивана Андреевича, его стихи, комедии и басни.

Видя неустроенность личной жизни и какую-то ископаемую непрактичность, Оленин ввел его в свою семью. На правах чуть ли не ближайшего родственника.

Но, (увы!), наш милый Иван Андреевич с возрастом все более тучнел, грузнел и при всяком удобном случае

задремывал в любом удобном для того кресле. Все усилия Оленина, (даже представление самой императрице Марии Федоровне!), не приносили должного результата. Не были способны растормошить, расшевелить этого толстого, обаятельного добрейшего человека. Он все более погружался в дрему.

В доме Оленина обитала целая стая ручных попугаев. Очень наглых. Они летали по всем комнатам, цеплялись за занавески, купались в блюдцах с водой, стоящих на каждом окне. Разумеется, любимым развлечением попугаев было устроиться на голове дремлющего Крылова.

— Иван Андреевич, дорогой! — ужасалась Елизавета Марковна, жена Оленина. — У вас на голове скоро гнездо объявится! Кы-ышь!

— Вот и славно, — вздыхал Крылов. — И моя голова, хоть на что-нибудь сгодится.

Ничто не могло вывести его из равновесия,

— На десерт прикажите бисквит? — любопытствовал слуга.

— Лучше с квитом, — не открывая глаз, бормотал Крылов.

Одни считали его эгоистом и законченным лентяем. Другие, много перестрадавшим и потому замкнувшимся в себе. И те, и другие были правы. Но что в действительности было в душе его, не знал никто.

"... А Ларчик просто открывался..."

14 января 1823 года состоялось торжественное заседание Российской академии по случаю присуждения медалей нового вида, в сто первых.

Большой золотой медалью был награжден Иван Андреевич Крылов.

Позируя для портрета великому Брюллову, Иван Андреевич, сидя в кресле, постоянно задремывал. Голова его клонилась на грудь.

— Иван Андреевич! Чем вы ночами занимаетесь?
— усмехался Карл.

— Ну, вас, Карлуша...

— В вашем возрасте... — продолжал улыбаться Брюллов.

— Я всю жизнь в одном возрасте, — вздыхал Иван Андреевич.

Работа над портретом шла трудно и медленно. Брюллов всегда писал быстро, стремительно, потому частые «задремывания» Ивана Андреевича сильно тормозили работу.

— А нельзя вот эдак... — предложил как-то уже на втором сеансе Крылов. — Возьму в руки трость, на нее руки, на них голову... Вроде, задумался...

Улыбаясь, Брюллов отрицательно качал головой. Дескать, это будет уже не парадный портрет, а какая-то пародия.

Портрет получился превосходным. Впрочем, как и все у Брюллова. По единодушному мнению всех значков, кроме безусловного сходства, художнику удалось ухватить то неуловимое, что трудно сформулировать словами и еще трудней отобразить на полотне.

Состояние души. Ведь она, как известно, невидима.

Утро 14 декабря 1825 года выдалось холодным и слегка туманным. Мелкие снежинки, словно нехотя, медленно кружились к падали на землю

Иван Андреевич вышел из дома и привычным маршрутом направился на прогулку. Вокруг бурлила довольно агрессивная толпа.

Вездесущие мальчишки, как воробьи, облепили все близлежащие деревья и фонарные столбы.

Понимал ли, осознавал ли Иван Андреевич, ЧТО происходит на его глазах в самом центре российской столицы?

Мужики куда-то волокли и нещадно били полицейского пристава.

На Сенатской площади уже стоял строй. Солдатские кивера, офицерские треуголки. По всему периметру мелькали мужицкие шашки, бабьи платки, широкополые поповские шляпы.

Уже генерал-губернатор Петербурга, герой войны с Наполеоном, граф Милорадович, вздыбливал своего могучего коня и громовым голосом призывал бунтовщиков одуматься...

Откуда-то уже неслись резкие хлопки ружейных выстрелов...

Иван Андреевич с непокрытой головой, в толпе кто-то успел стянуть с него шляпу!, смотрел вокруг удивленными и широко распахнутыми глазами, и медленно пробирался ближе к центру.

В группе офицеров его явно узнали. Раздались крики:

— Иван Андреевич! Уходите отсюда! Немедленно уходите!

К Крылову подскочили два бравых офицера и, подхватив его под руки, стремительно поволокли с Сенатской площади...

... Летела по некошеному лугу тройка босых мальчишек...

Через неделю Иван Андреевич играл в шашки с супругой Государя. Поскольку всегда проигрывал, он подолгу обдумывал каждый ход.

Совершенно неожиданно в покоях императрицы появился Николай I. Он удивленно вскинул брови и прямо в упор спросил:

— Иван Андреевич! Дорогой! За каким лешим вас-то понесло на Сенатскую площадь? Ведь вы, вроде...

Государь Император напряженно всматривался в абсолютно детские глаза баснописца и драматурга. И не видел в них и тени смущения. Иван Андреевич, даже не поднявшись со стула, (поскольку этот процесс занял бы довольно значительное время, Государь ему единственному разрешил не вставать при его появлении!), в недоумении пожал плечами и высказал свою версию происшедшего:

— Государь! Я думал, пожар...

Николай I несколько секунд смотрел ему в глаза. Затем понимающе кивнул и стремительно покинул покои императрицы.

Он не сомневался в искренности Ивана Андреевича.

Во второй половине жизни, (особенно во второй половине этой половины. Стало быть, в последней четверти!), Иван Андреевич уже ни в чем не нуждался. Довольно приличная квартира с множеством комнат. Множество книг, множество уютных мест, где всегда можно почитать, поразмышлять, вспомнить прошлое.

Квартира большая, но запущенная и абсолютно неухоженная, несмотря на все старания экономки, кухарки и помощницы Фенюши.

— Была бы капуста, да квас. А там хоть печь не топи, — улыбался Иван Андреевич. Он всегда обедал и ужинал вне дома.

Наивная Фенюша рассчитывала, что когда родится ребенок, Иван Андреевич вкорне изменит отношение к дому. Но она ошиблась.

Родилась девочка. Назвали ее Наденькой. Иван Андреевич стал ей крестным отцом. Был с ней ласков, приветлив, но перед его глазами, по-прежнему, будто белые облака проплывали.

И совершенно иная картина складывалась, когда они с Наденькой оставались в квартире одни.

Наденьку Иван Андреевич любил. Такой сильной и самоотверженной любовью, на которую способен только мужчина много поживший. И много повидавший. Во-первых, в три года он обыграл Наденьку в шашки!

Во-вторых... Впрочем, вполне достаточно и «во-первых».

В шашки Иван Андреевич играл отвратительно. Продумать движение той или иной шашки вперед на две-три клетки, было выше его умственных способностей. Но, как каждый упрямый медвежонок, он мечтал — когда-нибудь, где-нибудь, кого-нибудь обыграть!

И вот оно! Свершилось!!!

Разве возможно не полюбить подобное прелестное существо?

Хозяйственная Наденька любила порядок. Чтоб все было на своих местах и никуда не девалось. Потому своих кукол, (многочисленных Марф, Глаш и других), усаживала рядом на диване в строгой очередности. А дремлющего дедушку Ивана Андреевича привязывала за ногу веревкой к ножке кресла. Иван Андреевич не роптал.

Правда, иногда, когда Наденька особенно умаявшись с куклами, (ту причеши, эту переодень! Никаких рук не хватит!), незаметно для себя самой засыпала на диване, Иван Андреевич, едва слышно сопя, отвязывал ногу от кресла, вставал и...

в ту же секунду оказывался на зеленом, некошеном лугу...

... Бежал по лугу, широко раскинув руки, толстый мальчик... Земля гудела под его босыми пятками... Ветер свистел в ушах... Прыгали в испуге в стороны

кузнечики... Бабочки, судорожно махая крыльями, шарахались вверх и вниз, чтоб не быть затянутыми в вихрь воздуха, производимого стремительно бегущим мальчиком...

... он все бежал, бежал...

Улыбающееся лицо толстого мальчика светилось счастьем.

На одном из представлений своего «Ревизора» Николай Гоголь, в антракте, отодвинул занавеску первой двери партера и выглянул в зал. И чуть было не вскрикнул от неожиданности!

Публика партера являла собой странное зрелище.

Ослы, бараны, коровы, журавли и цапли... слоны и жирафы... во фраках и мундирах, в шикарных туалетах... важно восседали в креслах, вели светские беседы, дружески обменивались улыбками или холодными, надменными взглядами окидывали друг друга.

Сдержанное кудахтанье, мычание, кваkanie, хрюканье...

Только один человек из всего партера имел более-менее приличный и соответствующий моменту вид. В центре пятнадцатого ряда, едва уместаясь в кресле, заполонив его всей своей необъятной полнотой, сидел Иван Андреевич Крылов.

Заметив смятение на лице Гоголя, он, едва заметно пожал плечами, словно говоря, «я здесь абсолютно ни причем!», и подмигнул юному Николаю Васильевичу, подбадривая его, поскольку тот всегда очень волновался на представлениях своей комедии.

Спектакль продолжился...

ЛЕТАЮЩИЙ ГОГОЛЬ

Раннее детство маленького Николеньки складывалось крайне неудачно. Вокруг поместья Гоголей столько всякого разного интересного происходит, дух захватывает. В пруду русалки обитают. Глаза у них желтые, волосы зеленые. Скольких молодых парубков они заманили к себе в воду, защекотали! И не счесть. Все жители Васильевки видели русалок. По многу раз. А маленькому Николеньке никак не удавалось. Ни русалок, ни водяных.

Только из рассказов бабушки Татьяны и узнавал Николенька обо всех чудесах, постоянно происходящих в их поместье, тут тебе и Вий с железными веками, и ведьма в ступе по небу летает, как парусом метлой правит. А уж лешии по кустам так и шастают.

Родовое поместье отставного коллежского асессора Василия Афанасьевича Гоголя отличалось ухоженностью и фантазией. Дом с белыми колоннами и башенками по углам утопал в зелени. Деревья подстрижены, тут и там затейливые гроты, возведенные мостки.

Сам Василий Афанасьевич на всю округу славился строгостью незаурядной. Мужикам, например, запрещал громко стучать в лесу. Чтоб соловьев не пугали. Бабам, по той же причине, не дозволил стирать белье в пруду.

Как-то отец задался мыслью, вырастить гигантский арбуз! Чтоб такого еще свет не видывал. И вырастил.

Ах, какой это был арбуз! Царь-арбуз! Чудо-ягода!

С превеликими трудами донес он своего гиганта до дома и водрузил на середину стола. Вырезал, как положено треугольник. Заглянул внутрь, красным-красно. Вставил треугольник на место и пошел созывать соседей.

Любопытный Николенька не выдержал. Забрался с ногами на стул и осторожно вынул из арбуза треугольник. Далее произошло непредвиденное... Из самой середины арбуза вылетела, неведь каким образом залетевшая туда оса! И цапнула Николеньку прямо в нос! Больно-пребольно.

Николенька заплакал. От обиды и несправедливости. Грозно гудя, оса улетела в окошко. А шишка на самом кончике носа довольно долго болела. Никакие примочки не помогали. С того самого дня у маленького Николеньки появилась вредная привычка, теревить себя за кончик носа. Возможно, потому он и вытянул его более нормального. Во всяком случае, в роду Гоголей таких длинноносых более не наблюдалось.

Через много лет Николай Васильевич даже повесть напишет. Она так и будет называться, «Нос». Кратко и выразительно. Страшно подумать, как обернулась бы судьба писателя, если б та самая злобная оса цапнула его не в нос, а скажем в ухо. Мы бы стали свидетелями... Впрочем, не будем отвлекаться.

Василий Афанасьевич, как уже сказано, отличался необузданной фантазией и какой-то рассеянной щедростью. Рассеивал свою доброту и щедрость на всех соседей и односельчан без разбора.

Одно устройство Васильевской ярмарки чего стоит. Сколько сил, энергии и душевной расточительности положил отец Николеньки на организацию этой ярмарки. С его легкой руки и пошла традиция — устраивать их посреди села. Конечно, Васильевка не Сорочинцы, и уж тем более, не Полтава. Масштаб не тот. Но радости и веселья хватало на всех. С избытком.

Тут и цыганы, торгующие лошадёй с обязательным медведем на цепи. И нищие в дырявых рубищах. И красавицы девчата с пестрыми лентами в волосах. Крики, смех, гомон. Мычание, бляение, хрюканье, кудахтанье... Горы дынь и арбузов. Горы горшков и самых разных шкатулок из бересты и вереска.

В беснующемся ярмарочном водовороте Николенька пропадал с рассвета и до самых сумерек. Беспокойная мамёнка каждый день посылала няньку на поиски малыша.

Обычно Николеньку видели сразу в нескольких местах: у возов с пшеницей, на церковной паперти, у реки, где заключались главные торговые сделки. Практичная нянька попусту не бегала туда-сюда. Вставала посреди площади и прислушивалась. Услышав перезвоны лиры и низкие вздохи бандуры, уверенно шла на звуки музыки.

До головокружения слушал маленький Николенька пение бродячих музыкантов. Вставали перед его глазами картины старины глубокой, когда на земле

рождались сплошь богатыри и сражались с несметными полчищами врагов, не жалея собственной жизни. Мечтал он, само собой, стать «доблестным рыцарем». И так же биться за свободу. Или планировал выкрасть прекрасную царевну из темного замка. И ускакать с нею на лихом коне куда подальше. Как выкрал в свое время, его дедушка Афанасий молодую бабусю Татьяну и тайно с ней обвенчался, против воли родителей.

Ах, сколько фантастических сюжетов роилось тогда в юной голове, если б записать! Но записывать маленький Николенька еще не умел. Желание, даже жажда, записывать собственные мысли, чувства и фантазии родится позже.

Жажда вырастет из подражания отцу Василию Афанасьевичу. Тот умудрялся и на написание комедий для своего домашнего театра время находить. Титанический был человек.

Как-то, после очередного домашнего представления папенькиной пьесы, Николенька оглядел соседей и домочадцев, еще утиравших слезы от смеха, и неожиданно мрачно заявил:

— Вырасту, сочиню самую смешную комедию на свете!

И почему-то присутствующие перестали смеяться и, внимательно посмотрев на мальчика, задумались.

Сколько ни уговаривал Николенька друзей вместе сбегать ночью к пруду, посмотреть русалок, никто не соглашался,

— Умру, не пойду! — шептал, заикаясь и тараща глаза, даже лучший друг Саша Данилевский,

В тот день все складывалось наилучшим образом. Папенька с утра уехал по делам в Полтаву, Маменька лежала с зубной болью и не выходила из спальни. Нянька отпущена в деревню к сестре. А дядька Семен валялся пьяный в своей сторожке за баней. Псы, Жучка и Верный, не в счет. Лучшие друзья, не выдадут.

Весь день Николенька бесцельно шатался по дому и саду, с волнением поглядывая в сторону пруда.

Как только на небе зажглись огромные, с гусиное яйцо, звезды, Николенька выбрался через окошко своей спальни в сад.

Темень стояла беспросветная. Но глаза постепенно привыкли и стали различать очертания дома и окрестностей.

Во всей усадьбе стояла такая гулкая тишина, что даже в ушах звенело. Не успел Николенька сделать и шага по тропинке, как тишину нарушило тревожное ржание лошадей в конюшне. И сразу весь сад, весь мир, заполнили страшные звуки. Вокруг что-то потрескивало, шуршало, лопалось...

Волной по саду прошел порыв ветра, совсем рядом страшно захохотал филин. В ответ ему гулко ухнула сова. А со стороны пруда над тихой водой возник едва слышимый веселый девичий смех...

В оцепенении стоял маленький Николенька, судорожно решая, какую молитву читать, «Верую» или «Отче наш», чтоб отогнать от себя полуночную нечисть. Но неожиданно из-за облаков вышла яркая луна, и стало совсем светло.

Длинные-длинные тени от деревьев пересекали узкую дорожку к пруду. И совершенно оглушительно верещали цикады.

Переборов страх, Николенька осторожно двинулся вперед.

Ветки, как чьи-то цепкие, холодные руки цепляли за одежду. Тропинка то пропадала, а на ее месте возникал неведь откуда взявшийся трухлявый пенек, то возникала вновь. Николенька шел.

Далее случилось невозможное, невероятное...

Грянул гром, и ослепительно вспыхнула молния. Луна опять спряталась за тучу. И стало совсем темно. Тропинка вовсе исчезла.

Николенька широко раскрыл рот и набрал в легкие, /ну, очень!/, много воздуха, чтоб закричать от страха во все горло, но вместо крика он неожиданно... слегка приподнялся над землей! И полетел!!!

Какая-то неведомая сила осторожно оторвала его от земли. И медленно закружила над садом, над прудом.

Плескались в пруду длинноволосые красавицы русалки. И тихим смехом манили Николеньку к себе:

— Мальчик! Мальчик!

— Иди к нам! С нами весело!

Но он вдохнул еще глубже. И поднялся выше. Еще выше. Над прудом, над деревьями и кустами. Над всей сонной Васильевкой!

И страшно. И радостно. И тревожно на душе.

— Маменька! Я летал!

— Летаешь, значит, растешь, — ворчала нянька, меняя холодные компрессы на его разгоряченном лбу.

— Я по-настоящему летал, маменька!

Целых два дня лежал в постели Николенька с жаром и бредом. Потный, слабенький, но беспрерывно улыбающийся.

И только настоящая на муравьях наливка бабушки Татьяны подняла его на ноги.

У многих великих писателей существует дурацкая манера. Чуть-что, швырять рукопись в огонь, в камин, в печку, в костер. Хлебом их не корми, дай спалить собственную рукопись. А предки потом переживай, что он там предал огню? Может, самое гениальное произведение. Всех времен и народов.

От кого пошла сия вредоносная мода, критики до сих пор не пришли к единому мнению. Ходят слухи, еще великий Сократ спалил все свои рукописи. Погреться ему, видите ли, захотелось среди холодной ночи. Потому и дошли до нас его изречения только в устном пересказе.

Николай Васильевич Гоголь, судя по всему, тоже в далеком детстве подцепил эту «подлую бациллу».

Маленьким Николенькой овладела одна, но пламенная страсть. Пламенная в буквальном смысле этого слова. Уж очень полюбил он всякие «ненужные» бумажки поджигать.

Едва выучившись писать, Николенька тут же ударился в поэзию. Множество стихов, и даже две поэмы, нашли свой последний приют в костре на окраине сада у сторожки Семена. Жаль! По слухам сам

Капнист, чье имение находилось по соседству, прочитав стихи Николеньки, изрек; «Из него будет большой талант!».

«... гимназист он кто; все больше несерьезность в голове!»

Нежинскую гимназию высших наук князя Безбородки ученики с гордостью именовали «Лицеум», себя лицеистами. И хоть существовали в ней «чужеземные дни» когда полагалось обращаться к наставникам либо на французском, либо на немецком, на обед те же пироги с зайчатинной, что и в других гимназиях.

В первый день Николенька подвергся испытанию. Ученики обступили его со всех сторон, начали словами и подлыми тычками в спину выводить из себя. Обычно тот, кто принимал насмешки как должное, на время обучения терял всяческое уважение.

Несколько секунд Николенька, прищурившись, оглядывался, прицеливался. И вдруг неожиданно...

... лицо его посерело, и сильно вытянулось. Глаза страшно скосились к носу, брови разлетелись в разные стороны. Задрожав всем телом, он начал мелко щелкать зубами и выть волком.

Толпа учеников отпрянула. Кто-то тихо вскрикнул.

А Николенька мгновенно сбросил с себя маску «сумасшедшего волка» и весело расхохотался.

Толпа учеников облегченно выдохнула. Все обступили Николеньку. Только один стоял в стороне, хмурился. Нестор Кукольник. Будучи сыном директора

гимназии, он всегда держался особняком. Положение обязывало. Другие хлопали Николеньку по плечам.

— Ну, брат! И напугал ты нас!

— Где так выучился притворяться?

Николенька скромно умолчал, что скопировал одного нищего с Сорочинской ярмарки. Того панически боялись, никто не задирал. Если кто и пытался, нищий тут же демонстрировал «сумасшедшего

волка». Вся ярмарка считала его бесноватым, и только наблюдательный Николенька не верил. В самый разгар «буйства», нищий незаметно подмигнул ему, поскольку мальчик единственным на ярмарке раскусил секрет его самообороны.

Разумеется, Николенька продемонстрировал лишь малую толику из своего арсенала. Но это сразу почувствовали все.

Впоследствии, Николенька с незаурядным актерским мастерством сыграл в ученическом спектакле возрастную роль. И не только возрастную. Но и женскую. Николенька с блеском исполнил г-жу Простакову из комедии Фонвизина «Недоросль».

— Тебе надобно на сцену. Непременно на сцену, — категорически настаивал ближайший друг Саша Данилевский, с которым в гимназии они особенно сблизились.

Даже извечный соперник, Нестор Кукольник, учившийся классом ниже, не скрывал своего восторга.

— Из тебя выйдет Михаил Щепкин.

Пролетят годы. Нестор Кукольник станет известным писателем. Не менее известным станет и Николай Гоголь, а пока...

- На сцену тебе надобно.
- Из тебя выйдет Щепкин.

Гимнастика, холодный душ по утрам и вообще, весь суровый распорядок гимназического воспитания Николеньке очень на пользу. За год-два он заметно вырос и окреп. Нос стал еще длиннее, /зловредная оса! Чтoб тебя!/. А самое главное, его насмешливый нрав обрел новые, просто угрожающие краски.

Соученики, «однокорытники», как они с гордостью именовали друг друга, старались особенно не приближаться к нему.

Беспощадного, язвительного языка опасались даже наставники. Прозвища он раздавал направо и налево. С неумной щедростью. И они закреплялись за человеком надолго. Если не навсегда.

Конечно, Николенька фантастически много читал.

Карманы его тужурки постоянно набиты листками из великих поэтов. Ломоносов, Державин, Пушкин...

Зная хозяйственность и бережливость в отношении к книгам, «однокорытники» избрали его Главным Хранителем сообща выписываемой литературы. И Николенька тут же завел в читальне какие-то просто деспотические порядки. Стоило любому из «однокорытников» возникнуть на пороге, как он, сдвинув брови, грозно рычал:

— Руки-и-и!!!

«Однокорытники» послушно вытягивали вперед руки и растопыривали пальцы. Внимательно осмотрев каждый палец в отдельности, каждого, отдельно

взятого «однокорытника», Николенька довольно хмуро кивал. Те, с некоторым испугом шли к столу и послушно надевали на каждый палец специальные бумажные колпачки. Во, как!

И горе было тому, у кого хоть что-то обнаруживалось под ногтями. Даже заусенцев тиран-Николенька не терпел.

Короче, в читальне! Не шуметь! Углы страниц не загибать! Слов никаких не подчеркивать! Колпачки на пальцах не слюнявить!

Нарушители беспощадно изгонялись. Навеки!

Самого же Николеньку «однокорытники» не раз заставляли прямо за столом, уснувшим и забаррикадированным стопками книг. А уж под подушку на его кровати можно было и не заглядывать. Там всегда лежала книга.

Разумеется, юный Николенька и сам много сочинял. Из его творений того периода вполне можно было составить приличное собрание сочинений. Если б не «подлая бацилла».

С упорством, достойным лучшего применения, юный Гоголь отправлял свои произведения в огонь. Достаточно любому из друзей высказать самое ничтожное замечание, рукопись летит в печку.

В огонь! В огонь!! В огонь!!!

Громopodobная трагедия «Разбойники», эпохальная поэма «Россия под игом татар», повесть «Братья Твердиславичи». Всего и не перечислить. Ни один из шедевров не сохранился.

Особенно стоит пожалеть о большом сатирическом сочинении. «Нечто о Нежине, или дуракам закон не писан». А ведь как бы порадовались любители словесности.

Так, нет! Беспощадный огонь сожрал и это, явно незаурядное произведение. А еще говорят, «рукописи не горят». Еще как горят! Полыхают ярким пламенем. Зла не хватает на этих писателей.

Словом, сочинительство теперь основное занятие. Изредка Николенька отвлекался, конечно. Не без этого. Учился, /зачем-то?!/, играть на скрипке, оформлял как декоратор ученические спектакли, сам играл разнообразные роли... Но главное... конечно, чтение. И сочинительство.

Повзрослел Николенька внезапно, буквально в один день. Из Васильевки пришла скорбная весть. Скончался отец, Гоголь Василий Афанасьевич. И мгновенно весь мир померк. Стал каким-то тусклым и уныло-безразличным. Будто ушла из него, вместе с отцом, огромная радость, веселье и смех.

С того дня «однокорытники», не сговариваясь, стали называть его по-взрослому — Николай. Без прозвищ.

Николай чудовищно тяжело переживал потерю отца. «Хотел даже посягнуть на жизнь свою», — написал он матери. Но, слава Богу, не отнес письма на почту. По уже сложившейся традиции, отправил письмо в огонь.

Он теперь единственный мужчина в семье. Все сестры младше. И юный Гоголь обрушивает на голову

бедной матери, едва пришедшей в себя от горя,/ежедневно!/ поток угрожающих писем. Каждое до отказа напичкано практическими советами. Как следует перестроить дом в Васильевке. Как и что, в какие сроки стоит сеять. Как завести черепичный завод. Где отыскать нужную для того глину. Продыхнуть не дает бедной матери.

С тем же знанием дела, Николай дает наставления матери по поводу воспитания сестер. По пунктам. Добропорядочная девушка должна... Далее следует множество установок и правил, перечислять которые нет смысла. Они известны всем. Думается, и матери.

Между тем, атмосфера в гимназии меняется. В ней назревают перемены «в духе времени». Новые предметы, дисциплины. Насаждается «физико-математическое направление». Надо ли говорить, насколько чужды эти новшества юному Николаю.

Тайные мечты Гоголя-гимназиста связаны с высокой (!) службой государственной. И тайный выбор его падает, что естественно, на Юстицию. С большой буквы. «Только здесь буду полезен для человечества!» — признается он Саше Данилевскому,

Юный Гоголь составляет План Жизни. Подробный, по пунктам. Расписанный по дням и месяцам. План Покорения Петербурга.

— Блистательный план! — шепчет Саша Данилевский, — Никого не посвящай, сглазишь!

В тот вечер оба поклялись друг другу в вечной дружбе.

«О, не верьте этому Невскому проспекту!»

Москва, она — женщина.хлопотливая, суетливая, взбалмошная, но щедрая и добросердечная. Петербург, он явный мужчина. Высокий, стройный, и с большими странностями.

Одна погода чего стоит. В Петербурге всегда следует носить под мышкой зонтик. В кармане коробку спичек. На всякий случай.

Первые дни в Петербурге Гоголь не просто ходил по улицам и проспектам. Летал. В восторженной душе постоянно пульсировало то самое чувство, которое он испытал в детстве, летая над сонной Васильевкой, над прудом с русалками...

И весело. И радостно. И тревожно на душе.

Набережные, каналы, Летний сад, Сенатская площадь...

Столичные жители обычно и внимания не обращают на порхающих над городом провинциалов. Мало ли молодых людей посещают Петербург в надежде покорить великий город. Пускай полетают. Придет время, спустятся на землю, займутся делом. Всею своим сроком.

Уже и фрак куплен. Самый щегольский, с перламутровыми пуговицами. И перчатки лимонного цвета. И цилиндр.

И квартира снята, не где-нибудь, на знаменитой Гороховой,

Незаметно бегут дни. Еще незаметнее тают ассигнации, взятые из дома на первое время. Кондитерские лавки, рестораны, трактиры! С другом Сашей Данилевским, тоже приехавшим покорять Петербург, всему отдана честь. Покупка журналов и альманахов, покупка книг Александра Пушкина, Разве возможно пройти мимо подобного.

Однако, пора спускаться на землю. Оглянуться не успеешь, уж зима катит в глаза.

Первым делом юный Николай Васильевич пристроил за свой счет поэму «Ганс Кюхельgarten» в типографию Плюшара, будучи твердо убежденным, данное творение принесет ему Славу и Успех! Как же иначе! Одних восклицательных знаков в каждой строке не менее трех. Наглядное свидетельство поэтического дара.

Второе, не менее важное дело, устройство на службу,

В департаменте Юстиции вокруг сплошь курьеры. «Тридцать пять тысяч одних курьеров!». Никак не менее.

Руководит департаментом Князь. Его так и величают окружающие. Николай Васильевич, /в столице все именуется по имени-отчеству, независимо от возраста/, не мудрствуя лукаво, записался на прием к самому Князю.

Объявил секретарю:

— Гоголь-Яновский, Николай Васильевич!

Юный Николай Васильевич абсолютно убежден, Князь встретит его с дружескими объятиями.

«Пожалуйста, Николай Васильевич, в наш департамент Юстиции, благородные люди нам всегда нужны».

Ах, какой простор для созидания! Сколько можно будет сделать добра! С честью послужить Человеку и Отечеству! Оберегать сирот, казнить неправых, спасать невинных!

Ждать пришлось несколько часов. Почти до темного вечера. Князь оказался лысым старичком с неприятными, красными, как у кролика глазами. И высокое вольтеровское кресло его не спасало,

— Чем могу, молодой человек? — прошамкал старичок, когда Николай Васильевич подал прошение.

— Ваше сиятельство, тешу себя мыслию послужить...

Князь вскинулся, оглядки Николая Васильевича с ног до головы.

—Тешите мыслию? А почерк вши плох. С эдаким почерком, молодой человек, ни в одном департаменте служить невозможно. Вместо букв какие-то «загогулины». Прошу прощения, мне недосуг.

«Загогулины»?! Другого подобный прием обидел бы и оскорбил. Не таков Николай Васильевич. С отцовским упрямством он пытается пробить головой стены. Одного департамента, другого, третьего...

И пробивает! Его принимают в департамент Уделов. Писцом.

«Плох тот писец, который не мечтает стать министром!» — успокаивает себя юный Гоголь. Только для покорения Северной Пальмиры этого явно недостаточно. И наш Николай Васильевич, летящей походкой направляется, (не куда-нибудь!), в контору Императорских театров. С намерением получить еще и место актера в прославленной труппе.

Днем служба в департаменте, вечером игра на сцене, ночами плодотворное сочинительство. Все идет по Плану. Тщательно продуманному еще в гимназии. Разработанному во всех деталях.

Кабинет князя Сергея Сергеевича Гагарина, директора императорских театров, являл собой почти музей. В глаза бросалась роскошь. Картины, статуэтки. Правда, все какое-то пыльное, запущенное.

— Какую просьбу имеете изложить?

Голос у князя Гагарина барственный, с легкой картавинкой, но глаза насмешливые. Что обнадеживает.

— Я желал бы поступить на сцену.

— Ваша фамилия, Гоголь-Яновский? Так, кажется? Почему двойная? Какого вы звания?

Николай Васильевич подошел чуть ближе и доверительно объяснил. Собственно, он из дворян. И фамилия его Гоголь. А Яновский, это... это просто так. Неизвестно зачем.

Князь Гагарин обрадовано улыбнулся. Манера выразиться, да и сам облик юноши его явно забавляли.

— То-есть, как это... «неизвестно зачем»?! — понизив голос, спросил он. Оглянулся по сторонам и даже подмигнул Гоголю,

Николай Васильевич мгновенно включился в еще непонятную игру.

— Яновского, ваше сиятельство... — тоже понизив голос, зашептал юноша, — поляки выдумали. В Варшаве. А я русский дворянин. И даже поместье имею. В Полтавской губернии.

Для большей убедительности Гоголь тоже подмигнул Гагарину.

— Дворянин и вдруг... на сцену?! — в притворном ужасе вскричал князь Гагарин.

— У меня талант! — скромно ответил Гоголь.

— На какое амплуа рассчитываете?

— На трагическое.

Князь Гагарин долго молчал. Пытался даже хмуриться,

— Комическое вас никак не устроит? — наконец спросил он.

— Никак невозможно-о! Именно, трагедия! — воскликнул юноша. И тут же добавил. — На худой конец, драма!

Князь Сергей Сергеевич Гагарин понимающе кивнул.

Просмотр состоялся через два дня. Юный Гоголь предстал пред ясны очи трех вершителей судеб русского театрального искусства. Великой актрисы Екатерины Семеновны Семеновой, не менее великого

Петра Андреевича Каратыгина, и инспектора сцены Александра Ивановича Храповицкого,

Все трое сидели в абсолютно пустом зале. А на сцене стоял худой юноша. С длинным носом и странной фамилией — Гоголь.

Едва начав монолог Ореста из «Андромахи», только еще войдя в нужное состояние с надлежащими завываниями и вскриками, юный Николай Васильевич услышал из зала нечто странное.

Звенел колокольчиком нежный смех Семеновой, гулко ухал басом хохот Каратыгина, квакающим баритоном поддерживал их Храповицкий.

Продолжая монолог, все набирая обороты, Николай Васильевич никак не мог взять в толк, что собственно смешного в его чтении?

Наконец Каратыгин не выдержал, хлопнул в ладоши.

Юный Гоголь остановился, начал всматриваться в зал.

Великая Семенова утирала платочком слезы, Храповицкий цепко держал обеими руками живот, будто боялся, что тот отвалится. Сам Каратыгин махал на Гоголя обеими руками:

— Довольно-с... Довольно-с!!!

— Вы... нас уморили-и... — чуть не плача, заявила Семенова.

Юный Николай Васильевич все понял. Он повернулся и, гордо вскинув голову, стремительно ушел со сцены.

«Хвалу и клевету приемлю равнодушно!» — мыслил он, быстро шагая по людным улицам. Прохожие расступались перед ним.

В Петербурге много жителей, но мало читателей. Истинных ценителей поэзии вообще кот наплакал. Ничем другим юный Гоголь не объяснял тот факт, что в книжных лавках за месяц (!) не был продан ни один экземпляр поэмы «Ганс Кюхельgarten».

Юный Николай Васильевич человек действий. Тут же нанял извозчика, объехал книжные лавки и забрал все до единого экземпляры «Ганса». И весь вечер топил ими печь в нанятой квартире. Натопил до такой степени, пришлось даже окна раскрывать на ночь.

«Знали бы вы!» — шептал юный Гоголь, глядя на равнодушный, ночной город. «Сколько на свете необычайного, интересного! Знали бы, что у алжирского бея под самым носом шишка! И он чихает на дню не менее ста раз кряду! Не спали бы бездумными снами!».

«Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают».

Всем известно, Александру Сергеевичу Пушкину кот ученый разные сказки говорил. У Николая Васильевича Гоголя тоже объявился кот. Не меньшей учености. И само собой, говорящий. Так уж у нас на Руси повелось, коты почти сплошь существа говорящие. Правда, не до каждого двуногого они снисходят.

Собственно, нельзя сказать «объявился». Объявился как раз Николай Васильевич. Он снял дешевую мансарду на Большой Мещанской, Кот соответственно там уже проживал.

Первое время Николай Васильевич и внимания на хвостатого не обращал. Мало ли котов в Петербурге. Достаточно ночью прислушаться, чтоб убедиться в их неимоверном количестве.

Сидел как-то вечером за очередным сочинением Николай Васильевич, сосредоточенно работал. Пока не услышал у себя за спиной мягкий, приятный голос:

— Непр-равильно...

— Почему это? — машинально спросил Гоголь, совершенно не придавая значения, кому именно принадлежит сей приятный голос.

— Деепр-ричастный обор-рот. Его запятыми выделять надобно...

Николай Васильевич нехотя повернулся и заметил в самом углу комнаты на книжном шкафу кота. Кот, выгнувшись в дугу, царапал когтями обои и хитро поглядывая на писателя одним глазом, упорно настаивал, «... запятыми... запятыми...».

— Послушайте, любезный! Нельзя ли того... оставить обои в покое. Хозяйка будет совершенно недовольной...

— Между нами, котами, говоря... — продолжал хвостатый.

— Что значит, «между нами, котами»? — возмутился Гоголь.

— Не провожу меж нами грани, — самоуверенно проурчал Кот.

— И на том спасибо, — кивнул Гоголь.

— Сочинительство не только ваша привилегия.

Хвостатый сосед перешел к процессу умывания. Приглаживал уши и усы. Как известно, коты чрезвычайно чистоплотны.

— Стало быть, тоже прозой балуетесь, батенька? — обрадованно любопытствовал Николай Васильевич.

— И в р-рифму можем... — невозмутимо отвечал Кот. — Ну, там... акростих, сонет. И пр-рочее.

— Как вас звать-величать? — вежливо осведомился Гоголь.

— Селиф-фан! — с достоинством ответил Кот. — И советую на будущее. Коты не терпят амикашонства и панибр-ратства. Уважение личности для нас пр-евыше сытости.

Слово за слово. Короче, новоиспеченные знакомые разговорились. И нашли друг в друге немало прелюбопытного.

Кот Селифан, разумеется, не был негром преклонных годов, и потому русским языком владел отменно. Где, у кого выучился? Сие загадка. Прекрасно ориентировался в гиперболах, фразеологизмах и прочих ухищрениях писательской братии. А уж наблюдательности и проницательности было не занимать,

В дальнейшем ума холодные наблюдения Селифана и его сердца горестные заметы не раз давали поразительные толчки перу Николая Васильевича. Друзья-литераторы только руками разводили в изумлении. Таких необычных взглядов на жизнь ни у кого не было.

И как-то постепенно у Николая Васильевича сложилась устойчивая привычка. При каждом, даже незначительном событии, мысленно себя спрашивать: «Что-то об этом Селифан скажет?».

Как только Николай Васильевич усаживался за стол и брал в руки перо, стены его мансарды бесшумно раздвигались, и тесная комнатенка наполнялась шумом и гамом Сорочинской Ярмарки. Толпы самых разных, подчас вовсе незнакомых людей, с животными и птицами, бесцеремонно вваливались на его пятый этаж, ходили туда-сюда, топали ногами и кричали во все горло:

— Кому-у гуся-а! Самый жирный гусь в Малороссии!

— Арбузы-ы! Нежные арбузы-ы!

— А ну, давай на кулаки! — говорил какой-то отец, своему явно провинившемуся сыну. — Посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

Успевай, записывай!

Кот Селифан очень неодобрительно реагировал. Даже агрессивно. Пулей взлетал на книжный шкаф и угрожающе шипел на незваных гостей. Но видя, что Николай Васильевич и не думает разгонять подобное нашествие, постепенно успокаивался. Устраивался поудобнее, наблюдал, делал выводы. И как-то незаметно задремывал.

А Николай Васильевич работал. Черкал, комкал страницы, отшвыривал их в сторону. И начинал все заново.

Обычно уже под утро Сорочинская ярмарка постепенно затихала. Люди разбредались кто-куда, животные и птицы погружались в сладостный утренний сон... А Николай Васильевич подходил к окну, настезь распахивал его, вдыхал полной грудью холодный петербургский воздух.

Надо было собираться на службу в департамент.

За несколько недель подобного распорядка Николай Васильевич сильно вымотался. Под глазами появились синие круги. Но на столе возвышалась целая стопка страниц. На первой из них каллиграфическим почерком было выведено.

«Вечера на хуторе близ Диканьки».

Кто-нибудь видел хохочущего кота? Увидеть смеющегося, ухмыляющегося, не фокус. Сколько угодно. А вот хохочущего...

Будучи первым слушателем сочинений Николая Васильевича, кот Селифан распоясывался до невозможности. Заваливался прямо на столе на спину, дрыгал лапами в воздухе и мотал в разные стороны мордой. А из пасти его вырывались уж вовсе неприличные рыдания...

Между прочим, впоследствии новые друзья Николая Васильевича, поэт Жуковский и сам Александр Сергеевич Пушкин, слушая чтение «Вечеров» вели себя аналогично. Поэт Чуковский так же мотал головой и, хохоча, изрыгал изо рта такие звуки, что и Селифан. А сам Пушкин заваливался от смеха на диван и точно так же дрыгал ногами в воздухе. Но это... потом.

Смех, как известно, занятие крайне заразительное. Вроде чиха. Изредка отрываясь от чтения, бросая быстрые взгляды на хохочущего Селифана, Николай Васильевич и сам похохатывал. Но так, скромно, в рамочках. Сдерживая себя. Автору как-то неприлично смеяться над собственным сочинением. Есть в этом что-то... Скромнее надо быть.

Отсмеявшись, Селифан обычно тяжело вздыхал и напрямик высказывал, если что не так. Давал довольно дельные советы, тут подсократить, тут убавить, тут уточнить. Чаще всего Гоголь соглашался, поскольку литературный вкус у Селифана был отменного качества,

Ах! Если б у каждого писателя имелся свой Кот с литературными понятиями. Не погруженный в заботы суетного света.

Как-то незаметно рукопись «Вечеров на хуторе близ Диканьки» разошлась по рукам. Все читавшие одобряли. Только фамилия автора слегка настораживала. Гоголь? Кто таков? Почему не знаем? Но устойчивое положительное, даже восторженное мнение сложилось.

В один из дней в каморку на пятый этаж вбежал лучший друг Саша Данилевский, в юнкерском мундире и прямо с порога бросил:

— Должен сообщить тебе пренеприятное известие! С тобой хочет познакомиться Дельви́г!

И весело рассмеялся. Саша Данилевский потому и был лучшим другом, что умел радоваться успехам товарища.

У юного Николая Васильевича невольно перехватило дыхание. Даже Селифан на своем книжном шкафу проснулся и наострил уши.

Дельви́г! Антон Антонович Дельви́г! Поэт и издатель «Литературной газеты». Лицейский друг самого Пушкина. Ужель сдвинулось? Ужель проклятая полоса полного безысходства кончилась?

В волнении Николай Васильевич бросил взгляд на Селифана. Тот незаметно одобрительно кивнул головой.

Последние дни Дельви́г чувствовал себя скверно. Лечился, но без всякой пользы. Вялость и апатия, которые все почему-то приписывали обыкновенной лени, в действительности были следствием застарелой болезни сердца.

Но Антон Антонович не терял присутствия духа. Много шутил, много работал. Жаль только вдохновение посещало его теперь все реже и реже. Хотя... по-прежнему, его стихи нельзя было спутать ни с чьими. По-прежнему, каждое из них несло особую, «дельви́говскую» печать. По-прежнему, его «Литературная газета» была нарасхват.

Дельви́г принял юного Гоголя лежа на диване. И сославшись на плохое самочувствие, так и не поднялся с него, кутаясь в халат.

Худой, остроносый юноша со смешливыми, горящими глазами и со странной птичьей фамилией, произвел на Дельви́га самое благоприятное впечатление. Невольно вспомнил он себя в молодости.

Беседовали долго. Обо всем. Дельвига покорила неиссякаемый оптимизм и жизнелюбие начинающего автора. А начитанность и глубина суждений по вопросам литературы явилась приятной неожиданностью. Ведь после ознакомления с «Диканькой» у него сложилось устойчивое мнение, будто сей автор значительно старше возрастом.

По завершении встречи Антон Антонович пообещал Гоголю свою поддержку. Заказал сразу несколько статей для «Литературной газеты», и пообещал свести с нужными людьми. С Жуковским и Пушкиным.

Вернувшись в свою каморку, Николай Васильевич подробно отчитался перед Селифаном о знаменательной встрече. Последний отнесся одобрительно.

— Недурно-с! Недурно-с! — задумчиво прошипел он. И его округлые глаза обрели даже какую-то мечтательность.

Но работать в тот день Николай Васильевич уже не мог. Его просто распирало какое-то волшебное чувство. Какое-то особенное...

— Селифан! — начал он вязаться к своему хвостатому единомышленнику. — Давай, того... полетаем, а?

— Как это?! Зачем это?! — недовольно хмурился Селифан.

— Очень просто, — пожимал плечами Гоголь. — Встали оба на подоконник, набрали побольше воздуха и... готово дело, полетели!

— Не в настроении мы, — мрачно отвечал Селифан.

Плохой признак, если Селифан говорил о себе во множественном числе, «мы!». Но Николай Васильевич не отступал.

— Обозрим просторы... Летучих мышей погоняем...

— Летучих мышей не видал я, что ли! — недовольно мотал головой Селифан. — Мальчишество какое-то! Котятничество!

Короче, полетать в тот день так и не случилось.

«Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз, голова у Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх...».

Когда печатался уже второй сборник повестей под названием «Миргород» Николай Васильевич по привычке стремительно вошел в типографию и застал там странную картину.

Наборщики, отложив работу, перебирали только что отпечатанные листы и, тыкая пальцами в отдельные строки, весело смеялись.

Увидев Гоголя, неподвижно застывшего на пороге, наборщики дружно прыснули в кулаки и вернулись к прежним делам. Изредка бросали на него одобрителные взгляды.

На душе у Николая Васильевича стало удивительно светло и радостно. Будто долго бродил по лесу и,

наконец, увидел сквозь густые заросли светлую опушку. А за ней поле, дорогу...

Нельзя сказать, после выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Николай Васильевич проснулся знаменитым. Но то, что это случилось всего за несколько дней, безусловно.

Василий Андреевич Жуковский обитал в Шепелевском дворце. Даже получив генеральский чин действительного статского советника, являясь воспитателем цесаревича Александра, Василий Андреевич не перестал быть Поэтом. С большой буквы. Более того, в заботах и трудах он ничуть не утратил главного своего качества. Умению по-детски радоваться новым, молодым талантам.

Трясаясь по ухабам в своей карете, он направлялся в гости к издателю Плетневу, Жуковский искренне недоумевал:

«Скучно жить на этом свете, господа»? Эта модная в светских кругах фраза раздражала его. Ему никогда не бывало скучно.

В гостиной у издателя Плетнева было чудовищно накурено. Клубы дыма от сигар и трубок уже вытеснили всех дам в другие комнаты. Мужчины расположились вокруг стола зеленого сунна за картами.

Юный Николай Васильевич чувствовал себя абсолютно не в своей тарелке. Забился в самый дальний угол и ни с кем не общался. Из-за фортепиано один только нос торчал.

Хозяин дома, Петр Андреевич Плетнев, несколько раз пытался выудить его оттуда. Предлагал трубку или сигару, рюмку мадеры или мороженого. Или сыграть партию в карты. Гоголь отказывался наотрез.

Не курю, карт сроду в руках не держал, пить мадеру не сделал привычки, а мороженое исключительно для женщин. Внутренне Николай Васильевич был в чудовищном возмущении! Как подобное возможно?!

Заниматься какими-то пустяками — болтовней о водевилях, о партии в бостон, в каком-то поэтическом альманахе, когда вот-вот явится сам Пушкин!

Издатель Плетнев понимающе кивал и отходил к гостям.

Юный Гоголь напряженно ждал. Даже ногти кусал на пальцах.

Пушкин объявился внезапно. Распахнулись двери и на пороге возникли двое, весело хохотавших, мужчин. Это были Жуковский и Пушкин.

Мгновенно наступила оглушительная тишина. Или так только показалось юному Гоголю. Пушкин и Жуковский подошли к нему.

Александр Сергеевич заговорил так, будто они знакомы двести лет.

— Винюсь, Николай Васильевич, за недосугом пока не читал ничего вашего. Теперь, однако, прочту. Даю слово. Милости прошу во мне в Царское село, на дачу. И без всяких чинов.

Великие встречи часто начинаются просто и обыденно,

Александр Сергеевич стремительно проглотил две порции мороженого и, не попрощавшись с гостями, стремительно исчез.

Не только в Малороссии близ Диканьки, ночи бывают темнее, чем в погребе. В Петербурге тоже отнюдь не сплошные белые ночи. Тоже случается невероятная темень. В такие ночи люди и вовсе не выходят на улицы. Даже грабители по своим норам сидят. Наощупь немного награбишь.

Николай Васильевич был одним из немногих, кто без всякой опаски стремительно передвигался по лабиринтам Петербурга. Все гениальное предельно просто. Он носил с собой за пазухой Селифана. Одна только морда из-под шинели торчала. За пазухой или на плече.

— Направо! — командовал Селифан. — Осторожно, впереди канава!

Коты, как известно, в темноте видят гораздо лучше, нежели на свету. Так и ходили по гостям парочкой. Все вместе, да вместе.

— Николай Васильевич! Дорогой! Что вы все по гостям с котом на плече! Несолидно как-то. Известный писатель. Не натуралист какой-нибудь, слава Богу!

Такими речами обычно встречал их поэт Чуковский. Он и Пушкин Александр Сергеевич частенько теперь приглашали юного Гоголя к себе на своеобразные посиделки. Обсудить, что, да как в обществе, в литературе, и вообще.

Николай Васильевич очень сердился на подобные замечания. И довольно резко высказывался в том смысле, что Селифан — ему, не просто так, а друг,

товарищ и соавтор. А если кто не любит братьев наших меньших, тот и к людям относится так себе.

За Селифана и Гоголя тут же вступался Пушкин. Мол, у каждого свой стиль. Шарманщик с обезьяной на плече, пират с попугаем. Почему бы писателю не быть с котом. Мол, если б он себе теленка на загривок посадил или хрюшку, тогда другая песнь. А так, ничего особенного. Приличия соблюдены.

Поэт Чуковский, впрочем, оставался при своем мнении.

Однако, переходили к делам литературным.

— У вас редкостная способность. По одной мелкой черте разом угадывать всего человека, — говорил Александр Сергеевич.

Глаза его лучились. Повести Гоголя ему явно нравились.

— Пора выходить на большую литературную дорогу, дорогой мой!

Жуковский на каждое слово согласно кивал головой. И поглощал невероятное количество чашек с кофе.

Кот Селифан на плече у Гоголя млел от восторга. Ведь подобное говорил сам Пушкин! Уже написавший к тому времени «Бориса Годунова» и большую часть глав «Евгения Онегина».

Николай Васильевич никак не мог привыкнуть к тому, что запросто общается с гением российской словесности. А тот предельно прост, естественен и ничуть не похож на «генералов от литературы».

— Возьмите в соображение, в веках останутся лишь серьезные крупные произведения. Вот пример.

Ежели б Сервантес не написал своего «Дон Кихота», кто б знал его имя? Между тем он был автором множества замечательных повестей. И несметного количества пьес.

— Где ж мне достать сюжет? — недоумевал Николай Васильевич, соглашаясь, и несколько споря с ним. — Я ведь выдумывать сюжеты решительно не мастер.

Кот Селифан на плече, едва слышно, но явственно недовольным тоном бурчал: «Не спор-рь со стар-ршими!».

Александр Сергеевич, между тем, продолжал:

— Сюжет? Сюжетов сколько угодно. Вот, извольте... у меня есть один. Сам думал написать роман или повесть. Бог с вами, отдам...

Это был Фантастический сюжет, доселе не являвшийся миру! Некий мошенник придумал ловкую авантюру. Скупить «мертвых душ» и, выдав их за живые, в одночасье разбогатеть...

В один из особенно темных вечеров Николай Васильевич с Селифаном возвращались к себе домой на Большую Мещанскую,

На углу в свете тусклого фонаря они увидели маленького худого человека. Странного вида. Он был совершенно без верхнего платья. В одном вицмундире мышиного цвета. И даже без головного убора.

Лицо его было несколько рябоватым.

— Милостивый государь! — как бы, извиняясь, обратился маленький человек к Николаю Васильевичу.

— Не встречались ли вам в переулках двое грабителей?
С чужой шинелью.

Николай Васильевич сочувственно вздохнул и развел руками в стороны. Мол, никаких грабителей на пути не попадалось.

— Как же мне без шинели? — сокрушался маленький человек, — Зима на носу. Может, усовестятся? Может, вернут?

Маленький человек с надеждой вглядывался в глаза, то Николая Васильевича, то Селифана,

— Не пережить мне этой зимы!

Николай Васильевич с Селифаном ничем не могли помочь несчастному. Они двинулись дальше, оставив маленького человека у фонаря.

Еще долго, в самые неподходящие моменты жизни, перед глазами Гоголя возникало рябоватое лицо маленького человека, с немим вопросом в глазах: «Может, усовестятся, вернут?»

Перед выходом «Петербургских повестей» из печати Николай Васильевич по просьбам друзей довольно часто устраивал публичные читки. По Петербургу уже вихрями носились слухи о необыкновенных повестях молодого автора, и о необыкновенной способности этого автора читать свои повести вслух. В тот раз в просторном кабинете издателя Плетнева собралось особенно много народа. Иные даже стояли.

Окончив читку и не видя, (по его мнению!), особенного одобрения в глазах слушателей, Гоголь

собрал страницы в одну кучу и устался на камин. Огонь в нем едва теплился.

— У вас камин сейчас потухнет. Надобно... — каким-то странным голосом произнес Гоголь и, поднявшись, направился к нему.

Плетнев, наслышанный о «подлой бацилле» Николая Васильевича, перехватил его. Вежливо подхватил под локоть и начал настойчиво отбирать страницы рукописи.

— Позвольте, позвольте... — бормотал Гоголь.

— Нет, уж! — настаивал Плетнев. — Отдайте!

— Позвольте, любезный... Позвольте!

— Позвольте вам этого не позволить, Николай Васильевич!

Плетнев почти силой вырвал из рук Гоголя рукопись. И тут же спрятал ее в секретер. И даже на ключ запер. Ключ положил себе в карман.

Николай Васильевич очень обиделся. Как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

Остаток вечера он просидел в кресле и почти не слышал тех восторженных отзывов и оценок, которые сыпались со всех сторон.

Петербургские повести Гоголя, «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет», (позднее он включил в этот сборник еще «Нос» и «Шинель»), произвели на читающую публику ошеломляющее впечатление. По городу, как эхо, носилось даже самое страшное слово, «гениально». Сам Николай Васильевич оценивал себя много строже,

— Не взлетел! Не взлетел! — шептал он, недовольно морщась.

Впрочем, авторы редко способны по достоинству оценить собственное сочинение. Тем более, в те дни голова его была занята уже совсем другими материями.

«Отчего происходят все эти разности? Отчего я титулярный советник, и с какой стати я титулярный советник?».

Повышение по службе любого порадует. Должность помощника столоначальника в департаменте Уделов, это вам не фунт изюму! Другой бы возгордился и возмечтал бы о следующей ступеньке в бесконечной чиновной лестнице. Но молодой человек со странной фамилией Гоголь поверг в изумление весь чиновный люд департамента. Подал прощение и ушел со службы «на вольные хлеба».

До чиновников доходили слухи, будто он что-то там пописывает на литературном поприще. Будто, дает частные уроки сплошь генеральским детям. Будто читает лекции в классах Патриотического института. И даже пишет статьи о педагогике и по истории для журналов. Словом, вертится, как белка в колесе. Чиновники вспоминали о нем довольно долго. Месяца два или даже три. Потом забыли.

В один из дней, поднявшись в свою мансарду на пятый этаж, Николай Васильевич нашел на конторке записку от Пушкина.

«Только что вернулся из деревни. Жду с нетерпением к себе. Для Вас есть еще сюжет. Надо поговорить!».

Сердце у Николая Васильевича забилося с ужасающей силой.

Он попытался было с пристрастием допросить Селифана, но пушистый друг еще третьего дня впал в спячку и почти не реагировал на внешние раздражители.

На настойчивый вопрос Николая Васильевича, «как записка попала на конторку?», Селифан, не открывая глаз, проорчал;

— Закономер-рно...

И свернувшись калачиком, затих на кресле.

Беседу Александр Сергеевич начал неожиданным вопросом:

— Знаете ли вы, дорогой Николая, такого писателя, Свинына?

Такого писателя Николай Васильевич не знал. Потому, присаживаясь к маленькому столику у окна, пожал плечами.

— Как же! — воскликнул Пушкин. — Павел Петрович Свинын! Душа человек. Надо вас при случае познакомить. Писатель он, строго между нами, так себе. Но человек добрейший. И шутник.

Николай Васильевич, сидя на краешке стула, понимающе кивнул. Александр Сергеевич, раскуривая кальян, сделал минутную паузу. Затем продолжил крайне серьезным тоном, хотя глаза его смеялись.

— Вообразите себе, Николая! Этот самый Павел Петрович Свиньин, будучи проездом в Бессарабии по каким-то неотложным делам, везде выдавал себя за важного петербургского чиновника. Ему поголовно верили. Что неудивительно. Мужчина он представительный. Хоть сию минуту на сцену. Даже сам губернатор ни в чем не заподозрил.

Николай Васильевич насторожился. Именно в этот момент по его спине волной пробежали мурашки. Так бывало только в двух случаях. Или сквозняком неожиданно потянуло, (как-никак он сидел у самого окна!), или Муза, пролетая мимо, махнула своим крылом.

Далее Пушкин уже не скрывал своего веселья:

— Наш Павел Петрович совсем распоясался. Брал у всех займы направо и налево. Волочился за губернаторской женой и дочкой. Одновременно. И все ему сходило с рук...

Николай Васильевич сидел совершенно неподвижно, как изваяние. По его спине отчетливыми волнами бегали мурашки.

Написался «Ревизор» фантастически быстро. В каких-то полтора месяца. В нем просто пульсировала энергия, заложенная в сюжет еще самим Пушкиным. К тому добавилась наблюдательность и фантазия Николая Васильевича. Да и кот Селифан вложил в общее предприятие долю своего жизненного опыта и проницательности.

Короче, пьеса в пяти актах написалась почти сама собой.

Читка «Ревизора» в Александрийском театре была обставлена по всем правилам. Автор на сцене, за столиком, в партере труппа, многочисленные приглашенные. Вокруг горящие свечи, все как подобает.

В первых рядах партера сидела уже другая «великая» троица. Ведущий актер господин Сосницкий. Незаурядная во всех отношениях актриса Асенкова. И все тот же инспектор сцены Храповицкий.

Надо ли уточнять, читал Николай Васильевич всегда превосходно. Если не сказать, восхитительно. В полной мере раскрывал все свои актерские таланты.

Едва начав читать, он сам, как бы, вовсе исчезал, растворялся в воздухе. И слушателям с первых фраз являлись такие типы и характеры, которых вовек не забудешь.

Незаурядная Асенкова всю читку растеряно хлопала глазами. Поскольку мысленно примеривала на себя, то бежевое платье Марьи Антоновны, то палевое Анны Андреевны. И никак не могла решить — какое ей больше к лицу. В ее возрасте. Потому смеялась она своим «знаменитым колокольчиком» всегда некстати. И невпопад.

Храповицкий, отчетливо помня первую встречу с автором, хмурился и похохатывал тоже не в тех местах, в которых следует.

Один Сосницкий был вполне доволен происходящим. Ему предстояло явить публике самого Городничего, и потому преувеличенных восторгов его не было абсолютно никакого предела.

Остальная труппа смеялась просто в свое удовольствие.

Закончив читать, Николай Васильевич вышел на авансцену и под бурные аплодисменты низко поклонился. Затем, бросив в зал быстрый взгляд, неожиданно встал в позу Городничего из немой сцены.

Так и стоял он посредине в виде столба с распростертыми руками и запрокинутою назад головою.

Аплодисментам не было конца,

С первых же репетиций по Петербургу поползли угрожающие слухи. Будто актеры поголовно недовольны пьесой и не знают, с какого бока к ней подступиться, поскольку все прежние навыки и приемы не подходят. Будто, с литературной точки зрения пьеса тоже не выдерживает никакой критики. Слишком все приземлено и обыденно. Никакой поэзии и полета фантазии. Будто, власти категорически не одобряют.

И будто бы сам Государь Император, ознакомившись с ней, высказал решительное неприятие!

Словом, будущий спектакль висел буквально на одном тонком волоске. Состоится ли премьера, нет ли, один Бог ведал.

Ночами Николаю Васильевичу снился только Государь Император. Грозно сверкая очами он, не менее грозным голосом требовал!

— А подать сюда этого самого... Гоголя-Яновского!!!

Николай Васильевич просыпался в холодном поту.

Спас положение Селифан. Мы порой явно недооцениваем благородство и неограниченные возможности наших друзей и близких. В особенности братьев наших меньших.

Выслушав все страхи и сомнения Николая Васильевича, Селифан озабоченно фыркнул и пообещал навести справки. Мол, в императорском окружении у него есть кое-какие связи.

Основательно приведя себя в порядок, Селифан ушел в ночь.

Вернулся Селифан под утро. Промокший и продрогший, но хвост его победительно торчал вертикально вверх. И прямо на пороге, не мешкая, сообщил. Мол, ничего подобного! Сам Государь Император положительно отнесся к «Ревизору». И даже отметил, что многим будет полезно посмотреть на себя со стороны. Тому есть конкретные свидетельницы.

У Николая Васильевича отлегло от сердца.

Спектакль стал незаурядным событием в Петербурге. Да что там, Петербург! Подобные премьеры бывают раз в столетие. Уже на следующий день по всей России письмами разлетались крылатые фразы!

— Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!

— Сама... сама себя высекла!

— А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!!!

В партере в глазах рябило от обилия орденов и звезд. Туалеты и прически светских дам яркостью и фантазией затмевали все картинки из модных парижских

журналов. А запахи... От вееров волнами по партеру так и наплывали «все ароматы Аравии»...

Из одного только перечисления знаменитостей вполне можно было составить увесистый том. Крылов, Вяземский, Анненков, Издатель Плетнев, композитор Глинка...

Галерка до отказа была забита молодежью, Студенты, гимназисты, девушки швей и гувернантки, ремесленники и чиновники. В группе студентов Академии художеств можно было разглядеть Ваню Айвазовского. А среди стайки студентов Университета Ваню Тургенева.

Разумеется, внимание всей публики было направлено на императорскую ложу. За государевым креслом, рядом с наследником стоял Жуковский. В кресле сидел сам Государь Император Николай I.

С первых же сцен публика в зале разделилась на противостоящие группы. Резкое неприятие одних и откровенный восторг других создали особую атмосферу. В антракте в вестибюле слышались реплики:

— Безобразия! Клевета! Запретить! Наказать!

— Bravo, Гоголь! Виват, Николай Васильевич!

Молва о гениальной комедии раскачивала петербургское общество, как огромный корабль во время шторма. Вправо-влево, вправо-влево... Естественно, /не бывает иначе!/, не обошлось без ярых противников.

Нестор Кукольник. Да, да, тот самый. Бывший «однокорытник». Юноша бледный со взором горящим. Почему-то именно вокруг него кучковались откровенные недоброжелатели.

Один из них,/имя его для потомков не сохранилось/, даже не читая пьесы и не видя спектакля, тиснул в газету статью.

«Автор выдумал какую-то Россию и в ней какой-то городок, в котором свалил он все мерзости, подлости и невежества».

Николай Васильевич реагировал крайне болезненно. Обхватив руками голову, метался по своей тесной комнатке на пятом этаже.

— Господи! Ну, если б один, два ругали... Ну, Бог с ними! А то ведь все, все...

Почему-то враждебные голоса он слышал внятнее и отчетливее, нежели многоголосый хор дружеских и одобряющих.

Кот Селифан со своего наблюдательного пункта,/в смысле, с книжного шкафа!/, с откровенным недоумением взирал на Гоголя.

— Васька слушает, да ест! — многозначительно намекал он. Мол, знай, свое дело, сочиняй, работай. Собака лает, кот на ус мотает.

И все такое.

Но Николай Васильевич откровенно, почти физически страдал. И только поездка по своим издательским и литературным делам смогла его немного отвлечь.

«... вон, какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?».

Путешествие из Петербурга в Москву сопровождалось бесконечным, нудным дождем. Но как

только карета миновала Тверскую заставу, он, будто по приказу, кончился. Вторая столица встретила молодого Гоголя ясным небом, ослепительным солнцем и звоном колоколов.

Не успел Николай Васильевич и вещи по порядку разложить, как в снятый на Тверской номер ворвался профессор Михаил Петрович Погодин. Обнял, расцеловал и тут же отвез в знаменитый «Яр», что на Кузнецком мосту. Там до такой степени накормил молодого Гоголя сытными московскими яствами, что тот сразу почувствовал себя подобрешшим и даже заметно потолстевшим.

За обедом, (плавно переходящим в ужин!), Погодин настойчиво вдавливал в голову Николая Васильевича одну-единственную мысль:

— В Москве у вас нет недоброжелателей! Москва в восторге от ваших повестей. По поводу «Ревизора» ходят легенды. Все будто паролями обмениваются репликами из вашей пьесы.

В справедливости этого утверждения Гоголь убедился не выходя из-за стола. В продолжение всего обеда-ужина к их столику не раз, (и не два!), подходили вовсе незнакомые личности. И каждый считал своим долгом на память воспроизвести какую-либо фразу из пьесы. Один нетрезвый господин даже вознамерился прочитать вслух весь финальный монолог Городничего. Но его благополучно под руки вывели из залы на свежий воздух.

Профессор Погодин очень веселился. Гоголь был несколько смущен и потому старался не поднимать глаз от очередного блюда.

Москва очень полюбилась Николаю Васильевичу. Ее кривые улочки, садики возле домов, уютные церквушки, неторопливые прохожие. А главное, радушие без оглядки всех жителей.

Все свободное от посещения редакций время, Николай Васильевич проводил в гостях, у Погодиных, у Сергея Тимофеевича Аксакова, у Михаила Семеновича Щепкина...

Тихие субботние вечера в Москве особенно хороши. Покой и умиротворение разлито в воздухе. Отзвонили знаменитые сорок сороков. Купцы с грохотом заперли свои лабазы и лавки. Мальчишки с визгами купаются в Москве-реке. А на Арбате, Поварской, на Никитском бульваре и в Сивце-Вражке в барских особняках начинаются рауты.

В доме Щепкиных в это время обычно обедают.

В просторном зале за огромным столом собралось все семейство. Многочисленные дети, воспитанники, пригретые вдовы актеров. И разумеется, гости. В доме Михаила Семеновича без гостей ни один день не обходится,

Николай Васильевич сидел в центре, по правую руку от хозяина. Он был очень смущен вниманием, оказанным ему как гостю. И не отрывал глаз от хозяина дома, воистину первого мастера российской сцены. Этот тучный человек в испачканном соусами сюртуке, с высоким белым лбом и серыми пронизательными

глазами просто излучал из себя веселье и молодость. Глядя на него, трудно поверить, что он до тридцати трех лет был в рабстве. Его покупали и продавали, как вещь. И только стараниями известного историка Каменского, уже семейным человеком, он был выкуплен из неволи.

Но как бы, ни глумилась над ним жизнь, он сохранил в себе бесконечную доброту и неистребимое чувство юмора.

Временами Николаю Васильевичу чудилось, будто над столом, над гостями витает дух его отца, Гоголи Василия Афанасьевича, Он боялся сделать лишнее резкое движение, дабы ненароком не спугнуть этот дух. Он был по-настоящему счастлив.

После обеда присутствующие начали просить Николая Васильевича прочитать вслух «что-нибудь из своего».

Гоголь отнекивался, кивая на Павла Мочалова, сидевшего на другом конце стола, надежду и славу московского театра, соперника петербургского Каратыгина. Дескать, сейчас самое время послушать «что-нибудь из Шекспира». Наслышанные о великолепном умении Гоголя читать свои вещи вслух, гости настаивали.

Наконец Гоголь как-то неуверенно кивнул.

Все замерли. Было слышно даже, как самовар на кухне сопит.

Гоголь обвел всех сидящих за столом каким-то удивленным взглядом, широко раскрыт рот и... неожиданно громко икнул!

Разумеется, гости, как люди хорошо воспитанные не заметили этого. Николай Васильевич опять раскрыл и... еще раз икнул! Уже значительно громче и отчетливее. Потом еще. Еще и еще.

— Что это со мной? Вроде, отрывка! — недоуменно спросил Гоголь, хмурясь и прислушиваясь к своему желудку. — Видно, это ваш обед засел в горле. Ешь, ешь, просто черт знает, чего ешь...

Первым догадался Щепкин. Он оглушительно захохотал и, указывая пальцем на Николая Васильевича, начал от смеха раскачиваться на стуле из стороны в сторону.

Вторым сообразил Мочалов. Актерская интуиция сработала. Актер актера, всегда распознает. Один за другим и остальные гости сообразили, Гоголь уже начал читать отрывок из неоконченной пьесы — «Владимир третьей степени».

Дочитать отрывок до конца Гоголю так и не дали. Гости долго не могли успокоиться. Некоторые даже подражали ему, разнообразно икали.

В конце вечера Гоголя усадили на стул в центре залы и все присутствующие, взявшись за руки, начали водить вокруг него хоровод. Но пели с большим воодушевлением «К нам приехал, к нам приехал, Николай Василич, до-оро-ого-ой!», почему-то на известный мотив «Ах, вы, сени, мои сени...»".

Словом, радости и веселию не было конца и края.

«Я совершу! Я совершу, Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны! Я совершу!», — шептал Николай Васильевич, медленно бредя по тротуару к гостинице.

Несмотря на поздний час, вокруг шумела, смеялась толпа.

Люди степенно сходились в небольшие группы, так же степенно что-то обсуждали и, раскланявшись, расходились. Николай Васильевич не видел конкретных лиц.

Перед его глазами, так же степенно сходились, разбивались на пары и тройки и о чем-то взволнованно беседовали совсем другие люди. «Мертвые души!». Название поэмы возникло как-то само собой. С каждым днем сюжет, подаренный Пушкиным, все более овладевал им.

Его не покидало предчувствие, что он стоит на пороге чего-то большого, значительного.

Дорога из Москвы в Петербург заняла, как ни странно, чуть ли не вдвое меньше времени. Впрочем, «...в натуре существует множество явлений, необъяснимых даже для обширного ума!».

«Таких людей приходилось всякому встречать немало. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое».

— Да ты, брат, абсолютная свинья! Ха-ха!
Николай Васильевич вздрогнул и обернулся.

Посреди тротуара, раскидывая руки и распихивая многочисленных прохожих, стоял совершенно незнакомый человек.

Широко улыбаясь, он двинулся на Гоголя с объятиями. Кот Селифан на плече предупредительно зашипел.

— У меня дня не проходит, чтоб я не пил за твое здоровье! А ты мимо идешь и нос воротишь?! Ха-ха!

— Мы знакомы?

Николай Васильевич нахмурился и начал пристально всматриваться в лицо незнакомца, судорожно соображая, где, когда, при каких таких обстоятельствах они могли встречаться.

Незнакомец между тем, подошел почти вплотную и, крепко хлопнув Гоголя по спине, (отчего Селифан чуть не слетел на тротуар!), громко захохотал.

— Да ты шутник, брат! Ха-ха! Всегда таковым был!

Прохожие сторонились. И слегка испуганно оглядывались.

Нет, Николай Васильевич решительно не припоминал незнакомца.

— Ухнов я! Ух-хнов! «Однокорытники»! Неужель не помнишь?! И пироги с зайчатинной забыл?! — трагически воскликнул незнакомец.

Очевидно, Гоголь когда-то учился вместе с незнакомцем в гимназии. И вероятнее всего, незнакомец был несколькими классами старше. Или младше. Николай Васильевич недоуменно пометал головой.

Но незнакомца Ухнова это ничуть не смутило. Его, судя по всему, вообще ничто в этой жизни не могло

смутить. Случись даже землетрясение сию секунду, он, наверняка бы, только весело расхохотался.

— Проездом я тут у вас. Ха-ха! Не люблю я столиц. Все людишки какие-то малохольные. Чем занимаешься? Служишь? Где? Что платят?

— Пишу я... — успел выдавить из себя Николай Васильевич.

— Зачем? — искренне озаботился Ухнов. — Неужели до тебя ничего путного написано не было? Зачем и стараться?

Николай Васильевич открыл, было, рот, чтоб растолковать веселому незнакомцу Ухнову. Мол, писательство, это нечто вроде болезни. Мол, если подхватил микроб, считай пропало. На всю оставшуюся жизнь. И все такое. Но ничего этого Гоголь сказать не успел.

— Давай меняться! — вне всякой связи с чем бы то ни было, предложил Ухнов, — Ты мне своего юта, я тебе... вот! Трость! С набалдашником! Мне хороший кот в поместье нужен. Мышей расплодилось, шагу нельзя ступить.

Кот Селифан на плече издал глухое угрожающее завывание. Что означало крайнюю степень недовольства. И даже гнева. Но незнакомец Ухнов еще больше обрадовался.

— Вишь, какую морду отъел. На столичных хлебах. Мне такой в самый раз. Пусть мышей ловит. Мои коты вконец обленились. А тебе трость к лицу. Писатель без трости, что поп без штанов! Ха-ха!

— Послушайте, я вовсе не расположен...

— Тогда продай! — наступал Ухнов. — Хорошую цену дам. Три рубля. И трость впридачу. А ты мне kota. И семь рублей займа. Отыграюсь, тут же верну. Честное благородное слово! Ха-ха!

— Послушайте, любезный! — слегка повысил голос Николай Васильевич, теряя всяческое терпение. — Совершенно нет...

— Всеодно я тебя люблю! — веселился незнакомец. — Как брата. Но был бы я твоим начальником, повесил бы на первой же березе. Ты не обижайся, я всегда правду говорю. Ха-ха! Потому что ты свинья!

Селифан не выдержал и, громко взыв, потянулся обеими лапами к лицу незнакомца, Николай Васильевич едва успел перехватить его. Прижал к груди и отступил на несколько шагов.

Незнакомец Ухнов просто зашелся от хохота.

Гоголь посчитал за лучшее смешаться с толпой. Еще долго он слышал за своей спиной раскатистый смех.

Толи московские «семейные» обеды тому виной, толи собственные размышления о «Женихах»,/комедии, которую Гоголь не так давно закончил/, только начали, особенно темными вечерами, возникать в голове Николая Васильевича мысли.

Вроде, как бы, пора жениться. Все друзья-литераторы люди давно семейные. Один он, как тополь посреди степи.

Но дело-то серьезное, а посоветоваться не с кем. Пришлось обращаться к самому близкому человеку. К Селифану, то есть.

Долго ходил Николай Васильевич вокруг, да около, пока его хвостатый друг сам не выдержал. Прямо в лоб заявил:

— Женитесь!

Сказал, как отрезал.

— А если она вареников не готовит? — нахмурился Гоголь.

— Тогда не женитесь! — был ответ хвостатого мудреца.

— Одному-то скучно... Да и вообще... Пора, вроде бы.

— Тогда женитесь, — тем же невозмутимым тоном ответил Селифан. И начал приводить себя в порядок. При этом даже как-то неприлично задрал вверх заднюю лапу. Или так только показалось.

— А если она станет... Ну, это... понимаете, о чем я? — многозначительно, с ударением выдавил из себя Николай Васильевич.

Селифан вздрогнул, перестал вылизываться. Посмотрел на Гоголя своими круглыми глазами.

— Если жена изменит мужу, она может изменить и Отечеству! — со знанием дела, авторитетно изрек он. И опять принялся наводить красоту на свою и без того чистую и блестящую шерсть.

Вот тут и думай, ломай голову. Словом, после беседы с Селифаном ситуация ничуть не прояснилась. Вопрос остался в подвешенном виде.

По поводу скоропалительного отъезда Гоголя в Италию ходило множество всяких слухов и домыслов.

Но во всем Петербурге только один Селифан знал истинную причину.

Совершенно неожиданно, (и очень опасно!), заболел ближайший друг Саша Данилевский. Врачи категорически настаивали на немедленном отъезде в Италию. Только теплый, южный климат мог спасти. И только свежий, морской воздух мог излечить. В противном случае... А где взять средств?

Саша Данилевский из бедной семьи. О помощи со стороны родителей и речи нет. Кто протянет руку помощи в подобной ситуации? Разумеется, ближайший друг Николай Гоголь. Было бы странным, если б Николай Васильевич поступил иначе.

Благодаря постановке «Ревизора» и выходу в свет нескольких сборников материальное положение его резко улучшилось.

Друзья, не теряя времени, бросились собирать вещи.

Прощание с Селифаном было коротким. И по-мужски сдержанным. Недовольно хмурясь и глядя в сторону, Селифан неожиданно заявил:

— Рим спасли коты!

Николай Васильевич искренне удивился, но Селифан стоял на своем. Дескать, это его предки спасли Рим. Не какие-то там гуси, (все ото миф!), а вот именно коты. Каждая собака знает, голоса у котов значительно пронзительнее. А гуси едва слышно щебечут.

Словом, Селифан просил передать поклон его далеким сородичам. И строго наказал. Питаться регулярно и только качественными продуктами. Горло не застужать. Спать на правом боку. И все такое. Он

присмотрит за квартирой. И за рукописями. Пусть Николай Васильевич даже не беспокоится. До его возвращения никаких катаклизмов не случится. Он, Селифан, будет на страже.

Селифан оказался прав. Котов в Риме было значительно больше, нежели самих итальянцев. А никаких гусей и в помине не было. Коты, самых разнообразных пород, окрасок и расцветок, были абсолютными хозяевами во всем городе. Ходили, где хотели, не соблюдая никаких правил. Могли в любом открытом кафе вспрыгнуть на столик и стянуть любой понравившийся кусок, И попробуй им сделать замечание! Тут же на тебя обрушится вал возмущения, (и даже гнева!), всех, оказавшихся поблизости итальянцев, К этому трудно привыкнуть, Но постепенно Николай Васильевич и Саша Данилевский привыкли.

Устроились друзья в разных квартирах. Каждый на свой вкус. Саша Данилевский с головой окунулся в проблемы своего здоровья. Даже медицинские книги и справочники начал читать. Пил живительную тернийскую воды, принимал грязевые ванны и совершал длительные прогулки по окрестностям Вечного города.

Николай Васильевич безвылазно сидел за письменным столом. Сразу же по приезду, на него, подобно извержению Везувия, раскаленной лавой и горами пепла навалилась неуголимая Жажда. Жажда

писания. Дни и ночи пролетали мгновенно, подобно страницам рождающейся поэмы.

Даже на шумных улицах Рима Жажда оборачивалась Фантасмагорией. То вдруг пышнотелая итальянка, торговка фруктами, перестанет улыбаться в свои сорок два зуба и, наклонившись, доверительно спросит. На чистейшем русском языке:

— Азачем тебе, батюшка, мертвые души? Хочешь, я тебе лучше пеньку продам? Или хмеля? Замечательный хмель уродился...

Или тучный официант в открытом кафе, вдруг с грацией бегемота наступит на ногу и сиплым голосом, (опять же на чистом русском языке!), сообщит прямо в лоб:

— Вам требуется мертвых душ? Могу продать. По сто рублей за штуку. У меня этого народа предостаточно...

Николай Васильевич уже и удивляться перестал.

Гоголь стоял, опираясь рукой о холодную, шершавую стену. То, что он услышал из разговора двух господ, чуть отставших от группы туристов из России, повергло в шок.

— Слышали? Пушкин погиб! Убит на дуэли...

Николай Васильевич не мог вздохнуть, не мог пошевелиться. Его трясло в холодном ознобе. Сердце поднялось в груди почти до самого горла и, судорожно стуча, готово было выскочить наружу...

Затряслись и закачались стены древнего Колизея... волнами набегали с востока, из России черные тучи...

Пять дней пролетал Николай Васильевич в постели. По его лицу постоянно текли слезы. И только на шестой день он смог сесть за письма на Родину...

Михаилу Петровичу Погодину...

«... Когда я творил, я видел перед собой только Пушкина...»

Петру Андреевичу Плетневу...

«... Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все мое высшее наслаждение жизни исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я воображал его пред собою...»...

Гоголь уже более года проживал в Риме. Позади период безденежья, когда приходилось ограничивать себя даже в еде. Слава Богу, выручил Плетнев, прислал целую тысячу рублей за проданные в России сочинения. Да Жуковский выпросил у самого Государя пять тысяч, тоже не остался в стороне. Но деньги, пустяки. Бог дал, Бог взял. Мысли Николая Васильевича не всегда радостны.

Работа над поэмой застопорилась.

В такие моменты Гоголь долго идет по Риму на север и сворачивает на улицу Сикста, где на горе проживает великий русский художник Александр Иванович Иванов.

О его, еще неоконченной картине «Явление Христа народу» уже много лет говорит весь Рим. Это будет нечто!

У Александра Ивановича нет других занятий. Ни жены, ни детей, ни особых пристрастий. Есть только картина. Он всегда в работе. Дописывает, меняет композицию, переделывает отдельные фрагменты. Пытается достичь невозможного — совершенства.

Николай Васильевич заходит в просторную мастерскую, здоровается с хозяином и усаживается на привычное место у стены, напротив картины. Так они молчат часами. Один работает, другой созерцает.

— На Родину нельзя возвращаться с пустыми руками. Что-то сделать надобно. Что-либо значительное. Долги возвращать надобно.

Гоголь кивает. Он вернется в Россию с законченной поэмой.

«И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери, все!» — его ли душе не любить ее?».

Без Пушкина Петербург пуст. Холоден и неуютен. Но надо жить. Надо продолжать жить. И завершать главное дело жизни.

Роман-поэму «Мертвые души».

Слухи о Фантастическом, гениальном романе уже давно циркулировали по городу. Николай Васильевич не изменял своей давней привычке, при каждом удобном случае читал вслух отдельные главы и куски друзьям-литераторам. Все сходились в едином мнении. Миру вот-вот явится незаурядное произведение.

И литературный мир застыл в напряженном ожидании.

Толи в силу природной скромности, толи в силу каких других причин, решил Николай Васильевич (на пробу!), напечатать несколько глав «Мертвых душ» в самом неказистом петербургском журнальчике. Название того журнальчика для потомков не сохранилось. А вот Цензор. Цензор носил бороду, странную фамилию Голохвастов и славился литературной всеядностью. Пропускал что угодно. А тут...

Неодобрительно оглядев сидящего на плече у Николая Васильевича Селифана, Цензор сходу завел какой-то дикий разговор:

— Вот бы вам какую повестушку накропать, Николай Васильевич! Насчет наших властей, что-нибудь эдакое... Можно замахнуться даже на... (Тут Цензор выразительно потыкал пальцем вверх). У меня и название заготовлено. «Бодался бычок с баобабом»! Как? Намек чувствуете?

Гоголя ничуть не вдохновила идея Цензора. Он отрицательно помотал головой.

А что касемо поэмы, Цензор и вовсе понес околесицу.

— Тут у вас одна маленькая... заковырка, Николай Васильевич! Вот, самое главное! Тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал, И все такое. Вопрос! — строго поднял вверх палец Цензор. — Кто в тройке? Кого она везет? Кто едет?

Гоголь опешил от такого мозгового поворота.

— Ну... Селифан... — неуверенно ответил он.

— Да, нет, — поморщился Цензор. — Вы не понимаете. Кого конкретно везет ваша тройка? Кого-о?! Чичикова! Мошенника, афериста и проходимца. И другие государства дорогу ему уступают? Так, что-ли?! Нет, это не пойдет.

— Так ведь, тройка! Это символ, образ.

— Понимаю, образ, — покачал головой Цензор. — Но, все-таки, лучше без этого. Выбросьте его вовсе, этот образ. Без него лучше.

— Без Селифана? — упавшим голосом спросил Гоголь.

— Причем здесь какой-то Селифан! — уже, совсем раздраженно бросил Цензор, — Тройку надо выбросить!

«Примитиф-ф!» — яростно шипел Селифан, судорожно цепляясь когтями в плечо Николая Васильевича. Друзья стремительно спускались по лестнице, покидая кабинет Цензора Голохвастова.

Пришлось получать разрешение и печатать первый том поэмы «Мертвые души» в Москве, в университетской типографии, что на Малой Дмитровке.

Летела над Петербургом странная парочка... Издали ее вполне можно было принять за диковинных птиц. Но присмотревшись, случайный наблюдатель вскрикивал от неожиданности...

Над проспектами и мостами, над Невой и каналами летел худой, остроносый господин в черном цилиндре

и развевающимся черном плаще. Чуть поотстав от него, широко раскинув в стороны все четыре лапы и распушив длинный хвост, летел самый натуральный кот... Раскрыв пасть, он судорожно глотал холодный воздух и пытался нагнать своего напарника...

Случайный наблюдатель обычно в таких случаях перекрестится и, в недоумении покачивая головой, побредет по своим делам...

А парочка порхающих в воздухе еще долго будет кружить над великим городом. Пока на него не опустятся сумерки...

Тогда они плавно спланируют на Большую Мещанскую и залетят в небольшую уютную комнатенку, где на большом письменном столе в изобилии и беспорядке разложены многочисленные страницы... Наклонив голову набок, на одной из них можно разглядеть... «Мертвые души». Том второй... С дополнениями и изменениями...

В углу весело потрескивает печка, заботливо разведенная домохозяйкой. Тепло, сухо, уютно...

Если неудачи озверелой ордой преследуют постоянно, если кажется, будто весь мир ополчился против вас, если еще не видно и просвета в конце темного коридора... Вовсе необязательно откупоривать шампанского бутылку и перечитывать «Женитьбу Фигаро». Можно раскрыть любую из книг Николая Гоголя и наугад уткнуть взгляд в любую страницу... И на вас в тот же миг обрушится волна веселого жизнерадостного, абсолютно детского смеха... Он будет звучать в ушах постоянно. Он будет с вами всегда...

ШПАГА АЛЕКСАНДРА ДЮМА

«Жизнь его — самое увлекательное из всех его произведений, и самый интересный роман, который он нам оставил, — это история его приключений».

Брюнетьер

Бесплатный сыр бывает. Каждой осенью в гасконских провинциях Франции над деревнями витает особый неповторимый запах. Это крестьяне вываливают на столы трактиров огромные круги только что сваренного сыра. Заходи, кто хочешь. Пробуй, сколько угодно. Одно условие, нельзя брать с собой.

В то пасмурное утро на окраине одной из таких деревень, название которой и на карте отыскать невозможно, настолько мала, за деревянным столом придорожного трактира сидели двое. Трактир был с низкими прокопченными потолками, почти не освещался свечами, внутрь и в солнечный день свет почти не проникал, уж в пасмурную погоду и говорить нечего.

Двое посетителей производили неприятное впечатление. Первый, по имени Маркель, грузный и толстый, с окорокообразным лицом, на котором едва помещался мясистый нос. Вдобавок, огромные, волосатые, красно-бурые лапищи. Отвратительная личность. Второй был еще противнее. Мелкий и худенький, с глазами суетливого мышонка. И звали его Жийоп. Разве достойный человек станет носить подобную фамилию? Непременно сменит.

Словом, оба типа были несимпатичны любому первому встречному. Они и сами друг друга недолюбливали. Постоянно переругивались. Вероятнее всего потому, что ремесло их было сопряжено с постоянным риском для жизни.

Парочка была наемными убийцами.

Направлялись они напрямик в Париж. Заказ предстояло выполнить далеко нешуточный. Выкрасть какого-то «Дюне» или «Думе», увезти его на север страны и там содержать в старом замке под стражей до определенного срока. «Заказчик», лица которого они не видели, поставил условие: чтоб ни одна живая душа не знала.

Еще при заключении сделки, Маркель предложил просто решение. Убить этого самого «Думе», «Дюне», или как его там, и в яму закопать. Но «заказчик» стоял на своем. Для чего-то тот ему был нужен живым и невредимым. Но в заточении.

Торговались довольно долго. «Заказчик» оказался скупердьяем. Ни единого сантима не уступал. И даже штраф грозился наложить, если что-то пойдет не так. Знала бы подлая парочка, в какую авантюру они ввязываются, какие им предстоят испытания, бежали бы от «заказчика», куда глаза глядят. Но наемные убийцы были, как бы это помягче выразиться, людьми совершенно без фантазии.

Маркель и Жийоп поедали сыры в невероятных количествах. Служанка едва успевала подносить все новые порции. Мелкий Жийоп норовил припрятать отдельные куски в карманы своего грязного платья, а

Маркель, даже не понюхав и не насладившись запахом, прямиком отправлял куски в рот. Глотал, не разжевывая.

Разговор между собой типы вели вполголоса, чтоб окружающим было не понять, хотя в тот утренний час в трактире вовсе не было посетителей. Только в самом углу старый монах что-то колдовал над своими кусками. Смотрел на свет, сдавливал пальцами, нюхал.

Как только служанка скрылась за кухонной дверью, Жийоп, оглянувшись на монаха, наклонился над столом и прошипел:

— Которого бы должны... «того», настоящий богач?

— Не нам чета, — глухо ответил Маркель. Голос его напоминал рычание быка. Если предположить, что быки умеют рычать.

Жийоп пошевелил губами, явно что-то прикидывая в уме.

— За такого надо платить больше.

— Проще убить. И в яму закопать, — прорычал Маркель.

Он явно не любил фантазий, импровизаций, отклонений от нормы.

— Надо было просить больше! — уткнувшись в тарелку, продолжал бормотать Жийоп.

— Есть у меня мечта! — неожиданно зло отозвался Маркель.

Жийоп вскинул вверх свой остренький, как у мышонка носик, и с веселым любопытством посмотрел на напарника.

— Уйти в монастырь? — хихикнул он.

— Получить заказ на тебя. — задумчиво ответил Маркель. И улыбнулся своей бычьей улыбкой. Опять-таки сомнительно, что быки умеют улыбаться. — С радостью бы исполнил. И задешево.

Трусливый Жийоп понял, лучше на время заткнуться.

Заказ, действительно, был не из легких. По очень скудным сведениям, полученным от «заказчика», этот самый «Думе» или «Дюне», проживал в Париже сразу в нескольких местах. Имел трех любовниц в разных районах города и вечно болеющую мать. Посещал редакции газет и обедал в самых дорогих заведениях. Имел толпу друзей и встречался с ними ежедневно в самых людных местах. Вертелся, как ошалелая белка в колесе.

Попробуй, подлови такого!

Подлая парочка совершенно не знала Парижа. Оба были беспросветными провинциалами. Стало быть, им предстояло плутать по шумным столичным улицам, ночевать в своей повозке прямо под открытым небом. И питаться, Бог знает чем. Так последнее здоровье потеряешь.

Маркель, проглотив весь сыр, находящийся на столе, ухватил за руку появившуюся служанку, сгреб с ее подноса еще несколько кусков сыра и бросил в свой, необъятных размеров мешок. Служанка раскрыла было возмущенно рот, но Маркель показал ей кулак, размером с ее голову и вышел из трактира. Жийоп тут же последовал за ним. Правда, успел прихватить пару кусков со стола монаха.

Через минуту парочка уже тряслась в повозке, запряженной кобылкой каурой масти по разбитой сельской дороге.

Париж бурлил днем и ночью. Выставки модных художников и пышные званые обеды, премьеры популярных драматургов и концерты не менее популярных композиторов, осенние распродажи в лавочках и в новых шикарных магазинах, уличные музыканты и просто толпы гуляющих. Все это будоражило, вовлекало в бесконечный праздничный водоворот, всех лишало сна и возможности хоть как-то осмыслить происходящее вокруг.

Недаром какой-то маркиз заметил: «Париж — это праздник, который всегда!». Трудно не согласиться с подобным утверждением. Тем более, в первой половине девятнадцатого века.

Главной достопримечательностью Парижа тех времен были вовсе не бульвары Елисейских полей, и не набережные красавицы Сены. Не выставки молодых художников и не вечерние огни театральных премьер. Не Мон-Мартр и даже не самые очаровательные женщины в мире.

Главной достопримечательностью Парижа был один единственный человек. Знаменитый писатель и драматург Александр Дюма!

Высокий, стройный, с копной вечно взлохмаченных волос, с маленькими усами и большими, выразительными глазами, в кричаще-ярких и пестрых жилетах, он появлялся в самых неожиданных местах и уголках Парижа и заставлял все женские сердца биться

значительно громче стука их же собственных каблучков по тротуарам.

Все женщины любили Дюма. Дюма любил всех женщин. Можно было без преувеличения сказать: «Париж — это Дюма!», «Дюма — это Париж!». Оба утверждения были в одинаковой степени верны.

Каждый день его видели одновременно сразу в нескольких местах. Его фразы и выражения, вскользь брошенные, передавали из уст в уста, как самую важную политическую новость. Оценки, походя данные тому или иному человеку, становились ярлыком на всю жизнь.

Александрю Дюма завидовали все. Он не завидовал никому.

Той осенью у Дюма появилась мания преследования. Примерно уже с неделю мерещилось, будто его преследуют два типа. По очереди. Один толстяк. Здоровый, как бык. С красным носом. Другой маленький, как мышонок. Но тоже очень противный. Преследуют постоянно. В самых неожиданных местах подворачиваются под руку.

Не далее, как сегодня утром, прямо у служебного входа театра Комеди-Франсез перед Александром возник «мышонок».

— Сударь! Десять франков! На похороны брата близнеца!

Дюма никогда не отказывал в просьбах. Ни друзьям, ни нищим.

— Вот двадцать франков! Похороните обоих близнецов!

Широта натуры была главной его отличительной чертой. Он уже зарабатывал на пьесах и романах сотни тысяч франков в год. Правда, тратил вдвое больше. Постоянно находился в долгах. Кредиторы так и рыскали за ним по пятам, как гончие псы.

Но мерзкая парочка отнюдь не походила на кредиторов.

С толстяком, которого Дюма мысленно окрестил «быком», встреча состоялась еще раньше. Неделю назад Александр стоял на берегу Сены под деревом и наблюдал, как дятел-отец учит своего птенца долбить клювом по дереву. Забавное зрелище!

Почему-то вспомнился собственный отец. Генерал, во времена императора Наполеона командовавший Альпийской армией, был фантастической храбрости и отваги человеком. Для него не существовало невозможного. Однажды, где-то в Египте, на узком мосту он в одиночку отразил наступление целого эскадрона. Сына своего Александра, он успел научить очень-очень многому. Любить природу, охотиться на дичь...

Самая забавная история с ним приключилась в Алжире...

Но с удовольствием вспомнить эту историю Александр не успел.

— Как пройти в Национальную библиотеку? — раздался над его ухом сиплый голос. В нос ударила волна из чеснока и лука.

Дюма резко обернулся. Перед ним стоял какой-то бродяга. Сильно помятый, явно нетрезвый и очень воинственный.

— Тебе, приятель,.. — усмехнулся Александр, — не библиотека нужна, портовый кабак!

Несколько секунд писатель Дюма и наемный убийца Маркель, молча, смотрели друг другу в глаза.

«У-у-у, гад!» — думал Маркель. «Небось, купается в деньгах!».

«Забулдыга! Из провинции!» — думал Дюма. «Подрядился в речной порт сезонным рабочим. Наверняка, уже и оттуда выгнали. За пьянство. Силен, но ленив».

— Может, составишь компанию? — по-бычьи насупившись, спросил Маркель. И почти вплотную придвинул свое мясистое лицо.

В голосе его звучала просьба и угроза одновременно. И еще что-то, чего Дюма не угадывал, хотя считал себя неплохим психологом.

— Вот тебе пару монет! Выпей за мое здоровье! — сдержанно ответил Дюма. И резко повернувшись, пошел по набережной Сены.

Некоторое время он слышал за спиной сбивчивый топот ног. Потом перестал обращать внимания. И зря! Если бы еще тогда он был хоть чуточку подозрительнее, наверняка, разглядел бы, «бык» вовсе не был пьян. Он только притворялся.

Мания преследования была явно следствием перенапряжения. Дюма чудовищно много работал. Писал, как вол. Во Франции, (да что там Франция, во всей Европе!), не было второго такого писателя, который работал бы все ночи напролет. Спал по два-три часа. Содержал трех любовниц. Не считая мелких увлечений. Ежедневно навещал больную мать на тихой

улочке Сен-Дени. Устраивал званые обеды и вечера, о которых потом с восторгом судачил весь Париж.

Сегодня предстояла встреча с издателем «Ля Пресс» Жирардэном.

Открытое летнее кафе «У озера» располагалось на берегу Сены. Кто дал ему подобное нелепое название? В ответ на насмешливые вопросы хозяйка, чувствительная мадам Анисе, только загадочно улыбалась. Впрочем, название ничуть не влияло на количество посетителей. Из-под его шатров открывался чудесный вид на Собор Богоматери и на самую красавицу Сену.

Александр Дюма очень любил это кафе. Он частенько назначал деловые встречи за одним из его столиков.

Вчера Дюма получил письмо от своего соавтора Огюста Маке.

«Дорогой друг! С сегодняшнего дня я отказываюсь от своих прав на переиздание следующих книг, которые мы написали вместе, а именно: «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Королева Марго», и утверждаю, что Вы сполна рассчитались со мной за все в соответствии с нашей устной договоренностью. Ваш Маке.»

Письмо было очень кстати. Теперь Александр заткнет глотки всей этой своре мелких завистников, которые по всему Парижу поносят его честное имя! Грязные слухи, сплетни уже давно перешли грань позволительного, допустимого.

Первые пять лет напряженного труда Дюма, и внимания не обращал на сплетников и завистников. Куда от них денешься.

Теперь настал момент дать им решительный отпор.

Александр решил опубликовать в газете письмо Огюста.

Он отдавал должное благородству Огюста Маке. Редкий из соавторов может, вот так открыто, признаться, что играет вторую роль. Является лишь подмастерьем, помощником.

— Никак не могу понять, — пожал плечами Дюма, едва издатель Жирардэн, прочитав письмо, отложил его в сторону, — Чего не хватает Маке, чтоб самому стать талантливым писателем?

— Ему не хватает вашего таланта, — ответил Жирардэн.

— Порой мне его искренне жаль.

— Есть простое решение, — едва заметно усмехнулся Жирардэн.

Дюма удивленно вскинулся. Он очень любил простые, ясные решения. По его глубокому убеждению, именно в простоте и ясности раскрывается подлинный талант.

— Поменяйтесь ролями. Станьте вы его соавтором.

Дюма вздрогнул, будто его ударили дубиной по спине.

— Никогда!!! — пылко воскликнул Александр. — Никогда! Дюма никогда не были, и никогда не будут рабами!

Известный писатель явно погорячился. Всем было прекрасно известно, его бабка была полинезийской

рабыней, темнокожей красавицей. Отсюда, неистовый темперамент, фантастическая любвеобильность и все такое прочее. А что касается будущего....На все воля Божья.

Неделей ранее в уютной квартире с окнами на улицу Зеленая встретились две женщины. Две актрисы. Две яркие незаурядные личности. Встретились, чтоб поделить одного мужчину.

Крайне неблагодарное это занятие, делить мужчину. Попролам его резать, что ли?

Разумеется, мужчиной, которого предстояло «делить», был наш доблестный писатель и драматург Александр Дюма.

Он и сам обещал присутствовать, но почему-то задержался.

— Я родила ему дочь! — с места в карьер начала Мелани Серре, высокая, красивая брюнетка с огромными темными глазами.

— Достойное занятие для актрисы! — парировала Мари Дорваль, кукольная блондинка с серо-зелеными глазами. — Продолжай в том же духе, плоды будущих зрителей.

Несколько секунд обе женщины сверлили друг друга выразительными ненавидящими взглядами.

— Я играла героинь во всех его пьесах! — возмущенно продолжила Мари Дорваль. — Только благодаря мне он стал знаменитым! И что получила в благодарность?

— Я сыграла не меньше ролей в его пьесах! И тоже покинута!

Еще несколько секунд женщины выразительно молчали. Первой нарушила молчание, разумеется, Мелани Серре. Хозяйка, все-таки. Положение обязывает, как никак.

— В сущности, мы обе просто несчастные женщины.

— Но мы обе, Женщины! С большой буквы! — не успокаивалась Мари Дорваль. — Кроме того, мы обе, равно-талантливы!

— Как-как!?

— Равно-талантливы!

— Странное выражение!

— Последнее время у меня тяга к неординарным выражениям. Равно-талантливы! Ух! Даже дух захватывает! Ведь, одно время мы с тобой гремели. Ох, ка-ак гремели! На всю Европу!

— Ты, естественно, потише, я, естественно, погромче, — не удержалась Мелани Серре.

— Пустая бочка, естественно, гремит громче, — мгновенно отреагировала Мари Дорваль.

И опять несколько секунд женщины сверлили друг друга ненавидящими взглядами. И опять долго молчали. И опять первой нарушила молчание хозяйка, Мелани Серре.

— В конце концов, если отбросить все мелочное и наносное, мы с тобой...одного поля ягоды, — вздохнув, заявила она.

— Одного полета птицы! — тут же подхватила Мари. — Я, естественно, чуть повыше. Ты, естественно...

— Сухой лист всегда высоко носит! — в очередной раз не удержалась Мелани Серре.

В таком духе женщины беседовали еще довольно долго. Говорили друг о друге. Перечисляли взаимные ошибки и промахи. Потом несколько часов подряд, перебивая друг друга, говорили о Дюма.

В тот вечер женщины организовали тайное общество, «Актрисы против Дюма!». По их скромным подсчетам, не менее двадцати подруг жаждали вступить в подобное общество.

И планы у них были самые воинственные.

На той же неделе в первом антракте премьеры «Генрих Третий», убедившись, что и этот спектакль идет блистательно, Александр Дюма вышел из театра и пошел по узкой улочке в направлении дома, где проживала актриса Луиза Дебрео.

Был прекрасный вечер. Тихий и теплый.

В руке Дюма держал букет цветов, под мышкой длинную шпагу, подаренную ему в честь блистательной премьеры. Естественно, он не пристегивал шпагу к поясу. Его просто могли поднять на смех. Все-таки девятнадцатый век на дворе. Какой разумный человек станет разгуливать по Парижу со шпагой на боку. Те романтические времена давным-давно прошли.

Неожиданно перед самым его носом опять возник бродяга. Будто из-под булыжников мостовой вырос.

— Если дорога жизнь, топай за мной! — нагло прорычал Маркель. Разумеется, это был он. Кто еще-то!

— Не имею чести вас знать! — вспыхнул Александр.

Тон бродяги и весь его облик никак не соответствовали правилам приличия. Кроме того, изо рта его опять за версту несло дикой смесью чеснока и

лука, что в кругах, в которых вращался Дюма, уже само по себе являлось оскорблением и вызовом окружающим.

— Пожалеешь, пустой писака! — взревел Маркель.

Он зарычал, как разъяренный бык перед красным плащом и тут же цепко ухватил Александра за руку.

Это было уже слишком! Чтоб какой-то грязный бродяга хватал его за руку!? Его, автора самых популярных пьес, написавшего десятки романов, которыми зачитывалась вся Франция!? Его, перед которым склоняли головы принцы и маркизы, а принцессы всех мастей дарили благосклонными улыбками, (и не только улыбками!), Его, которому...

Впрочем, перечислением всех его заслуг и достоинств можно занять не одну страницу. Оставим это газетчикам.

Александр вырвал свою руку из лап «быка»-бродяги и так сильно оттолкнул от себя, что тот отлетел к стене дома, ударился об нее спиной и замер в оцепенении.

— Ах, вот ты ка-ак! — прорычал Маркель, явно не ожидавший такого яростного и мощного отпора.

Александр Дюма выхватил из-под мышки шпагу, вынул ее из ножен и, с намерением приставить ее к горлу бродяги, двинулся на «быка». Чтоб тот на коленях запросил пощады! На коленях!!!

Александр совершенно забыл, что шпага театральная, бутафорская, деревянная и не сможет причинить бродяге сколько-нибудь серьезного ущерба. У него давно уже все в голове перемешалось. Театр и жизнь, фантазии и реальность.

Маркель в свою очередь не стал дожидаться нападения, оттолкнулся от стены и, рыча, двинулся на Дюма. Александру не оставалось ничего другого! Он отбросил букет в сторону, схватил шпагу обеими руками и, что есть силы, треснул наступавшего бродягу прямо по голове! Шпага переломилась пополам!

Неизвестно, чем бы закончился этот поединок, но тут на счастье, одновременно со всех сторон распахнулись окна вторых этажей. На улицу понеслись вопли разбуженных обывателей:

- Мерзавцы! Негодяи!
- Господи! Дайте хоть чуточку поспать, умоляю!!!
- Немедленно прекратите! Вызовите жандармов!

Большинство жителей тихой улочки были в ярости и гневе. Из окон полетели остатки ужинов и уж вовсе самые неподходящие для метания предметы. На голову Маркеля вылилось целое ведро воды. С противоположной стороны полетел даже чей-то ночной горшок. К сожалению, он не достиг цели, пролетел мимо и, ударившись о мостовую, раскололся на мелкие части.

Бродяга-провинциал, явно непривыкший к подобной реакции столичных жителей, схватился за голову и, втянув голову в плечи, поспешно ретировался.

Александр Дюма, не обращая внимания на возмущенные вопли, торжественно раскланялся во все стороны, поднял с мостовой оброненный им букет и, вставив в ножны остаток шпаги, достойной походкой продолжил свой путь.

Правда, и он аплодисментов в свой адрес не слышал. В спину ему неслись те же угрозы и проклятия, что в адрес бродяги.

Через полчаса на пороге квартиры актрисы мадемуазель Марс Александр и думать забыл о каком-то бродяге.

Впрочем, в объятиях такой красавицы, каковой являлась несравненная мадемуазель Марс, любой забудет не только какого-то ничтожного бродягу, но и, наверняка, свое собственное имя. Потому неудивительно, что Александр совершенно забыл, поначалу он направлялся к актрисе Луизе Депрео. Просто, выходя из темного переулочка, свернул не направо, как следовало, а налево.

Но теперь это уже не имело значения.

Премьера пьесы Александра Дюма «Генрих Третий», как, впрочем, и все предыдущие его пьесы, поразила Париж. Легкость в обращении с «историческим материалом», искрометный юмор и неистовый темперамент подкупали даже самых искушенных зрителей.

Такого, блистающего драгоценностями партера, Комеди-Франсез еще не видела. Принцы, принцессы, дамы полусвета, писатели, художники. В одной из лож были замечены даже Беранже и Гюго. Что удивительно. Ведь всем известно, писатели не читают чужих книг, художники не смотрят картин своих коллег, а чтоб затащить драматурга на премьеру своего товарища по перу, нужно приложить недюжинные усилия.

Во втором антракте издатель Жирардэн и теперь уже бывший, (экс, так сказать!), соавтор Александра Дюма, Огюст Маке оказались стоящими рядом в центре вестибюля.

— Замечательный вечер! — с довольной улыбкой заметил Жирардэн, имея ввиду премьеру спектакля.

— Знаменательный день! — громко сказал Огюст Маке. Он явно имел в виду нечто совершенно иное.

В ответ на удивленно поднятые брови издателя, он с самодовольной улыбкой снисходительно пояснил:

— Знаменательный день для меня! Отныне я работаю только на себя самого. С Дюма покончено.

— Думаю, это не слишком сильно огорчит Александра.

— Мне больше нет дела до какого-то Дюма! — раздраженно бросил Огюст. — Скоро Парижу явится новый великий писатель, Огюст Маке! Запомните этот день.

— Стало быть, с литературной поденщиной покончено? — едва заметно улыбнувшись, спросил Жирардэн.

Но Огюст Маке едва ли услышал. Он уже явно примерял на себя манеры и повадки «великого писателя». Надменным и слегка презрительным взглядом окидывал театральную публику.

— Маке умер! Да здравствует Маке! — громко и даже как-то торжественно провозгласил Огюст Маке.

Гуляющие по вестибюлю недоуменно оглядывались на него. Но Маке этого не замечал. Был выше недоуменных взглядов. В буквальном смысле,

бегал глазами поверх голов, будто рассеянно кого-то искал.

«Однако-о!» — подумал Жирардэн. «У него амбиций и честолюбия на десяток писателей. Такие обычно плохо кончают».

Осень в Париже время исполнения желаний.

Подловила подлая парочка известного писателя на женщину. Ищите женщину — девиз Франции! А чего ее искать? Подходящую всегда найти можно. Были бы деньги.

Прекрасным осенним вечером Александр брел по тихой улочке к центру города. Стояла та самая пора, которой обычно поэты посвящают свои шедевры. Над крышами домов висела легкая дымка, она будто легкой паутиной окутывала весь город.

Неожиданно из темного переулка к Александру подскочила худенькая заплаканная цыганка. И теребя его за рукав, жестами, (очевидно, от рождения была немая!), попросила помочь. Из ее бессвязных жестов Александр понял одно, женщина нуждается в помощи.

Какой француз откажет женщине! И Александр Дюма, ни секунды не мешкая, ринулся в темный переулок кого-то там спасать. Хотя, спасти впору было уже его самого.

В переулке, рядом с повозкой, запряженной кобылкой каурой масти, Дюма увидел омерзительную сцену. Уже знакомый ему «мышонок» поставил перед собой на колени пышнотелую цыганку и душил ее обеими руками. Причем, делал это как-то вызывающе,

демонстративно. С наглой ухмылкой, поглядывая на приближающегося Александра.

Полногрудая цыганка умоляюще смотрела на Александра своими огромными, красивыми, темными глазами. И явно от страха не могла вымолвить ни слова.

«Достойна пяти баллов! По моей двенадцатибальной шкале!» — успел подумать Александр. И во всю силу легких крикнул:

— Эй, ты! Мерзавец!!!

И в ту же секунду получил чудовищный удар сзади по голове. В глазах у него потемнело. Хороводом заплясали яркие звезды. Они то выстраивались в фигуру Белой Медведицы, то образовывали Созвездие Скорпиона. Потом звездный хоровод в голове у Дюма погас, и его сознание погрузилось в полнейшую темноту.

2

Голова Александра гудела, как колокол Собора Богоматери. Руки и ноги были туго связаны кожаными ремнями. Вдобавок, поверх всего тела он был опутан толстыми веревками. Он лежал на спине в повозке и каждой мышцей ощущал неровности дороги. С кляпом во рту, он не мог издать ни звука.

Сквозь дырку в пологе, он видел только кусок голубого неба, да слышал мерный топот лошади. Наверняка, каурой кобылки.

Топот копыт, непрерывная тряска и головная боль. Волнами наплывали воспоминания...

- Знаете ли вы математику? Алгебру?
- Нет, генерал.
- Геометрию, физику, химию?
- Нет, генерал.
- Вы изучали право? Или знаете бухгалтерию?
- Ни малейшего понятия.

Генерал Фуа, все еще стройный и подтянутый, несмотря на свой почтенный возраст, в некоторой растерянности ходил по кабинету и напряженно всматривался в молодого человека, сидевшего на стуле возле его стола. Молодой человек был чудовищно молод, фантастически необразован и бесконечно похож на своего отца, доблестного генерала Дюма, с которым Фуа когда-то вместе служил в армии Наполеона.

- У вас есть какие-то средства к существованию?
- Никаких. Но я абсолютно убежден...

Генерал Фуа жестом прервал юношу и сел в кресло за свой внушительных размеров стол. Пододвинул юноше бумагу и перо.

— Напиши свой адрес. Я должен некоторое время подумать.

Юноша взял в руки перо, молниеносно что-то начертать на бумаге.

Когда генерал поднес листок глазам, на лице его появилось выражение удивления. И даже восторга.

- У вас прекрасный почерк! Это выход.

Почерк юноши и впрямь был превосходен. Изящные завитушки и элегантные хвосты, которым позавидует любой грамотный просвещенный человек. И писал юноша быстро, стремительно. Без ошибок и помарок. Будто скакал галопом на лихом скакуне.

Уже через два дня он служил в канцелярии герцога Орлеанского, штаб-квартира которого располагалась в Пале-Рояле, знаменитым своим театром Комеди-Франсез. Словно сама Судьба незаметно подталкивала юношу в спину к театру, к театру...

Разумеется, все свободные вечера юноша пропадал в театре. Аплодисменты слышались ему постоянно. Он был абсолютно убежден, очень скоро эти волшебные, завораживающие звуки восторга и одобрения будут звучать и в его честь.

И рукоплескания будут сопровождать его всю жизнь.

...Мерный топот копыт, фыркание каурой лошадки, да кусок голубого неба в дырке полога шаткой повозки...

Сознание то возвращалось к Александру, то покидало его... Постоянно вертелась в голове одна мысль:

«Жаль, не идет дождь!». Почему-то именно унылый, промозглый, осенний дождь, в восприятии Александра, должен был наиболее ярко иллюстрировать его нынешнее положение. Голубое небо над головой его только раздражало. Дюма и в этой ситуации воспринимал жизнь, как некий театральный спектакль.

— Алекс! Мальчик мой! Ты жив, жив...

Получив в подарок от отца первое в своей жизни ружье, (настоящее, двуствольное!), мальчик тут же ринулся на охоту. Лазил по болотам, оврагам. Блуждал по дремучим лесам в поисках добычи.

Пропадал четверо суток. Мать чуть с ума не сошла.

И вот теперь он стоял посреди комнаты. Истерзанный, исхудавший, в изодранной одежде искусанный комарами, но с добычей. В обеих руках он держал по паре фазанов и уток.

— Алекс! Мальчик мой! Наконец-то ты вернулся!

...Мерно топает кауряя кобылка, вздрагивает и подпрыгивает на ухабах шаткая, скрипучая повозка.

Сквозь пелену головной боли возникают картины...

Маленькая уютная квартира на окраине Парижа. На окнах герань. Поздняя ночь. Тусклая свеча то ярко вспыхивает, то вот-вот погаснет. В ее свете видна стоящая в углу комнаты колыбель. И сидящая возле нее миловидная женщина.

За столом сидит Александр, стремительно пишет. Страницы, одна за другой, будто белые голуби, вылетают из-под его пера.

Наконец он, прикрыв глаза, откидывается на спинку стула.

— Катрина! Помассируйте мне голову! Мысли застаиваются.

Миловидная, белокурая женщина послушно встает, осторожно отходит от колыбели и подходит к Александру. Встает за его спиной. Ее пальцы быстро и привычно бегают по волосам. От макушки к вискам, от макушки к вискам...

— Алекс! У вас волосы редеют! — обрадовано хихикает Катрина. — Скоро лысина появится!

Она с первого дня знакомства мечтает об этом. Ведь она старше Александра на целых восемь лет.

— Лысина украшает! Придает мужчине мужественности! — твердо говорит Александр, хотя и сам не верит в эту мудрость.

Прикрыв глаза, он несколько минут отдыхает, до конца ночи еще надо написать восемь страниц драмы для театра. И успеть прочесть две массивные книги. Генерал Фуа собственноручно составил для него список авторов, прочесть которых необходимо каждому молодому человеку. Тем более, если он собирается посвятить жизнь такому неблагоприятному ремеслу, как писательство.

В огромном списке — Эсхил и Шиллер, Платон и Мольер, Вальтер Скотт и Байрон. И еще множество других великих писателей. О существовании большинства из них Александр даже не подозревал.

Привычно бегают пальцы Катрины по волосам. От макушки к вискам, от макушки к вискам...

Мерно и уныло покачивается шаткая повозка...

Вправо-влево, вправо-влево...

Унылый цокот копыт и набегающая волнами головная боль...

— Вы дерзки и самоуверенны! Ваша пьеса слишком далека от совершенства!

Ведущая актриса Комеди-Франсез мадемуазель Марс взволнованно ходила по своей примерной. Перед ней посреди комнаты стоял красивый, молодой, начинающий драматург. Его пьесу «Кристина» она только что на Совете театра забраквала. В пух и прах.

— Я писал «Крестину» исключительно для вас! Долгими ночами, создавая свой шедевр...

— Шедевр!? Вы наглы и несносны!

— ...перед моими глазами стояли только вы! Я думал о вас, я мечтал о вас! Вы – моя «Кристина»!

Мадемуазель Марс плюхнулась в одно из кресел, несколько секунд жестким, оценивающим взглядом рассматривала молодого драматурга.

Дюма смотрел на нее с восторгом и обожанием.

— Вы дерзки и самоуверенны! И дурно воспитаны!

— Ничего подобного! Внутри я застенчив, робок и целомудренен!

Не выдержав, мадемуазель Марс звонко расхохоталась.

— Очевидно, это настолько глубоко спрятано внутри, что...

— Вот-вот! — кивал головой автор. — Так же смеется и она, она «Кристина». Дайте время переубедить вас! Всего несколько минут!

Мадемуазель Марс опять несколько некоторое время молчала. Прищурившись, рассматривала молодого автора. Она явно походила на изящную кошку, которая решала: сейчас слопать наглую мышь или еще некоторое время поиграть с ней.

Наконец, глубоко вздохнув, она сдержанно кивнула.

— Приходите сегодня вечером. Знаете, где я живу?

— Ваш дом знает весь Париж! — пылко воскликнул начинающий драматург. И многозначительно добавил.
— Клянусь небесами...

— Только не дарите букетов! — поставила условие мадемуазель Марс. — Я устала от назойливых поклонников с их вечными букетами.

Поздним вечером Александр Дюма посетил актрису мадемуазель Марс. Разумеется, он ослушался. Преподнес огромный букет. Размеры того букета еще долго были предметом обсуждения всего Парижа.

Оба оказались в выигрыше. Александр Дюма получил премьеру в театре Комеди-Франсез. Мадемуазель Марс главную роль в спектакле по его пьесе. И заодно пылкого любовника.

...Наконец повозка остановилась. Послышались чьи-то шаги, полог откинулся. Прищурившись, Александр увидел уже знакомые физиономии подлой парочки, Маркеля и Жийопа.

Пока похитители вытаскивали Александра из повозки и с немалыми трудами несли куда-то, краем глаза он успел разглядеть. Повозка остановилась во дворе полуразрушенного замка. Явно вблизи деревни. Где-то вдалеке слышался лай собак и мычание коровы.

Кряхтя и сопя, подлая парочка долго волокла Александра по длинным коридорам и лестницам. Пару раз его очень прилично стучали об углы. Александр терпел. Сейчас было не до подобных пустяков. Затаившись, он ждал момента, когда его, наконец-то!, освободят от ремней и веревок...

Маркель и Жийоп внесли писателя в какую-то комнату, бросили на грязный топчан и быстро разрезали ремни с веревками.

Как только руки и ноги Александра оказались свободными от пут, он судорожно рванулся, с намерением вскочить на ноги и немедленно расправиться с похитителями. Но онемевшие

конечности сыграли с ним злую шутку. Просто отказались подчиняться.

Александр грохнулся на колени, потом завалился на бок и на спину. Тяжело дыша, он долго еще не мог прийти в себя.

Маркель и Жийоп, молча, скрылись за массивной дверью. Глухо звякнул с той стороны железный засов.

Александр Дюма лежал на полу. Медленно осматривался.

Комната представляла собой квадратный каменный мешок. В большое окно была вставлена внушительная решетка. В углу грязный топчан. В центре стол и стул. Вот и все.

Где-то вдалеке лаяла собака и монотонно мычала корова.

Сидя на земляном полу, растирая затекшие ноги и руки, массируя шею, Александр судорожно соображал.

Кто стоит за парочкой похитителей?

Вымогатели? Просто глупо. Весь Париж знает, у Александра Дюма долгов всегда ровно в два раза больше доходов. И эту пропорцию он соблюдает неукоснительно.

Кредиторы? Какой смысл лишать его свободы? От его заточения денег в их кошельках не прибавится. Только на свободе он может заработать и отчасти вернуть долги.

Мужья любовниц? Рогоносцы? Опять нет смысла. Похитители явно не собирались лишать его жизни. Зачем везти его куда-то к черту на рога? Не проще ли убить на окраине Парижа.

Приведя себя в относительную норму, Александр вскочил на ноги, бросился к двери и начал, что есть силы, колотить в нее кулаками.

— Эй! Негодяи! Отоприте дверь!!!

С той стороны послышались осторожные шаги. В двери распахнулось маленькое окошко, которое Александр поначалу и не заметил. В нем появилась мышинная мордочка Жийопа.

— Что вам угодно? — улыбаясь, вежливо поинтересовался он.

Александр просто вскипел от бешенства. Несколько раз в ярости ударил ногой по двери.

— Еще спрашиваешь, мерзавец!? Знаешь, кто я?

— Какой-то писатель... — пожал плечами Жийоп. — Простите, не читал ваших книг. Я вообще редко читаю книги...

— Отопри дверь!

— Не могу. Я выполняю свою работу.

— Кто тебе заплатил?

— Хозяин.

— Кто он такой?

— Не знаю. Он скрывает свое лицо. Вечером обещал приехать.

С этими словами Жийоп, с виноватой улыбкой, осторожно, но плотно закрыл окошко. За дверью послышались удаляющиеся шаги.

Александр еще несколько раз в ярости ударил ногой по двери. Но ничего не добился. Только сильно ушиб палец на правой ноге.

Несколько часов, (никак не менее!), Александр, разъяренным тигром метался по комнате. Пытался

выломать решетку на окне, простукивал стены, в надежде нащупать пустоты в толстых стенах замка, так и эдак, примерялся к двери. Все безрезультатно.

Положение его было откровенно безвыходным. Узник!!!

Вечером в комнате появился человек, одетый в приличное платье модного парижского покроя. Лицо его закрывала железная маска.

Маркель и Жийоп с большими дубинами в руках встали справа и слева от вошедшего. Их позы выражали готовность защитить его, если Александр вдруг вздумает напасть.

Как только вошедший заговорил, Александр, как ужаленный, вскочил с топчана. Он мгновенно узнал голос.

— Огюст!? Огюст Маке!!!

Были ли у Дюма завистники, соперники, враги? Ого-го, сколько! С одним из них, соавтором «Нельской башни, которая с оглушительным успехом выдержала более тысячи представлений, Фредериком Гайярде Александр даже стрелялся на дуэли. На пистолетах, на пяти шагах!!!

К счастью, оба промахнулись.

Постоянный успех у публики и читателей, фантастический успех у женщин всех возрастов и положений, не мог бесконечно радовать остальных представителей сильного пола. Представителей творческих профессий, в особенности. Нечто подобное

давно должно было произойти. Но чего хотел от него
Маке?

Александр сидел на стуле посреди комнаты и, демонстративно скрестив руки на груди, насмешливо наблюдал за Огюстом. За дурацкой железной маской невозможно было разглядеть выражение его лица, но Дюма был убежден. Огюст Маке пребывает в смятении.

Одно дело замыслить преступление, совершить его — совсем другая песнь. За подобное можно и головой поплатиться в нашей прогрессивной Франции.

Наконец Огюст откашлялся и решительно начал:

— Вы загубили мою жизнь, Дюма! Загубили мой талант!

Не выдержав, Александр иронически хмыкнул.

— Не смейтесь! Долгие годы я работал на вас, как раб! Те мелкие, ничтожные гроши, которыми вы расплачивались со мной...

— Гроши!? — взревел Александр.

Он вскочил со стула. Маркель и Жийоп с дубинами наперевес, тут же сделали предупредительное движение вперед.

— На эти, как вы выражаетесь, гроши, вы купили прекрасный дом! И направили учиться своих дочек в приличное заведение.

Александр сильно выдохнул и опять уселся на стул.

— К чему этот дешевый маскарад? — продолжил Дюма. — Напялили железную маску из страха, что я расквашу вам нос? Или подобью какой-нибудь глаз?

— Маска, мой образ. Я вживаюсь в него.

— Ваш образ значительно проще. Мелкий, подлый трус.

— Не пытайтесь оскорбить меня! И унижить мой талант!

— Невозможно унижить то, чего не существует в природе!

С улицы на решетку окна вспорхнули два воробья. Усевшись как на жердочке, они с любопытством заглядывали в комнату. Подслушивали! Послушать было что! Когда выясняют отношения двое писателей, причем, один из них — гений, у постороннего обывателя обычно рот открывается от изумления. Интересно-о!

— Вы сознательно оттесняли меня в сторону! Присваивали себе мои гениальные находки! Вы использовали меня, как женщину...

— Пошловатое сравнение! — поморщился Дюма.

— Не перебивайте меня! — почти закричал Огюст Маке. И даже топнул ногой. — Вы никогда никого не слушали! Вам просто неинтересны окружающие вас люди! Интересуетесь только самим собой!

— Теперь, судя по всему, положение изменится? — усмехнувшись, подсказал Дюма.

Огюст Маке не заметил едкой иронии, до того был взволнован и даже взвинчен. Он ходил по комнате взад-вперед, явно ощущая себя на большой сцене, на виду у тысяч поклонников.

— Я начинаю новую жизнь... — с пафосом говорил Огюст.

— Не поздновато ли? — не удержался Дюма. Как никак, Маке был на пятнадцать лет старше Александра. В таком возрасте... В этом возрасте пора поливать цветы

в собственном саду, где-нибудь на окраине Парижа. И почитать рыцарские романы. Или писать мемуары.

— Сегодня День Рождения!

— Поздравляю!

— Сегодня родился великий писатель, Огюст Маке!

У меня множество замыслов. Я намерен написать целую серию исторических романов. Вы будете помогать. Работать на меня, как я, все эти долгие годы, работал на вас.

— Держи карман шире, — пробормотал Дюма.

— У вас нет выхода, — злобно усмехнулся Маке.

Огюст Маке театрально хлопнул в ладоши. Послушный Жийоп быстро скрылся за дверью. Через секунду появился в комнате с кипой бумаги в руках. В зубах он держал гусиное перо.

Жийоп двинулся было к столу, но Александр бросил на него такой яростный и гневный взгляд, что «мышонок» невольно попятился и исчез за дверью. Это не смутило Огюста Маке.

— Вы целиком и полностью в моей власти! — заявил он. — Через пару месяцев Париж забудет вас. Ваше место займу я! Вернее, место... — спохватившись, добавил он, — принадлежащее мне по праву!

Александр понимающе кивал. Внутри он был дико раздосадован на самого себя. Как можно за долгие годы совместной работы не разглядеть, с кем имеешь дело!? Этот «вечно второй» и в самом деле вознамерился держать его в заточении. Использовать как раба.

Александр помотал головой, несколько раз сильно выдохнул.

Огюст Маке продолжал рассказывать по комнате, насмешливо поглядывая на Дюма. Это был миг его торжества.

— Я привез несколько книг. Исторические хроники. Ознакомьтесь с ними, — тоном школьного учителя продолжил Огюст. — Вам предстоит написать несколько романов по ним. Потом я пройду по рукописи своей рукой. Напечатаны они будут, разумеется, под моей фамилией. Справедливость будет восстановлена.

Александр Дюма молчал. Смотрел перед собой в одну точку.

— Не упрямитесь, Дюма, — снисходительно пожурил Маке, — В случае отказа, вы лишитесь воды и пищи. И долго не протяните.

Воробьи на оконной решетке возмущенно зачирикали.

— Ваша свобода в ваших руках. Быстрее напишите, быстрее выйдете. Надеюсь на ваше благоразумие, — настаивал Маке.

— Ни единой строчки не получишь! — рявкнул Александр Дюма.

Он порывисто встал и отошел к окну, давая понять, что их разговор окончен. И продолжать его лично он, Александр Дюма, известный писатель и драматург, книгами которого зачитывается вся Франция... ну, и так далее, не намерен. Ни под каким соусом.

Воробьи испуганно чирикнули и моментально исчезли с решетки.

Огюст Маке презрительно скривил губы и, сделав какой-то условный жест Жийопу и Маркелю, решительно направился к выходу. По пути он прилично

ударился плечом о косяк двери. Все-таки, в железной маске видно было плоховато.

Услужливый Жийоп поставил на стол миску с какой-то жидкой похлебкой и поспешно скрылся за массивной дверью.

Угрожающе звякнул с той стороны двери железный засов.

Александр Дюма стоял у окна и смотрел на улицу. Но сквозь решетку ничего, кроме куска голубого неба, видно не было.

Писатель может прожить без воды и пищи довольно долго. Без вина и женщин, еще дольше. Но попробуйте запереть писателя в комнате и лишите его пера и бумаги! Увидите, ЧТО из этого выйдет!!!

Александр Дюма лежал на грязном топчане совершенно неподвижно. Уже целую вечность.

Уже стихли гулкие шаги по коридору за тяжелой дверью.

Уже затих вдали шум отъезжающей кареты, увозящей мерзавца Огюста Маке.

Александр лежал без движения. Ему казалось, прошло уже дней десять его заточения. В действительности, не прошло и десяти минут, как он вскочил на ноги и начал метаться разъяренным тигром от стены к стене. Стучал в них кулаками, глухо рычал.

Потом бросился к двери. Стукнул пару раз в нее ногой.

— Эй! Мерзавцы! Перо и бумагу!

Почти мгновенно открылось маленькое окошко. В нем показалась услужливая мордочка «мышонка» Жийопа.

— Учти, негодяй! И передай своему напарнику! Как только вырвусь на свободу, повешу вас обоих на эшафоте!

— На эшафоте не вешают. На нем головы рубят. Вам ли не знать.

— Что-о!?

Жийоп в испуге слегка прикрыл окошко. Затем вновь осторожно открыл и начал, один за другим, передавать Александру довольно увесистые тома книг, пачки бумаг, перевязанные бечевкой, две свечи и связку остро заточенных гусиных перьев.

Взяв в руки первую из книг, Александр машинально раскрыл ее на первой попавшейся странице, и сразу же углубился в чтение. Не отрываясь от книги, принимал через окошко все остальное.

Оторвался лишь на секунду, когда Жийоп уже прикрывал окошко.

— Эй! Мерзавец! — крикнул Дюма, усаживаясь за стол.

В окошке опять показалось испуганное лицо Жийопа.

— Отправь своего напарника в ближайший трактир! Немедленно!

— Зачем, извольте спросить?

— От вашего подлого варева у меня, того гляди, разыграется... этот, как его?.. Гольфстрим!

— Вы хотели сказать, «гастрит», — осмелился уточнить Жийоп.

— Что-о!? — грозно вскинулся Дюма.

— «Гольфстрим», течение. «Гастрит», болезнь желудка. Вы, вероятно, имели в виду...

— Много рассуждаешь, бандит! Не забывай, твое место на эшафоте! — раздраженно бросил Александр, по-прежнему не отрывая глаз от страниц книги. — Пошел с глаз долой!

Александр всегда читал, как и работал, впрочем, как делал и все остальное, запоем. Потому в такие моменты мало интересовался происходящим вокруг. Сейчас ему было уже абсолютно все равно. «Гольфстрим», «гастрит». Оба хуже.

Александр с головой ушел в «приключения графини де Шарни».

К вечеру того же дня Александр Дюма уже писал.

Еще никогда в жизни Александр не работал столь быстро и плодотворно. Парадоксально, но впоследствии, он будет вспоминать эти минуты, часы и дни, как самые счастливые в своей жизни. За время заточения он создаст сразу несколько незаурядных исторических романов.

И в голове его родится великий замысел! Написать в романах историю Франции! Да что там, Франция! Написать в романах историю всего Средиземноморья!

Издатель Эмиль Жирардэн сидел в кабинете за столом и, задумчиво покуривая трубку, рассеянно улыбался. Перед ним на столе лежала только что

прочитанная рукопись нового исторического романа «Шевалье де Мэзон-Руж». Жирардэн был в восторге.

Единственное, что смущало опытного издателя, это имя автора. С таким блеском, мастерством, легкостью и изяществом во Франции мог писать только один человек.

И имя его было отнюдь не «Огюст Маке».

Загадочное исчезновение популярного писателя Александра Дюма взбудоражило всю общественность. Уже более месяца по Парижу волнами циркулировали слухи.

Одни говорили, будто Дюма уехал в Африку охотиться на львов. И был там уже трагически съеден озверевшей стаей хищников. Имелся даже свидетель. Один из, якобы, друзей детства, который отправился вместе с Дюма и тоже участвовал в «загоне» (!?) львов. Но подвернул ногу и был вынужден вернуться в лагерь. Потому и уцелел.

Газетчики отыскиали «друга детства» в одном из портовых кабачков на берегу Сены. Но ничего вразумительного не смогли добиться. «Свидетель» только икал и, размазывая по лицу пьяные слезы, без конца повторял: «Бедный Алекс! Бедный Алекс!».

Другие говорили, будто он внезапно отправился в пешее путешествие на Северный полюс. И окончательно замерз во льдах. Откопать его тело возможно будет только следующей весной. Когда пригреет солнце. Нужно снаряжать специальную экспедицию.

Третьи по привычке утверждали, тут замешана женщина. Дочь китайского императора, проживающая в Алжире. И в совершенстве владеющая колдовскими чарами. Якобы она, прочитав все романы Дюма, (что само по себе сомнительно, ввиду их неимоверного количества!), заочно влюбилась в писателя и особым заговором выманила его из Парижа. Дескать, далее уже было дело техники. Писателя повязали и заперли в гареме у этой самой дочери китайского императора.

Справедливости ради стоит заметить, Дюма и раньше неоднократно покидал Париж. Много путешествовал. Естественно, каждый свой отъезд он обставлял самым незаурядным образом. С цветами, шампанским, со слезами на глазах поголовно у всех парижанок. С оркестрами и танцовщицами из близлежащего театра. Но надолго он не покидал Францию.

Если и случалось, ежедневно пачками забрасывал Париж своими письмами. Почтальоны во времена его кратковременных путешествий, ходили со второй дополнительной сумкой. Друзья, многочисленные любовницы и просто поклонники могли с точностью до километра отслеживать все его перемещения.

Словом, слухи были один нелепее другого.

Особенно волновались женщины. Тайное общество «Актрисы против Дюма!», как-то само собой, перестало быть тайным. И незаметно переродилось в полную свою противоположность. Впору его было переименовывать в общество «Актрисы, жаждущие Дюма!».

Влиятельные дамы всех мастей и возрастов, с утра до вечера донимали своих супругов требованиями принять самые экстренные меры к розыску Александра Дюма.

В кабачках, в открытых кафе, в театрах и светских салонах только и разговоров было. Где Дюма? Что с ним? Как жить без Дюма?

К исходу второго месяца Жирардэн получил через посыльного от Маке второй роман «Ожерелье королевы». И не на шутку забеспокоился. Прочитав несколько страниц, отложил роман в сторону. Раскованность автора, его стиль, способность перевернуть исторические факты с ног на голову и сделать это чертовски убедительным! Что это?

Жирардэн слишком хорошо знал Дюма. Недаром долгие годы был его издателем. Не менее хорошо он знал и Огюста Маке. Талантами не становятся в одночасье. В ночь с воскресенья на понедельник.

И Эмиль Жирардэн решил действовать.

Генеральша мадам Дюма возлежала на кровати, в окружении подушек и романов сына. Виднелись обложки. «Графиня де Монсоро», «Королева Марго», «Сорок пять». Она перечитывала их постоянно и даже писала свои замечания на полях.

Как только Жирардэн переступил порог ее комнаты, она заявила, «концепция исторической предопределенности в корне противоречит идее естественного монархизма!».

Жирардэн ничего не понял, но на всякий случай, кивнул.

Беседовали недолго.

Жирардэн не любил разговоров о литературе. Он не разговаривал. Он ее делал. Издавал, редактировал, пропагандировал.

Мадам Дюма наоборот. Очень любила поговорить о литературе вообще. О романах сына, в частности. В основном, с критической точки зрения. Сына она любила самозабвенно. Он до боли напоминал ей мужа, генерала Александра Дюма. Но сын всячески, под разными предлогами, избегал серьезных разговоров с матерью. Отдуваться, как правило, приходилось другим.

Из короткого, но насыщенного литературными терминами разговора, Жирардэн успел понять главное.

Александр не появлялся у матери ровно два месяца.

Улучшив момент, когда мадам Дюма начала продолжительно чихать в батистовый платочек, Жирардэн поднялся со стула и, пожелав ей богатырского здоровья, стремительно скрылся за дверь.

Через час он был уже в Пасси, на самой окраине Парижа, где в уютной квартирке проживала скромная белошвейка Катрина Лабе. С сыном. Нетрудно догадаться, мальчика звали тоже Александром.

Александр Дюма третий.

Уже поднимаясь по лестнице, Жирардэн почему-то подумал, он напрасно приехал в Пасси. Александра Дюма явно не было и здесь.

Сама Катрина Лабе, слегка располневшая, сидела в кресле у окна и вязала спицами что-то такое бесконечное. Александр Третий сидел за столом и, прикусив язык, сосредоточенно писал.

«Только этого не хватало!» — невольно подумал Жирардэн, едва переступил порог квартиры и увидел пишущего мальчика за столом.

«Второго Дюма Франция не выдержит!».

При всей любви к Дюма и материальной заинтересованности в нем, (как-никак издание романов приносило огромные деньги!), Жирардэна порой угнетала фантастическая плодовитость писателя.

В Париже уже не было самого захудалого театра, в котором не шла бы какая-нибудь из пьес или переделок Дюма. Не было ни одной газеты, в которой не печатался какой-либо роман с продолжением. Возникло странное ощущение, Дюма просто вытеснил всю пишущую братию куда-то на обочину. Сам единолично восседал на литературном Олимпе.

Были, конечно, другие. Гюго и Бальзак, например. Но взгляды всей читающей публики, (особенно женщин!), были направлены исключительно в сторону Дюма.

— Алекс! Не сутулься! — строго сказала Катрина.

«Неужели и он станет писателем?» — думал Жирардэн, удобно усаживаясь в кресло. Он довольно часто навещал Катрину, когда приходилось разыскивать Дюма по своим издательским делам. Какими-то неведомыми путями, (женская интуиция, не иначе!), Катрина всегда узнавала, где в данную секунду находится Александр.

— Алекс! Не сутулься!

Сегодня Катрина доброжелательно улыбалась Эмилю и рассеянно слушала его обстоятельные взгляды на парижскую погоду. В ее глазах Жирардэн не заметил и тени беспокойства или тревоги.

На сей раз хваленая женская интуиция, не иначе, крепко спала.

Катрина даже не слышала об исчезновении Дюма.

Пара любопытных воробьев ежедневно, пролетая мимо полуразрушенного замка, подлетали к решетке знакомой комнаты и устраивались на ней, как на жердочке. Любопытство в крови у этих пернатых.

Две пары маленьких глаз внутри видели одну и ту же картину. Заросший бородой, взлохмаченный человек, с фанатично горящими глазами, что-то постоянно бормотал вполголоса и тут же быстро записывал на бумаге. При этом умудрялся листать одну из книг и читать вторую. Весь стол в беспорядке был завален исписанными листами.

Иногда бородатый человек вскакивал, метался по комнате и со злостью стучал кулаками в стены.

Один раз он даже выскочил на середину комнаты и, широко раскинув руки, заорал во все горло:

— Коня-а! Пол-Франции за коня-а!!!

Пара пернатых уже присели от страха и готовы были лететь куда подальше. От греха. Но бородатый человек мгновенно успокоился, сел за стол и, кровожадно усмехаясь, начал опять что-то писать.

В редкие минуты он был спокоен и подозрительно миролюбив. Бросал на подоконник возле решетки крошки со стола.

— Цып! Цып! Цып! — говорил он хриплым голосом.

Но пернатые были начеку. В комнату не залетали.

— Через пару лет я построю настоящий замок! — мечтательно бормотал бородатый человек. — Не чета этой развалюхе. В моем замке места хватит всем. Прилетайте в гости. Через пару лет, где-нибудь южнее Парижа возникнет настоящая сказка-а!

Он расхаживал по комнате и, закинув руки за голову, улыбался.

Воробьи переглядывались, но в комнату не залетали. Явно не верили бородатому человеку. И совершенно напрасно.

Александр Дюма никогда не бросал слов на ветер.

Знаменательная встреча Эмиля Жирардэна с Огюстом Маке состоялась в кафе «У озера». За любимым столиком Александра Дюма. Имя самого Дюма ни разу не было произнесено вслух. Но оно будто бы висело в воздухе.

Если б за соседним столиком оказался какой-нибудь любопытный стенографист или газетчик, который записал бы весь разговор, начинающим литераторам всех последующих поколений, (и не только им!), было бы чрезвычайно поучительно.

Жирардэн и Маке были в кафе абсолютно одни.

— Как ваше здоровье? Спите хорошо? — спокойным и доброжелательным тоном начал Жирардэн.

Он появился в кафе первым, успел заказать себе большую чашку турецкого кофе. Сейчас с удовольствием прихлебывал из нее.

Огюст Маке сразу насторожился. Вообще, в последнее время он стал каким-то нервным, испуганным. Постоянно вздрагивал.

— Что вы имеете ввиду? — быстро спросил он.

— Ничего, — невозмутимо пожал плечами Жирардэн. — Поинтересовался вашим здоровьем. Только и всего.

Огюст Маке решил пойти в наступление. Смелость, говорят, даже города берет. Не только парижские издательства.

Он придвинул стул, сел напротив Жирардэна и, кивнув на две объемистые рукописи, лежащие перед издателем, небрежно спросил:

— Итак! Когда вы начнете печатать мои романы? Когда я могу рассчитывать на их выход в свет? Есть какие-либо принципиальные замечания, уточнения?

Жирардэн отхлебнул из чашки изрядный, обжигающий глоток кофе, посмаковал его несколько секунд и удовлетворенно улыбнулся.

— Я вовсе не буду их печатать, — отозвался издатель. — Убежден, ни один из уважающих себя парижских издателей, находясь в трезвом уме, не станет их печатать.

Огюст Маке побледнел. Через мгновение покраснел. Он явно не ожидал такого поворота событий.

— Думаю, вы и сами отлично понимаете, почему никто не станет печатать оба этих романа, — спокойно закончил Жирардэн.

С этого мгновения он будто потерял всякий интерес к Маке. Даже смотрел мимо него. Куда-то вдаль, на тот берег реки.

Кстати, на том берегу группа рыбаков вытаскивала из двух лодок сети. Явно они только что вернулись с ночного лова. Через воды Сены даже в кафе долетали отдельные слова залихватской рыбацкой песни. С уловом все было в порядке.

Именно этот отсутствующий, наблюдающий с интересом за рыбаками на том берегу Сены, взгляд окончательно добил Огюста Маке. Он достал из кармана платок и начал вытирать обильно выступивший на лбу пот.

Жирардэн по-прежнему смотрел мимо него. Рассматривал рыбаков на противоположном берегу Сены.

— У вас две дочери? — неожиданно спросил он.

Огюст Маке, судорожно сглатывая, кивнул. Он уже не мог из себя выдавить ни слова, до того разволновался.

— Подумайте о детях, Маке! — вздохнув, сказал Жирардэн. — Что вы им оставите в наследство? Какие взгляды они будут ловить на себе, когда подрастут? О чем будут шептаться за их спинами? Что будут говорить открыто, прямо в глаза?

Жирардэн надолго замолчал. Огюст Маке смотрел на издателя испуганными глазами. Все сказанное Жирардэном, уже не раз приходило в голову и ему самому. Тревожило, не давало спокойно спать по ночам, мучило кошмарами.

— Подумайте о детях, Маке! — повторил Жирардэн. И наконец-то, посмотрев прямо в глаза Огюсту, тихо добавил. — Доброе имя, дорогой мой, тоже значительный капитал.

Это была последняя встреча Жирардэна с Огюстом Маке. Больше их пути никогда не пересекались, хоть и проживали они в одном городе.

Далее случилось невероятное. Огюст Маке пропал. Вышел утром из дома и в воду канул. Причастные к литературному миру парижане не на шутку забеспокоились. Но выжидали. Неизвестно чего.

А когда из Парижа исчез Виктор Гюго, разразилась настоящая буря. Газеты пестрели заголовками. «Нация обезглавлена!», «Кому выгодна гибель французских писателей?».

Писали, будто в Сене завелся какой-то зверь доисторической породы, который по ночам вылезает из воды и пожирает исключительно писателей. Как он при этом отличает пишущих от простых смертных, не уточнялось.

Писали о какой-то банде головорезов из Южной Америки. Будто они, (тоже под покровом ночи!), охотятся на французских писателей, похищают их и увозят к себе в Амазонию, чтоб быстро и качественно

улучшить породу образованных людей в своей дикой стране.

В городе началась паника. Наиболее отчаянные из поклонниц предлагали своим кумирам, (писателям, актерам, музыкантам), себя в постоянные провожатые. И даже в бесплатные охранницы.

Газетчики совсем обезумели. Требовали закрыть границы страны. В Париже провести поголовную перепись взрослого образованного населения. Чтоб доподлинно знать, кто из французских писателей, пока еще, цел и невредим.

Не обошлось без шутников. На стенах парижских зданий появились листовки со списками пропавших без вести. При ближайшем рассмотрении оказалось. Перечисленные скончались от холеры еще двадцать лет тому назад. Началась охота и на шутников.

В действительности, Виктор Гюго просто переселился в деревню. Совсем рядом с Парижем. Он и раньше часто уезжал, чтоб в тишине и покое спокойно поработать.

Что касается Огюста Маке. Дело обстояло еще проще. Его обуял страх. Самый обыкновенный, панический. После беседы с Жирардэном он до такой степени перепугался, что, даже не попрощавшись с женой, не поцеловав дочек, уехал к своей двоюродной тетке, проживавшей в одиночестве в глухой провинции, и забаррикадировался в ее сарае, вместе с овцами и курами. Прямо Сервантес на склоне лет!

Огюст Маке, как одинокий страус в пустыне, спрятал голову в песок, надеясь, все как-нибудь само собой образуется.

Между тем, женщины всего Парижа, (актрисы в особенности!), страдали неимоверно. И когда их страдания достигли своего апогея, бедные женщины парами и по одиночке попадали на колени и начали истово молиться.

Молилась пресвятой Деве Марии актриса Луиза Депрео.

Молилась, обливаясь слезами, актриса Мари Дорваль. Разумеется, не отставала от нее и Мелани Серре.

Молилась о спасении прекрасной души Александра актриса мадемуазель Марс, искренне веря, только ее молитва поможет делу.

В Соборах и церквях, в маленьких гримерных и в уютных спальнях, женщины молились...

И пресвятая Дева Мария вняла страстным молитвам сразу стольких истерзанных женских душ. И случилось чудо...

...Со стороны Ла-Манша, чуть ли не из самого Лондона, на город надвинулся странный белесый туман. Будто белым покрывалом накрыл этот белесый туман славный город Париж со всеми его пригородами и окрестностями.

Редкие газовые фонари на бульварах и улицах давали уже не больше света, чем светлячки на болоте в лунную ночь.

Как только наступил вечер и белесый туман заполнил собою улицы, площади и переулки, люди в

страхе попрятались по домам и даже закрыли ставни на окнах.

Именно в этот момент на одной из центральных улиц появилась четверка молодых людей в несколько странных одеяниях. Они будто бы сами соткались из этого белесого тумана.

На каждом были высокие сапоги с ботфортами, светло-голубые камзолы и шляпы с черными перьями. Поверх камзолов красовались роскошные, шитые золотом, перевязи с прикрепленными к ним длинными шпагами.

Четверо молодых людей оглядывались по сторонам и с удивлением обменивались многозначительными взглядами.

— Давненько не бывал я в славном городе Париже! — громогласно заявил самый крупный из них. Он таращил свои голубые, выразительные глаза и сторонам. И явно не узнавал окружающих зданий.

— Без малого, двести лет, — отозвался другой, задумчиво пощипывая себя за мочку уха. На лице его блуждала легкая улыбка.

— Париж изменился не в лучшую сторону! — присоединился третий, поразительно похожий на Дон-Кихота. Кончики его красивых усов воинственно торчали вверх. — Помню, когда я впервые въехал на своем желто-рыжем коне через Сент-Антуанские ворота...

— Дорогой Д, Артаньян! — вежливо перебил его тот, который непрерывно дергал себя за мочку уха. — Историю вашего появления в Париже знает любой, умеющий читать мальчишка. В любой стране, на всех

континентах. И нет никакой необходимости просвещать нас на этот счет. На зубах навязло!

— Послушайте, Арамис! — несколько раздраженно отозвался тот, которого называли Д, Артаньяном. — Вы меня постоянно перебиваете! Я не мальчишка! Мне это уже порядком осточертело!

— Что вы хотите этим сказать? — так же вежливо поинтересовался Арамис. Но в глазах его будто сверкнула молния.

— Только то, что сказал!

— Можете это повторить?

— Сколько угодно!

— Друзья мои! Арамис! Д, Артаньян! — добродушным тоном попытался примирить их самый крупный. С голубыми глазами. (Наверняка, его звали Портос. Как же еще!). — Вы как дети, даю слово!

— Нисколько!

— Удивляюсь, что вы до сих пор не продырявили друг друга вашими шпагами.

— Всегда к вашим услугам! — с вызовом ответил Д, Артаньян.

— Если у вас есть хоть малейшее сомнение насчет моей готовности, быть к вашим услугам, вы глубочайшим образом заблуждаетесь! Я тоже всегда готов к вашим услугам!

Вымолвив эту длинную тираду, Арамис равнодушно посмотрел по сторонам, и демонстративно зевнул, прикрыв рот платком.

— Ах, вот вы ка-ак!!! — воскликнул Д, Артаньян.

Неизвестно, чем бы закончился этот, вспыхнувший на пустом месте, конфликт, не вмешайся четвертый. Его

красивое благородное, бледное лицо было непроницаемо.

— Друзья мои! — равнодушным взглядом окидывая незнакомые здания, сказал Атос. — Я вовсе не для того назначил вам эту встречу. Нам предстоит долгий путь. И ответственная миссия.

— Вынужден отказаться! — тут же заявил Д, Артаньян. Он еще явно не успел остыть. — Мне необходимо срочно навестить госпожу Бонасье. Речь идет о чести королевы, черт возьми! И дело не терпит ни малейших отлагательств. А посему...

— Я тоже предпочел бы потратить время на изучение богословия. Как вам известно, я намерен стать аббатом. Сейчас тот самый подходящий случай.

Атос понимающе кивнул и перевел взгляд на Портоса.

— Что касается меня, и шага не сделаю, пока не наполню свой желудок. Я голоден, как стая волков, — возмущенно ответил Портос.

— В таком случае, прошу прощения, что потревожил вас! — ответил Атос. — До скорой встречи, друзья мои!

Атос отвесил всем троим легкий поклон и, резко повернувшись, пошел вдоль по улице. Один.

Трое друзей, молча, смотрели ему вслед. Атос не оглядывался. Еще немного и его фигура уже скрылась бы в белесом тумане.

— Один за всех! — неожиданно вырвалось у Д, Артаньяна.

— И все за одного! — едва слышно, как эхо, отозвались Портос и Арамис.

— Атос! Атос! Погодите! Мы с вами! — крикнул Д, Артаньян.

Атос замедлил шаг, остановился. Медленно повернувшись, оглянулся. Расстояние до него было значительным, и трое друзей не могли видеть едва заметной улыбки, мелькнувшей по его губам.

Портос трижды громко хлопнул в ладоши. В то же мгновение сзади послышался цокот копыт. На пустынной улице появилась четверка великолепных, уже оседланных коней. Каждый из них послушно подошел к своему хозяину и даже слегка наклонил голову.

Четверо мушкетеров вскочили в седла и, покачивая перьями на шляпах, медленно двинулись к центру города.

— Не узнаю! Ничего не узнаю! — качал головой Портос.

За долгие годы отсутствия молодых людей, город, действительно, изменился до неузнаваемости. Все без исключений здания подверглись кардинальной перестройке. Возникли целые новые улицы и переулки. Некогда двухэтажные здания выросли до пяти, шести этажей.

Только Люксембургский сад остался прежним. Пересекая его по диагонали, четверка молодых людей обменялись довольными улыбками. У каждого были свои воспоминания, связанные с этими местами. Дуэли, тайные свидания, дуэли, опять свидания...

Но уже в квартале, примыкавшем к Люксембургскому саду, проезжая мимо театра «Одеон», мушкетеры опять перестали узнавать

окружающее. Даже сам центр города, знаменитый Собор Богоматери, и тот подвергся реконструкции. Сплошное разочарование.

Все дальше молодые люди удалялись от центра города. Все быстрее становился бег их конец. И ни на одной улице они не увидели ни одного прохожего. Город буквально вымер.

А когда они выехали за городскую черту, Атос, скакавший первым, обернулся и, стараясь перекричать громкий топот коней, воскликнул:

— Наш путь лежит на Север!

Не разбирая дороги, перескакивая через поваленные бревна и даже мелкие реки, через поля, луга и леса, стремительно летела четверка отважных всадников. И было что-то завораживающее в этой стремительной, безудержной скачке.

Так и мчится эта великолепная четверка сквозь годы, сквозь столетия и по сей день...

4

Въехав на центральную площадь, вернее, на центральную лужайку деревушки, всадники дружно соскочили с коней, привязали их к большому ветвистому дереву, растущему около покосившегося от времени трактира и, не сговариваясь, устремили взгляды на возвышавшийся в отдалении старый, полуразрушенный замок.

— Мы у цели! — негромко сказал Атос.

Некоторое время мушкетеры стояли в неподвижности. Атос смотрел на замок прямо и просто. Лицо его, как обычно, не выражало никаких чувств. Д, Артаньян презрительно морщился и нетерпеливо вздыхал. Арамис бубнил себе под нос какую-то замысловатую мелодию и по традиции теребил себя за мочку уха.

Один Портос вообще не смотрел в сторону замка. Голова его была повернута в сторону трактира, из-за приоткрытой двери которого доносились самые разнообразные запахи.

— Необходимо уточнить количество неприятельских солдат, — тем же негромким голосом произнес Атос. — Арамис! Зайдите с северной стороны! Д, Артаньян, с южной!

Арамис и Д, Артаньян согласно кивнули головами. Портос тоже зачем-то кивнул, но взглядом по-прежнему сверлил дверь покосившегося трактира. Ноздри его шумно вздымались.

— Я проведу разведку с восточной стороны. Вы, Портос...

— А я намерен сначала подкрепиться! — не оборачиваясь, ответил Портос.

С этими словами он решительно двинулся в сторону трактира. Он шел, как идет бесстрашный солдат на приступ крепости Ля-Рашель.

Трое мушкетеров громко рассмеялись и, покачав головами, разошлись в разные стороны.

Портос подошел к двери трактира и пинком ноги распахнул ее.

Хозяйка трактира мадам Бонвиль скучала. Постоянно, безутешно и уже как-то даже привычно. Редкие посетители из местных крестьян и заезжих торговцев, естественно, не могли пробудить, дремавшую до поры, до времени, в ее душе огромную лавину чувств. Когда-то она держала такой трактир на окраине Парижа. Была дважды замужем, но оба раза крайне неудачно. Описывать ее мужей, только бумагу переводить, не стоят они того. Теперь же, еще полная сил и всевозможных желаний, прозябала в «этой степи». «Степью» мадам Бонвиль называла саму деревню, ее окрестности и даже полуразрушенный замок.

Умом и сердцем она понимала, что просто неудачно родилась, не в свое время. Ей бы родиться лет двести назад...

Увидев на пороге твоего трактира гиганта с голубыми глазами, в голубом камзоле, да еще со шпагой на боку, мадам Бонвиль ощутила нечто странное. Впервые за долгие годы на ее лице появилась улыбка, которая... Которую можно описывать бесконечно, и все равно ничего толком не объяснить.

Портос, увидев мадам Бонвиль, твердой поступью мушкетера подошел к стойке, вперился в бедную женщину и обрушил на нее всю мощь своего мужского обаяния.

— Скажите, милейшая... — начал Портос, улыбаясь и закручивая правый ус вверх, и только вверх.

— Я согласна! — поспешно прошептала хозяйка. Мыслей у нее в голове уже не было никаких. Остались одни чувства.

— Разумеется! — кивнул Портос.

Наметанным глазом опытного сердцееда, он, разумеется, заметил. Вырез ее платья наглядно демонстрировал, что французская мода за последние двести лет ушла ох, как! далеко вперед. Стала глубже, содержательнее, объемнее. Точнее сказать, стала раскованнее.

Вернувшиеся из разведки мушкетеры застали Портоса за столом в окружении несметного количества разнообразнейших блюд.

— Друзья мои! Вы могли бы не утруждать себя! — невозмутимо заявил он. — Мадам Бонвиль, (Портос бросил на хозяйку многозначительный взгляд!), мне уже подробно доложила обстановку.

Кстати, с какой скоростью, вкусом, вкусом и азартом Портос обычно поглощал пищу, вопрос особый. Видевший впервые это зрелище, всегда застывал в оцепенении и немом восторге.

В подобном состоянии находилась сейчас и мадам Бонвиль. Она во все глаза смотрела на Портоса, и изумлению ее не было предела.

Она весело похохатывала. И подносила все новые и новые блюда.

Мушкетерам такое зрелище, разумеется, было не в диковину. И не такое видывали. Трое молодых людей уселись за стол и дружно присоединились к своему товарищу.

— В замке обитает не менее пятнадцати человек! — громогласно вещал между тем Портос, держа в обеих руках по куропатке и попеременно откусывая то

от одной, то от другой. — Именно столько провианта они заказывают ежедневно.

— Пустяки! — беспечно отозвался Д, Артаньян.

Он снял с головы шляпу и ловко метнул ее на единственный крючок, прикрепленный к стене у самой двери.

— Согласен с Д, Артаньяном, — негромко сказал Арамис. — По три-четыре неприятеля на каждого из нас. Сущие пустяки.

— Штурм замка назначаю на вечер! — обычным, ровным тоном объявил Атос. Так, будто речь шла, действительно, о легкой прогулке на свежем воздухе перед приятным ужином.

Тут тихо скрипнула дверь, в ней показались головы двух молоденьких, симпатичных монашек, непонятно каким образом оказавшихся в «этой степи». Они, смущенно улыбаясь, смотрели на Арамиса.

Арамис поднялся из-за стола и, слегка нахмурившись, сказал:

— Прошу прощения, друзья мои! Я отлучусь всего на несколько минут. Необходимо прояснить один щекотливый богословский вопрос.

Он отвесил всем троим церемонный и поклон и, надев шляпу, вышел из трактира. До сидевших за столом со двора донесся девичий смех.

Оставшуюся часть дня доблестные мушкетеры провели за столом в бесконечных воспоминаниях о делах давно минувших.

Штурм замка начался, когда солнце уже висело над горизонтом. Все происходило по плану, тщательно

разработанному Атосом. Каждый выполнял свою, поставленную перед ним задачу.

Ловкий Арамис, используя трещины между камней, вскарабкался по почти отвесной стене и проник в северную башню замка. Д, Артаньян поступил еще проще. Влез на дерево, растущее у южной стены и, раскачавшись на ветвях, спрыгнул во двор. Через минуту он был уже в коридоре южной части.

Портос пошел на приступ через центральные ворота. Разбежавшись, он с такой силой ударил в них грудью, что шаткие створы тут же рухнули на землю. Портос ступил во двор и даже не успел разогнать рукой облака пыли от опавших ворот, как мимо него пронеслась маленькая повозка, запряженная кобылкой каурой масти. Портос успел только разглядеть сидевшего на козлах. От страха втянув голову в плечи, какой-то толстяк без устали нахлестывал лошадку вожжами.

Через мгновение повозка уже влетела в деревню, проскочила ее насквозь и скрылась где-то там, за дальним поворотом.

Портос пожал плечами и двинулся к центральному входу.

Внутри замка четверку благородных мушкетеров ждало полное разочарование. Никаких неприятельских солдат не было и в помине. Они долго бродили по бесконечным коридорам и шатким лестницам, заглядывали в каждое помещение, но нигде не встречали ни малейшего сопротивления. Это настораживало.

Только у двери самой угловой комнаты, закрытой на массивный железный засов, они увидели большую плетеную корзину для мусора. И услышали доносившееся из нее чихание.

— Здесь крысы! — вскричал Д, Артаньян. Он выхватил шпагу и бросился в атаку на корзину с мусором.

Как ни странно, опередил его неуклюжий Портос.

Он схватил корзину обеими руками, поднял высоко над полом и перевернул вверх дном. На пол вместе с мусором вывалился Жийоп.

Четверо благородных мушкетеров даже не стали учинять допрос жалкому похитителю. Пинками погнали его по коридору, выкинули во двор и захлопнули за ним дверь.

Не сговариваясь, мушкетеры вернувшись к таинственной двери, отодвинули железный засов и шагнули в комнату.

Взорам их предстала картина, которую они и ожидали увидеть.

За столом сидел взлохмаченный, заросший бородой человек и что-то быстро писал. Он ничуть не удивился появлению мушкетеров. Не поднимая головы, он кивнул и пробормотал:

— Друзья мои! Я уже давно ожидаю вас!

Четверка благородных мушкетеров отвесила ему сдержанные, но полные уважения и изящества поклоны.

— К вашим услугам, Создатель!

Дюма опять кивнул и, не отрываясь от бумаг, предложил:

— Располагайтесь, будьте как дома.

— Как прикажете, Создатель!

Дюма опять углубился в бумаги. Что-то вычеркивал, дописывал.

Если бы пара любопытным воробьев подлетели к решетке окна и заглянули бы внутрь, они увидели бы занятную картину.

На топчане восседал Портос. За столом, подперев голову руками, Атос. У стены на охапке сена полусидели, полулежали Д, Артаньян с Арамисом. А бородатый, взлохмаченный человек расхаживал по комнате и, держа в обеих руках листы рукописи, читал вслух.

Но воробьи в тот поздний час к замку не подлетали. Эти любопытные пернатые вообще не любят летать в темноте.

Весь вечер и большую часть ночи Александр Дюма читал мушкетерам вслух главы своего нового романа «Граф Монте-Кристо».

Возвращение Александра Дюма в Париж, как ни странно, не вызвало ни восторгов, ни праздничных салютов. На что втайне, по-детски, он надеялся. Наоборот. Всех его поклонников и многочисленных поклонниц охватила какая-то странная апатия. Иные даже избегали встреч с ним. Не иначе, слишком переусердствовали в страстях.

Словом, интерес к писателю резко упал. Но ненадолго.

Не тем человеком был Александр, который сидит, сложа руки, и равнодушно наблюдает за падением интереса к собственной персоне. Дюма нанес удар по общественному мнению вовсе не с той стороны, с которой все ожидали. Он вызвал Огюста Маке на дуэль. Потратил несколько дней и кучу денег на его розыск, привез, (собственноручно!), в Париж и бросил ему на глазах у всех перчатку. Прямо в лицо.

Дуэль Александра Дюма с Огюстом Маке состоялась в старом парке на северной окраине Парижа. Поляна, которую местные жители окрестили «Долиной смерти», хотя за последние пятнадцать лет ни один человек на ней не был убит, или хотя бы серьезно ранен, служила забиякам из высшего света постоянным местом сведения счетов.

В иные дни даже образовывалась своеобразная очередь. Секундантам приходилось проявлять недюжинную смекалку и изворотливость, чтоб развести обидчиков и оскорбленных по разным кустам, не столкнув их лбами раньше положенного срока.

За день до дуэли газеты пестрели заголовками. «Дюма против Маке!». «Автор против соавтора!». «Не пора ли вмешаться властям?».

На следующее утро после дуэли тон газетных статей резко изменился. «Дюма целил в Маке, подстрелил ворону!». «О пользе парижских ворон!». «Любители природы протестуют!».

А произошло буквально следующее...

Сначала все шло по тщательно продуманному и не раз обкатанному сценарию. Дюма со своими

секундантами явился чуть раньше положенного времени. Огюст Маке со своими, точно в назначенное время.

Некоторое время секунданты препирались. Дюма настаивал на пяти шагах, Маке на десяти. Сошлись на двадцати шагах, чтоб ни у одного из противников не было преимущества.

Как водится, предложили противникам примириться.

— Меня обвинили в воровстве! — горячо воскликнул Огюст Маке. — Только кровь может смыть подобное оскорбление!

— Он оскорбил не меня-а! — гремел в ответ на предложение секундантов Александр Дюма. — Он оскорбил великую французскую литературу! Я должен встать на защиту ее чести и достоинства!!!

Короче, никакого примирения не произошло.

Раздали револьверы, воткнули в землю шпаги, развели соперников в разные стороны, все как положено.

— На счет три... сходитесь!!! — рявкнул поставленным, профессиональным голосом Жорж Дюррер. Кстати, по совместительству, актер одного из небольших парижских театров.

Противники, гневно сверкая глазами друг на друга, начали медленно сходитьсь. Газетчики, в изобилии прятавшиеся по всем окрестным кустам, замерли в напряженном ожидании.

Хорошим дополнением к этой сцене, ее иллюстрацией, могла бы стать какая-нибудь громко звучащая, трагическая музыка. Но откуда ей взяться на

далекой лесной поляне. А небольшого оркестра припрятать в кустах никто не догадался. Над головами соперников, где-то там, высоко на деревьях только оглушительно каркали наглые вороны. Они явно разрушали всю трагическую гармонию происходящего.

Противники сходились. Все ближе и ближе. Оба уже подняли револьверы и начали целиться. И вдруг...

...Раздался конский топот, ржание лошади и на поляну стремительно выскочила небольшая карета. Она пронеслась между кустами и остановилась посреди поляны, почти между застывшими в недоумении противниками. Дверца кареты распахнулась и... на поляну вывалилось все семейство Огюста Маке.

Полная, раскрасневшаяся жена Мартина, две, ревущие в голос дочки и даже служанка Мари, известная всем соседям, как склочница и изощренная интриганка. Женщины, оглушая окрестности плачем и воплями, бросились к Огюсту, окружили его со всех сторон. Самая маленькая Жозефина, встала перед отцом и, с ненавистью глядя прямо в глаза Александра Дюма, широко раскинула в стороны ручонки. Дескать, стреляйте сначала в меня, если у вас поднимется рука, господин Дюма!

У Дюма поднялась рука. Он поднял револьвер высоко над головой и выстрелил в небо. Раздался оглушительный выстрел. И не менее оглушительный крик стаи ворон. Одна из них, довольно крупная, размером с приличную курицу, теряя перья, упала прямо на поляну. К ногам побледневшего от неожиданного выстрела Огюста Маке.

Секунданты и многочисленные газетчики бросились к несчастной вороне, но та...увы!.. уже была мертва.

Как уже сказано выше, об этом происшествии в лесу на северной окраине Парижа еще долго писали все газеты.

Буквально через два дня после дуэли, Александр Дюма нанес еще один удар по общественному мнению Парижа. Во всех газетах он поместил объявление, что основывает новую ежевечернюю газету под названием «Мушкетер»!

Первый же номер газеты торжественно провозгласил. В самое ближайшее время в свет выйдут пятьдесят (!?) томов мемуаров Дюма.

Общественность Парижа опять пришла в волнение. Кто откажется сунуть свой любопытный нос в частную жизнь такой яркой личности, каковой безусловно являлся наш знаменитый Александр Дюма? Кто откажется себе в удовольствии ознакомиться со списком всех его любовниц? Таковых, естественно, не оказалось вовсе.

И в самом деле! Какой еще из современных писателей мог похвастаться тем, что написал более четырехсот романов. И произвел на свет около пяти сотен внебрачных детей. Впрочем, на этот счет были разные мнения. Одни утверждали, романов пятьсот, а детей, всего-навсего, четыреста с небольшим. Другие, наоборот. Сам Дюма, когда к нему обращались с подобными вопросами, говорил. Когда количество тех и других сравнивается, он оповестит читателей и заинтересованных лиц через свою газету «Мушкетер».

Издатель и ближайший друг Жирардэн был категорически против:

— Издавать новую газету!? В наше время!? Невозможно!

— Возможно, если за дело взялся я! — улыбаясь, отвечал Дюма.

Сотрудников редакции Александр набирал исключительно по принципу личной симпатии. Деловые качества в расчет не принимались.

На должность главного бухгалтера пригласил, например, знакомого садовника. Хотя тот умел считать только до десяти. Да и то постоянно сбивался. Не беда! Зато каждой посетительнице редакции, новой подписчице он преподносил оригинальный благоухающий букет.

Кстати, считать особенно было нечего. Денег в редакции почти не водилось. Никто из сотрудников не получал жалования. Но никто и не роптал. До поры до времени.

Сам Дюма, живший в квартире этажом выше, с утра до вечера, полуодетый, в одних только панталонах строчил километрами свои бесконечные «Мемуары». Бессистемно, но чертовки увлекательно, живо и красочно возрождал на страницах «Мемуаров» свое детство, отрочество, голодную юность, первые годы в Париже, верных друзей, многочисленных любовниц и, не менее многочисленных, приятелей.

Тираж «Мушкетера» мгновенно вырос до десяти тысяч! Что по тем временам было откровенной фантастикой.

Все признавали, Дюма, единственный из всех французских писателей, в совершенстве владеет искусством Изумлять! Очевидно, сам с детства еще не разучился удивляться и изумляться.

Но рукотворные чудеса не могут длиться вечно.

Капризной парижской публике надоело довольствоваться его воспоминаниями, как единственной духовной пищей. Подписчики исчезали один за другим. Сотрудники редакции — тоже. Им тоже довольно быстро надоела праздничная, дружеская атмосфера в редакции, вместо жалования. Которого не было вовсе.

Короче, через несколько месяцев «Мушкетер» пошел ко дну. Еще некоторое время над парижскими бульварами витал некий дух от пузырей, поднявшихся на поверхность с сего корабля. Но он, этот романтический дух, вскоре развеялся.

Но Александр Дюма тут же явил читающей публике самого «Графа Монте-Кристо». Сказать, что парижане были в восторге, ничего не сказать. Париж сходил с ума от романа. Дюма и сам был в восторге. Его детская способность восторгаться собственными романами, поражала всех в самое сердце. Увлекала и даже заставляла окружающих подражать ему и в этом. Парижане вообще во многом подражали Александру Дюма. Подчас, сами того не осознавая.

А когда Дюма торжественно объявил о начале строительства загородного замка под названием «Монте-Кристо», парижане просто обезумели. Все дамы поголовно бросились шить новые наряды в стиле

«Монте-Кристо». Музыканты сочинять музыку, чтоб достойно встретить выдающийся праздник новоселья. Актеры и актрисы стали разучивать сцены из блистательного романа. Художники писать картины, чтоб преподнести их в дар Александру.

По дороге, ведущей из Буживаля в Сен-Жермен на участке сплошь заросшим лесом, стояли двое. Владелец участка писатель Александр Дюма и самый модный парижский архитектор Дюран.

Как главнокомандующий перед великим сражением Дюма давал четкие и конкретные указания:

— Здесь вы разобьете мне настоящий английский парк! В самом центре его возведете замок! В стиле эпохи Возрождения! Прямо напротив... во-он там, видите? Возведите готический павильон. Я уже все продумал. На моем участке полно ручьев. Сделайте из них каскады! Кстати, павильон должен быть окружен водой. Со всех сторон!!!

Архитектор Дюран, вытирая пот, едва успевал записывать и делать легкие наброски в блокноте. Дюма не умолкал ни на минуту:

— Перестаньте записывать, дорогой Дюран! Я уже все давно записал и зарисовал. Вам будет представлен полный пакет чертежей, эскизов и описаний того, что требуется. Мне важно, что вы ухватили главный замысел! Я намерен возвести Замок Моей Мечты!!!

— Но... дорогой Александр! Здесь глинистая почва. Все ваши грандиозные строения просто поползут!

— Копайте, дорогой Дюран! Копайте, пока не дойдете до туфа. Два или три подземных этажа

отведите под погреба и различные сходящиеся и расходящиеся своды.

— Господи! Это обойдется вам в несколько сот тысяч франков!

— Надеюсь, что не менее! — счастливо улыбался Александр.

Замок «Монте-Кристо» был возведен в фантастически короткие сроки. Трехэтажная вилла в центре английского парка являла собой ошеломляющее строение, которое соединяло сразу все стили и направления в архитектуре. Вся крыша была сплошь утыкана флюгерами. Над центральным входом красовался высеченный девиз писателя.

«Люблю тех, кто любит меня!».

На каждом этаже было по пять комнат. И ни одна не повторяла другую. Восток и Запад, Египет и Древний Китай были представлены мебелью и самыми разнообразными предметами. В самых невероятных сочетаниях. Фриз вокруг дома состоял из скульптурных изображений великих людей. Гомер и Софокл, Шекспир и Гете, Байрон и, разумеется, сам Александр Дюма.

По замку, (и по поместью, разумеется, тоже!), можно было бродить часами, делая для себя все новые и новые открытия.

Все смещалось в замке Александра Дюма. На новоселье было приглашено шестьсот гостей. Они приезжали когда им вздумается, поскольку никакого конкретного числа и часа назначено не было. Было только одно условие — карнавальный костюм.

Сотни бутылок одновременно подогревались. Сотни бутылок бургонского одновременно охлаждались. Сотни бутылок шампанского одновременно стреляли пробками в потолки.

Жареные куропатки и запеченные окорока мирно уживались на одних подносах.

Слуг и лакеев было не меньше гостей. Невозможно было разобрать, кто есть кто, кто с кем. Никто и не пытался.

Раблезианский обед плавно перетекал в роскошный ужин. Параллельно звучали несколько оркестров. Кто не ел, тот танцевал. Актрисы и актеры явились в своих сценических нарядах. Представители высшего света наряжались просто — кто во что горазд.

Фантастической кульминацией праздника стал неистовый танец галоп. Разбившись по парам, гости во главе с хозяином, образовали длинную бесконечную цепь, которая начиналась в замке, тянулась по всем этажам, из комнаты в комнату, вываливалась на улицу и пестрой змеей извивалась, и терялась где-то там, в аллеях парка.

Гремели, стараясь перещеголять друг друга, оркестры.

Ночное небо взрывал праздничный фейерверк.

Замок «Монте-Кристо» стоит и поныне. Им любуются, восторгаются и восхищаются многочисленные посетители. Но немногие из них обращают внимание на расположенное неподалеку удивительное строение в готическом стиле. Эдакая миниатюрная кукольная крепость. Подойти к ней

можно только ступив на мостик, перекинутый через ров с водой. На каждом камне крепости высечено название одного из произведений Александра Дюма.

И уж совсем немногие могут войти внутрь. Так как, крепость закрыта для посетителей. Если кому и удастся, то, поднявшись по винтовой лестнице на второй этаж, взору предстанет небольшая келья. Сундуки средних веков, письменный стол, вывезенный из чьей-то трапезной. И книги, книги.... На одной из стен, напротив окна — в ножнах красуется шпага, обильно украшенная россыпью дорогих камней. Но если подойти поближе и внимательно рассмотреть ножны, ясно станет — бутафорская, театральная. А если вынуть шпагу из ножен, и вовсе будет полное разочарование. Деревянный клинок шпаги переломлен пополам.

Единственная ценность сувенира в том, что его когда-то держал в руках выдающийся французский писатель, авантюрист и фантазер, последний романтик девятнадцатого века Александр Дюма.

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ	1
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО ШЕКСПИРА	1
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО ШЕКСПИРА	3
ДОЛГОЕ ДЕТСТВО КРЫЛОВА.....	97
ЛЕТАЮЩИЙ ГОГОЛЬ.....	156

